

A detailed stone relief carving of a Maya deity, likely K'ukul Kan, shown in profile facing left. The deity wears an elaborate feathered headdress and a beaded necklace. The background of the relief is filled with intricate geometric and organic patterns.

Сергей Шаповалов

Под знаменем
Бога Грозы

16+

Сергей Анатольевич Шаповалов

Под знаменем Бога Грозы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34463174

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93089-6

Аннотация

Исторический роман о великой империи хеттов времен правления лабарны Суппилулиумы. Суппилулиума I – величайший правитель Хеттского царства, правивший им из Хаттусы в XIV веке до н.э. Точные даты правления Суппилулиумы не установлены, но чаще всего считается, что он правил около 1380–1323 до н.э. Суппилулиума провёл ряд успешных военных кампаний и укрепил управление Хатти, что позволило его государству бросить вызов Новому царству Древнего Египта, бывшему в это время гегемоном на Ближнем Востоке. Обложка подготовлена Шаповаловым С.А. Использована фотография из Каирского исторического музея.

Содержание

Немного о хеттах	4
Часть первая	12
1	12
2	41
3	50
4	76
5	104
6	124
7	136
8	161
9	178
Часть вторая	195
1	196
2	209
3	227
Конец ознакомительного фрагмента.	236

Сергей Шаповалов

Под знаменем Бога Грозы

Немного о хеттах

Далеко за горизонтом греческой истории лежит империя хеттов, самая таинственная империя древних веков, погибшая задолго до рождения нашего календаря. И не только погибшая, а до недавнего времени совсем забытая – еще в большей мере, чем легендарная Атлантида!

Одним древним народам «повезло» больше, другим значительно меньше: например, историческая наука очень пристально и детально изучает Древний Египет, об Элладе уж и напоминать как-то неприлично, настолько исхожена Древняя Греция вдоль и поперек, – а вот народ, по «старшинству» примерно равный египтянам и значительно старший не только греков, но и их предшественников ахейцев, изучался до самого начала XX века лишь обрывочно и случайно. Речь идет, конечно, о хеттах, вписанных, наряду с египтянами, в Книгу Книг и не последнее место занимающих в Ветхом Завете. Более того: матушка самого Соломона, царя еврейского, была хеттеянка, жена Давида.

Библия, как исторический документ, особенно в том, что касается географии народов и царей, книга довольно точ-

ная. Если и вкрались в нее ошибки, то по вине зднейших пересказчиков и переписчиков. А по Библии хетты населяли не больше и не меньше, как всю Сирию – вплоть до берегов Евфрата!.. Ученые и сейчас не склонны признать за ними территорию слишком большую и считают, о этот уникальный народ жил, в основном, по берегам Кызыл-Ирмак (современное название), в прошлом античного Галиса. Зато из археологических находок и теоретических работ многих ученых, всерьез занявшихся, наконец, хеттами, следуют исключительные по своему значению выводы. Например, тот, что в отличие от империи Древнего Египта «страна Хатти» долгие века была конфедерацией стран. Или, допустим, тот, что хетты поклонялись настолько несметному количеству божеств, что это позволило назвать их (хеттов) – народом "тысячи богов". В отличие от других завоевателей, хетты не расправлялись с богами покоренного народа: они включали их в свой пантеон и даже поклонялись им. Еще одна уникальная черта, очень несвойственная жителям именно того региона – Малой Азии, Палестины, Сирии и Анатолии, – не подвергать побежденных не только пыткам, причиняющим боль и смерть, но даже моральным унижениям. Завоеванного и попавшего в плен царя того или иного народа "Великий царь" хеттов отпускал с миром и даже оставлял за ним его государство. С одним, правда, условием – чтобы тот вовремя и в надлежащем объеме платил дань. И не только: соотнес бы свои юридические уложения с новой обстановкой, то есть

с юридическими законами Хатти. Одно царьку позволялось оставить неизменным – способ наказания за особо тяжкие преступления, которые у хеттов карались смертной казнью, не только самого преступника, но и всего его "дома". Блестящие воины, избравшие способом ведения боевых действий только встречу с противником в генеральном сражении, хетты редко проигрывали битву. При всей своей воинственности, они отличались мягким незлобивым характером, а те города, которые, по законам военного времени, было необходимо разрушить, разрушали, но при этом переселяли население этих городов на новое место. Значительно число исторических свидетельств о том, что хетты с некоторых вассалов брали дань в виде вооруженных отрядов и включали их в свою армию, не опасаясь бунта.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению об общественном строе Хатти. Ни в одном из обнаруженных за полтора столетия лет текстов не говорится напрямую, были ли в стране хеттов рабы. Десятилетиями советские ученые спорили, считать или нет «слуг», постоянно упоминавшихся, особенно в юридических сводах, рабами. Многие историки склонялись к тому, что форма существования "слуги" скорее подходит под понятие "крепостнической" зависимости от хозяина. Если бы только от хозяина!.. Ученые, сами фактически закрепощенные государством, словно не замечали, что больше половины хозяйственного уклада страны Хатти составлял социалистический, государственный уклад. При недо-

статочном развитии производительных сил, характер производственных отношений у хеттов и впрямь номинальный. Например, соответствующая служба, как государственный институт принадлежащая царю, на целый месяц посылала жителей страны на сельскохозяйственные работы! Правда, в отличие от «самой лучшей из стран» где студенту или инженеру получить освобождение от сельхоза повинности можно было лишь по причине болезни, хетты давали освобождение всем, «у кого сквозь ворота во дворе виднелось вечнозеленое дерево». Имелась в виду необходимость ухаживать за этим растением в то же самое время, когда государству требовалось ухаживать за государственными деревьями! Попробовал бы кто-нибудь в недавнее советское время, дабы не ехать "на картошку", в качестве аргумента выдвинуть наличие у него личного дачного участка с картофельным клином!

Хеттский царь содержал множество государственных предприятий, очень похожих на совхозы (до колхозов, слава Богу, не додумался!.. Впрочем, были общинные земли). Они назывались "домами" – «дома дворца», «дома богов» (храмы, – а вспомните, сколько было у хеттов богов), "каменные дома" (видимо, храмы, посвященные погребальным ритуалам), "дома царя", "дома царицы" и так далее. Во всех этих «домах» необходимо было работать. Рабочих рук наверняка не хватало: хетты, не слишком грабившие побежденных, вряд ли были богаты, и использовать постоянную рабочую силу царю было трудновато. Вот и придумал повин-

ность для всех жителей, что не могли достать и в одну ночь высадить на участке дерево, да еще вечнозеленое. Впрочем, насколько мог, рабочую силу царь «закупал»: расселяя тех же самых пленных или репатриантов. он давал каждой семье участок, оплачивал строительство дома, подсобных хозяйственных сооружений, покупку тягловой силы и домашних животных – коровы, овцы, козы (причем, конечно, не в единственном числе каждого вида) За это "слуга" должен был отработать не менее, скажем, тридцати лет на государственном предприятии. Правда, существует мнение, что, когда изработавшийся «слуга» уходил от активной трудовой деятельности, все, чем он был наделен от царя, отбирали. Но, скорее всего, это заблуждение ученых, и в ближайшие пятьдесят-сто лет хеттология все поставит на места. Как бы то ни было, вот это прикрепление неимущих пленников к земле и было «хеттской крепостью», той самой «феодальной» кабалой. "Домов" в хеттском государстве было множество, и населяло их множество неполноправных людей. Кстати, «слуга», провинившись, выплачивал, согласно уголовному и гражданскому кодексам, зафиксированным в глиняных табличках, ровно половину ущерба в сравнении с тем, если бы ущерб (государству или частному лицу) был нанесен человеком полноправным.

Особым почетом и привилегиями в стране Хатти пользовались «люди орудия». Это ремесленники – гончары, кузнецы-металлурги, ювелиры и т. д., то есть люди, занимавшие-

ся каким-либо ремеслом и использовавшие конкретное орудие – ткацкий станок, плавильную печь или гончарный круг. Они не считались "слугами", они назывались "хозяевами".

Население страны представляло собой, можно сказать, сообщество наций. Хеттов, быть может, и хотелось бы обвинить в чем-либо, но уж только не в национализме. Одной только официальной письменности в стране Хатти ученые различают восемь видов! Разнятся они не по способу письма (хотя их тоже два – иероглифический и клинописный), а по языкам. К тому же в этих восьми широко применялась так называемая «аллография» – использование в тексте совершенно чужих всем восьми языкам слов и начертаний, например, из шумерской письменности. Причем писцы применяли подобный способ написания как скоропись: им было легче начертать шумерский знак для шулерского понятия, чтобы читатель догадался вместо шумерского прочесть свое слово, писать которое значительно больше. Таким образом, вырисовываются сразу два совпадения с советской страной – широкий интернационализм и всеобщая грамотность. Правда, хетты, судя по всему знали иностранные языки значительно лучше советских людей, владевших ими в большинстве своем "со словарем". А со временем скоропись с применением чужих слов стала правилом, поэтому современные ученые столкнулись с большими трудностями при расшифровке хеттских текстов: некоторых слов из хеттского языка они просто не знают, – так переусердствовали писцы по сы-

рой глине заточенным стилем, настолько облегчили задачу себе, что теперь хеттологам прочтение слов «овца», «женщина», «медь» и прочих по-хеттски не под силу.

Хетты общались со всем миром. Киприоты были вассалами царей страны Хатти, Микены не чуждались общения и торговли. С великим Египтом, после ряда «встреч» далеко не дружественного характера и крупной победы в Кадеше при реке Оронт над войсками Рамзеса II, хетты заключили договор о вечной дружбе и взаимопомощи и действительно «обменивались» даже принцами и принцессами, то есть «дружили домами». Более ортодоксальный Египет не мог до конца понять «широкой души» хеттов, поскольку интернационализм в Египте выражался разве что в применении рабочей силы иноземцев-рабов, которая не ценилась ни во что. А вот от принцев и принцесс не отказывался: похоже на то, что царица Тейе и ее высокопоставленный брат были хеттами. С нее-то и с мужа ее Аменхотепа III и началось сближение значения для государства царя и царицы. Она первая, а за ней Нефертити, Анхесенпаамон – стали непосредственно участвовать в государственных делах и по праву изображаться на троне рядом с фараоном. Роль женщины в стране Хатти очень приближалась к роли мужчины. Можно сказать, там было почти равноправие. Как и у нас: не отбирая у нее исконных и привычных обязанностей вроде стирки, уборки и кухни, мы милостиво (и давно!) разрешили женщине работать наравне с мужчиной у станка и на стройке. А есть еще

женщины-пилоты!

Религия у хеттов играла первостепенную роль. В стране было множество храмов, в которых отправлялись различные культы многих и многих богов. Божества хеттов отвечали каждый за свою, вполне определенную сферу жизни. Бог Солнца – один бог, ему принадлежало неотъемлемое: он сотворил весь этот мир. Богиня Солнца – всем этим миром управляла. Ей поклонялись хетты, как главной, не забывая при этом, что главный – Он. Кроме того, были бог Грозы, бог Луны, богиня Духа пчелиного роя (!), божества Страха и Ужаса и так далее. Боги различались по функциям – периодически исчезающий бог плодородия Телепинус, женские божества Хебат и Иштар (да-да, совершенно чужая хеттам Иштар из Ниневии!), богиня Престол (престол у хеттов женского рода), боги-злаки, боги ремесла (Кузнец, Пастух и пр.).

Как католики латынь, а православные церковнославянский язык, так хетты для ритуалов использовали хурритский, на котором не говорили. Хурритская письменность, даже встречающийся на этом языке текст эпоса о Гильгамеше, – была только для религиозных дел, и ни для каких более.

Войтех Замаровский

Часть первая

Возрождённая из пепла

1

*«Поглядите, превратился он в огромного Быка,
Поглядите, у него рог немного согнут!»*

Спрашиваю: «Отчего рог немного согнут?»

Отвечает он тогда: «Я ходил в поход.

Загораживала путь нам гора большая.

Подошел тогда к ней Бык, гору он подвинул.

Море победили мы. Оттого и согнут рог!»

Из древнего хеттского текста

Суппилиумума вздрогнул. Крики доносились с улицы. Где-то на сторожевых башнях перекликались часовые. Сознание постепенно возвращалось, но глаза никак не хотелось открываться. Уже утро? Еще бы поспать. Но он боялся вновь провалиться в кошмары, которые мучили его всю ночь и не отпускали даже сейчас, после пробуждения. Он, подобно Богу Грозы, сражался со змеем Иллуянкой¹, жутким чудовищем с холодной, скользкой чешуей и огромными клыками.

¹ Иллуянка – мифическое чудовище, дракон в хеттской мифологии.

Но у него не было столько сил, как у Бога Грозы, и змей Ил-луянка его раз за разом опрокидывал на землю. Он вставал, вновь бросался в схватку, и вновь был повергнут... Вдруг оказался пред полчищем врагов, один. Защищался от стрел, летевших со всех сторон. Стрелы вонзались в щит и превращались в ядовитых змей. Змеи пытались жалить... Потом убегал от кровожадных зверей, но ноги не слушались, а за спиной раздавался жуткий рев, доносилось смрадное дыхание...

Суппилулиума с облегчением вздохнул, поняв, что вырвался из объятий кошмара. Никакого звериного рыка... Никаких змей... Приятная ночная тишина...

Крики повторились. Призывы звучали все ближе и настойчивее. Это уже не сон! Почему затеяли перекличку в столь поздний час? Предчувствие чего-то недоброго закралось в душу холодной скользкой гадиной. Теперь он уже явно слышал: «Вестовой к наместнику Суппилулиуме!» Усилием воли юноша заставил себя окончательно стряхнуть остатки сна и открыть глаза. Темные своды еле вырисовывались в скудном свете масляной лампадки. Сквозь узкое окошко под потолком заглядывала любопытная луна, бросая холодный отблеск на каменный пол, устланный шкурами, на стены с пестрыми коврами.

«Вестовой к наместнику Суппилулиуме!» – где-то рядом под окном прокричал караульный. Сердце громко ухнуло. «Что-то произошло!» Вестовой с пустяшным поручением не

будет тревожить среди ночи наместника города Куссары². За дверью слышались быстрые тяжелые шаги. Оруженосец Цула ввалился в покои с факелом в руке. Никто не мог так сотрясать пол, как этот великан. Суппилиума сел на ложе, прикрывая глаза рукой от яркого света факела.

– Повелитель, прости, что нарушил твой сон, – выпалил Цула, тяжело переводя дух. – Прибыл гонец из Верхней страны с плохой вестью.

– Говори! – Суппилиума засунул ноги в холодные кожаные сапоги и ошупью искал шерстяную андули³.

– Племена каскийцев⁴ перешли реку Куммесшахи⁵ и

² Куссар (Куссара, Куишара) – один из древнейших городов Малой Азии (2-е тыс. до н.э.). Находился юго-восточнее города Хаттусас (Хатти) – допустимо, что на территории современного ила Йозгат. Среди древних городов-государств происходила борьба за политическую гегемонию. На первых порах верх взял город Пурусханда (Буруиханда), правитель которой считался «Великим царём» среди остальных правителей. Позднее же ситуация изменилась в пользу города-государства Куссара. В начале 19 века до н.э. царь хеттов Питханас положил начало Хеттскому царству, со столицей в Куссаре. В середине 17 века царь Лапарнас I перенёс столицу в город Хаттусас (Хатти).

³ Андули – род грубой одежды без рукавов.

⁴ Каски (или Каики, Кашаки, Каскейцы) – народность (группа племён) населявшая северо-восточную Анатолию и Южное Причерноморье (Понт) в течение II тыс. до н. э. от р. Галиса (Кызыл-Ирмак) или западнее, до верхнего Евфрата к западу от совр. Ерзика – Эрзинджана, включая долины рек Ирис (Ешил-Ирмак) и Лик (Волчья река, Гайл-гет, Келькит). Данная народность засвидетельствована в клинописных надписях древней Малой Азии. . Иногда их называют – Каскайские племена.

⁵ Куммесшахи – река на севере современной Турции Келькит

быстро движутся к Хаттусе⁶.

Голова моментально прояснилась. В груди все похолодело.

– К Хаттусе? – Суппилулиума подскочил с ложа. – Созывай воинов! – распорядился он. – Всех, что у нас есть, даже наемников из Ахиявы⁷. Пусть запрягаю колесницы. Выступаем немедленно.

– Ты не оставишь небольшой отряд для защиты Куссары? – Поинтересовался Цула, помогая повелителю одеться.

– Нет! Пусть ремесленники защищают город. Если Хаттуса падет, то и Куссаре долго не простоять.

Звезды яркими огоньками проткнули черное покрывало ночного неба. Бог Кушух⁸ неторопливо правил печальной лунной ладьей, унося в Страну Забвения души усопших навеки. В темноте еле угадывались очертания горных вершин. Тявкали шакалы, деля добычу. Среди скал отрывисто и громко раздался рык ночного охотника. Шкалы затихли.

⁶ *Хаттуса* – столица древнего Хеттского царства. Городище расположено около современной турецкой деревни Богазкале (тур. *Boğazkale*, ранее именовалась *Богазкёй*) в центральной Анатолии на берегу реки Кызылырмак (в древности *Галис*) в 145 км восточнее Анкары.

⁷ *Ахиява*, государство, упоминаемое в переписке и анналах хеттских царей с 14 в. (со времени царя Суппилулиумы) до 2-й половины 13 в. до н. э. Местоположение *А.* (в М. Азии или на островах Эгейского моря) точно не установлено.

⁸ *Лунное божество* – сверхъестественное существо, связываемое с Луной. Лунные божества существуют в разных политеистических религиях и мифологиях.

Стук копыт и скрип колес нарушил тишину. Пляшущий свет факелов выхватил каменистую дорогу, петляющую среди холмов. По обочинам шапки кустов и серые безликие валуны. Несколько легких боевых одноосные колесниц ощупью пробирались по дороге. Усталые лошади тяжело дышали, роняя пену. За колесницами топали пешие воины, неся за спиной большие овальные щиты из переплетенных прутьев кизила, в руках короткие копья с тяжелыми бронзовыми наконечниками.

– Стой! – скомандовал юноша в передней колеснице. Возничий натянул вожжи.

Юноша внимательно прислушался к ночным шорохам. С ним поравнялась вторая колесница. Ей правил высокий крепкий воин. Могучая грудь казалась еще шире от кожаного нагрудника, украшенного медными пластинами. На голове медный шлем с высоким гребнем из конских волос.

– Осталось совсем немного. Я узнаю эти места, – взволновано произнес юноша.

– Но, повелитель, ничего не видно в такой темноте, – возразил великан, пытаясь хоть что-то разглядеть впереди.

– Я и слепой найду дорогу к родному дому. Сейчас мы спустимся в долину, перейдем вброд реку, затем взберемся на гряды вон тех холмов и увидим огни на сторожевых башнях Хаттусы.

– Наш дозор долго не возвращается. Не угодить бы в засаду, – встревожился великан. Он принялся – Пахнет гарью.

– Может это от костров. Каскийцы где-то близко, – понизил голос юноша. – Слышишь? Стук копыт. Я вижу, мелькает факел.

– В боевой строй! – Рыкнул великан.

Копьеносцы тут же встали шеренгами, сомкнув щиты, и перегородили дорогу. Лучники выбежали вперед, заняли позиции, готовясь к стрельбе.

– Это наш дозор, – успокоил всех Суппилиума.

Из-за холма вылетел всадник на взмыленном коне. В руку пылал факел. Дозорный резко осадил храпевшего скакуна.

– Повелитель, беда! – прокричал всадник. – Враг взял Хаттусу.

– Гони! – крикнул юноша.

Возничий хлестнул лошадей, и колесница рванулась с места, грохоча по камням, оббитыми медью колесами.

К стенам Хаттусы добрались с рассветом, когда Небесный Бог Солнца только выкатывал из моря огненную колесницу. Вершины гор вспыхнули, словно охваченные пламенем. Ночная прохлада отступала куда-то в долины вместе с клубами желтого тумана.

На вершине холма показались незыблемые оборонительные стены с массивными квадратными стрелковыми башнями. Но сторожевые огни не пылали на башнях. И часовых не видно. Вообще вокруг – никого. Ни звука, только карканье воронья.

Хлопья пепла кружились в воздухе серым снегом. Горький запах гари мешался со сладковатым, тошнотворным духом тлена. Юноша прыгнул с колесницы и быстро подошел к склону, где начиналась широкая дорога, мощенная камнем. Дорога упиралась в центральные Ворота Лабарны⁹. Меж высоких сторожевых башен черной брешью зиял проход. Дубовые створки валялись, разнесенные в щепки. С них уже содрали золотую чеканку. Кругом лежали обезображенные трупы.

По смуглой гладкой щеке юноши скатилась слеза, оставляя мокрую дорожку. «Опоздал!» – еле слышно произнес он дрожащими губами.

К нему подошел великан Цула. Он снял медный шлем, черные жесткие кудри рассыпались по широченным плечам.

– Здесь каскийцы прорвались в Хаттусу, – указал юноша на Ворота Лабарны.

– Южный склон – самое уязвимое место, – согласился Цула. – Дорогу мостили камнем для торжественных выездов правителя во время праздников. Здесь и склон пологий. Каски подкатали тара, да взломали ворота. Раньше Южную стену защищал земляной вал, но за ним давно никто не следил, смыло дождями.

– Почему же стену вновь не укрепили?

⁹ Лабарна I – царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1680 – 1650 годах до н. э. Сын Папахдилмы. Не сохранилось ни одной подлинной надписи этого царя. Согласно хеттской исторической традиции Лабарна I считается основателем древнехеттской династии.

– Жители Хаттусы забыли, когда последний раз враг стоял у ворот. Давненько война сюда не докатывалась. Со времен лабарны Мурсили¹⁰ столица не помнит осады. Почти три сотни лет прошло. С восточной и западной стороны стены высокие. С северной – крутой обрыв. Внизу река. С осадными орудиями не подобраться. А здесь, южная стена совсем низкая.

– И все же я не могу понять, почему так быстро пала Хаттуса. Не простояла и трех дней, – возмущался юноша. – Гарнизон хорошо вооружен. Одни стражники храмов чего стоят, да еще три тысячи копьеносцев Богини Вурусему.¹¹ Могли не меньше года держать оборону. Почему каскийцы так быстро сумели взять город?

Суппилиумума поднялся по склону и, затаив дыхание, прошел сквозь сводчатую арку Ворот Лабарны. Узкий ход меж высоких стен вел ко вторым, внутренним воротам. Всюду лежали тела павших воинов. В конце, у выхода в город возвышался завал из мертвецов. Здесь особенно жарко кипел бой. Сраженным некуда было падать. Они умирали стоя, продолжая сжимать оружие в окоченевших руках.

Пришлось выволакивать мертвецов наружу. Когда уда-

¹⁰ Мурсили I – царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1620 – 1594 годах до н. э.). Усыновленный внук и соправитель Хаттусили I

¹¹ Вурунсему (или Вурусему) – «богиня солнца города Аринна», супруга бога грозы Тару, мать богинь Меццаллы и Хуллы, мать бога грозы города Нерик, бабушка богини Цинтухи. Первоначально была богиней у хаттов, а после захвата их страны хеттами была принята последними в их религиозный пантеон.

лось проникнуть за оборонительную стену, Суппилулиума чуть не свалился без чувств. Вместо чистых улочек, опрятных домиков и цветущих палисадников перед взором предстал хаос из груд камней и тлеющих головешек. Остались лишь узкие проходы, напоминая, что здесь когда-то были улицы. Кругом растерзанные тела защитников, лежавшие среди руин.

Суппилулиума поспешил в Верхний город, стараясь не смотреть по сторонам. Здесь убитых было меньше: большинство защитников пало, у стен. Но в Верхнем городе среди мертвых попадались женщины и даже дети. Обугленные тела то тут, то там виднелись в развалинах. Суппилулиуму начало мутить. Он едва сдерживался, чтобы окончательно не потерять рассудок. Он зашагал к Северной цитадели. Может она устояла? Хаттуса состояла из Нижнего города, который защищала Южная стена, и Верхнего, стоявшего на возвышенности. Прорваться через городские стены – одно дело, но чтобы взять хорошо укрепленную Северную цитадель, построенную на скале – надо приложить немало усилий.

Твердыня гордо и угрюмо возвышалась над разрушенным, опустошенным городом. Суппилулиума поднялся к входу в цитадель, защищенному двумя высокими стрелковыми башнями. И здесь кругом убитые. У ворот бились отчаянно. Позолоченные створки безжалостно снесены. Суппилулиума, осторожно переступая через тела, прошел внутрь. В цитадели все разгромлено и сожжено. От величественной халенту-

вы¹² остались лишь почерневшие каменные стены. Деревянные перекрытия рухнули. Сквозь пустые закопченные глазницы окон проглядывало голубое небо. Еще тлели угли, источая едкий дым. Вместо цветущего фруктового сада торчал частокол черных стволов. Чудесные цветники погребены под слоем серого пепла.

Суппилиума остановился в растерянности. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он не мог поверить в то, что происходит вокруг. Не мог принять реальность... Почерневшие от пожара стены – все, что осталось от дворца, где он родился и вырос. Ему знаком здесь каждый уголок, каждое деревце... Но теперь все убито, безжалостно разрушено, сожжено. Чтобы не сойти с ума, Суппилиума плотно сомкнул веки и попытался привести себя в чувство. Надо что-то делать! Хоть что-нибудь! Но что? Правитель! Надо найти тело правителя, если каскийцы его не нашли раньше и не растерзали.

– Ищите тело лабарны¹³ Арнуванды, – словно в бреду приказал он воинам. – Правителя надо разыскать и похоронить со всеми обрядами.

– Обязательно найдем, повелитель, – заверил его Цула. Великану тоже было не по себе. Лицо бледное, словно кусок мрамора, в глазах растерянность.

¹² *халентува* – укрепленный дворец правителей

¹³ *лабарна* – правител. Титул связан с именем основатель хеттского государства

– Я буду проклят! – Суппилулиума больше не мог сдерживать себя. Слезы брызнули из глаз. – Я жалкая, ничтожная тварь, недостойная называть себя братом божественного лабарны. Арнуванда погиб как герой, сражаясь плечом к плечу с воинами Великой Хатти, а я припелся, когда от столицы остался один пепел. Я в отчаянии! Что скажу матери – солнцеликой таваннанне¹⁴? Что? Расскажу, как беспомощно взирал на развалины Хаттусы? Все, даже водоносы и блудницы будут тыкать в меня пальцем: Смотрите – это Суппилулиума. Он не помог брату. Предал его, чтобы захватить власть. Великий Арнуванда погиб, защищая храмы Хаттусы. Он надеялся, что Суппилулиума придет к нему на помощь, но зря надеялся...

– Не кори себя, повелитель, – возразил Цула. – Можешь гневаться, но я с тобой не соглашусь. У нас всего десять колесниц, три сотни копьеносцев, да кучка кое-как вооруженных ремесленников. Вряд ли нашей помощи хватило бы, чтобы отстоять Хаттусу. Если уж войско Богини Вурусему не сдержало каскийцев... мы-то, чем могли помочь?

– Ты не понимаешь, – горячо воскликнул Суппилулиума. – Если бы я подоспел вовремя, то погиб, как герой, как мой брат, подобно великим сыновьям Хатти. Наши души были бы чисты перед Богами. А что теперь? Мое имя опозорено навеки! – не унимался юноша.

¹⁴ *Таваннанна – титул правительницы, происходящий от имени супруги легендарного правителя Лабарны I*

Вдруг великан прислушался.

– Или я схожу с ума, или слышу голоса погибших душ, стремящихся к небу.

– О чем ты? – не понял Суппилулиума.

– Кто-то поет, – несмело повторил Цула.

Суппилулиума напряг слух.

– Слышу! Поют гимн Богу Солнца. Душам умерших не дозволено петь этот гимн. Солнце восхваляют только живые.

– Мавзолей Лабарны! – сообразил Цула.

Они обогнули развалины халентувы и оказались перед усыпальницей древнейшего правителя Хатти, божественного Лабарны. Высокие стены, сложенные из неотесанного камня на известняковом растворе, остались целыми. Под ними лежало множество каскийцев. Валялись изломанные штурмовые лестницы. Самшитовые ворота носили следы ударов тараном, но не поддались. За стенами на древнем хеттском языке охрипшие голоса вдохновенно восхваляли Бога Солнца:

Небесный Бог Солнца, мой господин, пастырь человечества!

Ты встаешь, Бог Солнца, из моря и восходишь на небо.

О Небесный Бог Солнца, мой господин, каждый день ты веришишь

Суд над человеком, свиньей, собакой и над зверем диким.

Ты вдохновенный вершитель справедливости и неутомим

в своем судилище¹⁵.

По нестройному пению можно было сразу догадаться, что гимн исполняли не жрецы. Заслышав шаги, поющие смолкли. Над выщербленными стенами показались хмурые насто-роженные лица.

– Кто такие? Не подходи близко! – раздался грозный оклик.

– Носитель жезла Бога Грозы, Суппилулиума, брат великого лабарны Арнуванды.

Загрохотал засов. Заскрипели ворота. Перед Суппилулиумой предстали человек двадцать измученных людей: почти без одежды, лица перепачканы сажей. На некоторых еще держались кожаные доспехи, изрядно посеченные в бою. Вперед всех, слегка шатаясь, вышел крепкий воин. Его обнаженный торс сплошь покрывали раны. Бурыми пятнами на холщевой рваной андули запеклась кровь. Вьющиеся черные волосы слиплись на лбу. В правой руке он сжимал короткий бронзовый меч. Воин встал на одно колено, как положено мешедю¹⁶ перед носителем священного жезла Бога Грозы и хрипло произнес:

– Приветствуем тебя, носитель жезла.

– Как имя твое. – Суппилулиума вглядывался в чумазое лицо, поросшее густой спутанной бородой, но никак не мог вспомнить, кто перед ним.

¹⁵ Из древних текстов

¹⁶ Мешедь – слуга.

– Я старший над мешедями лабарны Арнуванды. Мое имя Фазарука.

– Неужели – ты! – обрадовался юноша. – Поднимись немедленно! Ты – герой! Это я должен встать перед тобой на колени. Ты не позволил врагу осквернить мавзолей Лабарны.

– Со мной еще два десятка отважных защитников. Мы обороняли священную гробницу, пока пожар не заставил каскийцев убраться из города. Прости, что не смогли уберечь Хаттусу.

– А где мой брат? Жив ли правитель? Может в плену? Говори! – требовал Суппилулиума, с тревогой заглядывая в глаза Фазаруки.

– Если ты спрашиваешь о божественном лабарне Арнуванде... – Воин замялся

– Отвечай! – требовал Суппилулиума.

Фазарука опустил глаза и тихо произнес:

– Он бежал.

– Бежал? – Суппилулиума отшатнулся, словно его ударили по лицу. – Думаешь ли ты, что говоришь? Он не мог! Он должен был погибнуть вместе с Хаттусой, умереть как герой или отстоять святыню! Что ты придумываешь? Я должен разыскать его тело ...

– Не гневайся. – Фазарука с сожалением пожал плечами. – Тебе не найти тело лабарны среди руин.

– Где же он?

– Как только враг появился под стенами Хаттусы, Арну-

ванда покинул город, прорвался сквозь каскийцев с отрядом боевых колесниц и войском Богини Вурусему. Да, это – правда, горькая правда. Мало того, что ушел сам, еще увел три тысячи копьеносцев Вурусему, при этом не забыл прихватить все золото из халентувы.

– Я не верю! – воскликнул Суппилулиума. – Как он мог! Хочешь сказать... Нет! Такое невозможно! Арнуванда, как и я, из рода божественного Лабарны. Опозорить род – страшнее смерти.

– Могу поклясться перед Богами, – вздохнул воин, тяжело поднимаясь с колен.

– Он должен был бесстрашно сражаться во главе войска, – все не мог поверить Суппилулиума. – О, Боги! Какой позор! Мой брат... Потомок великого Лабарны... А я собрал всех своих мешедей... Шел днем и ночью без отдыха... – Его гневный взор обжег Фазаруку. – Почему позволил ему уйти? Ты – старший над мешедями лабарны. Почему не удержал его?

– Не гневайся, повелитель. Не в моей власти указывать лабарне, что ему делать. Тем более, он хорошо скрывал свой план. Перед побегом приказал мне возглавить оборону ворот Лабарны. Там ждала верная смерть. Я чудом уцелел.

– Прости! – Остыл Суппилулиума. Долго размышлял, оглядывая уцелевших воинов, и совсем обреченно произнес: – Значит, такова воля Богов.

– Но, что теперь? – тревожно спросил Цула. – Неужели

Хатти больше не существует? Храмы Хаттусы разгромлены. Статуи Богов осквернены. Как Всевидящие могли такое допустить?

– Только они и могут на это ответить, – рассудил Суппилиума. – Я хочу спросить у них самих. Проведите меня в мавзолей.

Суппилиума и Цула вслед за Фазарукой вошли в мрачное низкое каменное строение мавзолея. Пройдя несколько маленьких темных комнат, они очутились в cellule – небольшом квадратном зале без окон, со сводчатым потолком в виде купола. Стены украшали головы быков. Длинные изогнутые рога, покрытые золотом, отражали слабый свет масляных лампад. Вместо глаз сияли драгоценные камни. В стенных нишах застыли изваяния двух божеств в человеческом облики, выточенные из черного базальта: Страх и Ужас. Эти два божества всегда сопровождают Бога Грозы. Посреди зала находилась статуя самого Бога. Постаментом служил священный камень хуваси. Огромный куб, вытесанный из глыбы серого базальта, не имел изъянов. Грани густо покрывали надписи, содержащие древние молитвы и заклинания. На камне хуваси стояли два величественных быка из белого мрамора с синеватыми прожилками и напоминали облака. На их спины ногами опирался Бог Грозы. Бронзовое тело укрывала длинная пурпурная андули, расшитая золотом. Высокая круглая тиара, украшенная бирюзой, венчала голову. Суровый внимательный взгляд устремлен даль, поверх

голов молящихся. В одной руке Бог держал золотой калмус¹⁷, в другой – связку разящих стрел-молний. Перед камнем хуваси находилась истанана¹⁸ в виде большой гранитной чаши. Чашу наполняло жертвенное масло. В масле плавал фитиль. Горело вечное священное пламя бога Агниса, бросая отблески на темные своды. Возле истананы располагался стол для жертвоприношений, покрытый желтой льняной скатертью.

За спиной у Бога Грозы два гранитных льва охраняли вход в пещеру. Туда разрешалось входить только посвященным жрецам. Ход вел в погребальную камеру, где в золотом кувшине покоился прах божественного Лабарны – основателя Великой Хатти.

Справа на стене мерцал светильник над каменной чашей, в которой плескался источник из подземного царства Бога Ярри – повелителя болезней и колдовства.

Вся обстановка в целле напоминала человеку, попавшему сюда, что он всего лишь – жалкая тварь. Каждый вошедший чувствовал себя беззащитным перед грозными ликами Богов. Его судьба находилась в руках высших вершителей. От них нельзя ничего утаить. Они следят за каждым твоим шагом, знают все твои мысль...

Суппилиума остановился со смиренным видом перед изваянием Бога Грозы. Прочитал долгую молитву. Затем налил из своей глиняной фляги вина в жертвенный сосуд. Из

¹⁷ *калмус – посох.*

¹⁸ *Истанана – алтарь.*

дорожной сумки достал лепешку ячменного хлеба и, разломив ее пополам, положил на стол для жертвоприношений. Горсть душистой туххессары юноша бросил в священный огонь. Пламя затрещало, принимая пожертвование. Сладковатый аромат благовоний наполнил целлу. Суппилиума зачерпнул воды из источника Ярри в глиняный ритуальный сосуд в виде свернувшейся змеи и отпил несколько глотков. Священная вода подействовала. Суппилиума почувствовал, как успокаивается, и к нему возвращается способность здраво мыслить. Он попросил Фазаруку рассказать обо всем, что творилось в городе.

Все произошло неожиданно. Каскийцы без боя обошли ближайшие крепости, решив ударить в самое сердце Хатти. Дозорный подняли тревогу слишком поздно, когда уже по всем дорогам к Хаттусе стекались отряды врагов. Помощи ждать было неоткуда.

Единственное, что успели – отослали гонцов в Куссару и Арину. Но никто не тешил себя надеждами. С самого начала защитники готовились к тому, что город падет, и пощады не стоило ждать от безжалостных захватчиков. Оставалось только подороже продать свою жизнь.

Арнуванда, как это звучит не прискорбно, предал свой народ. С несколькими вельможами из своего окружения тайком, под покровом ночи, правитель покинули столицу. Он прорвался, уведя с собой всех воинов Богини Вурусему. Фазарука до самого конца думал, что Арнуванда решился на

хитрый маневр: когда враг завязнет, штурмуя стены, лабарна ударит каскийцам в спину. Но напрасно надеялся. Лабарна Арнуванда просто-напросто – бежал.

Касийцы сразу же ринулись на стены. Первый штурм отбили ценой больших потерь. Весь день шел жестокий бой. Защитников поубавилось, хотя и враги вечером долго собирали трупы и разводили огромные погребальные костры. Но к концу дня к каскийцам подтянулся обоз с метательными орудиями. Они принялись усиленно готовиться к новому штурму. В городе так же не спали всю ночь: как могли, укрепили южную стену. Воинов осталось немного. Из горожан все, кто способен держать оружие, встали на защиту. Кузнецы использовали весь металл, что у них имелся в запасе. Даже дорогие чеканные блюда переплавлялись в наконечники стрел. Женщины срезали волосы и плели тетиву для луков. Мальчишки собирали камни.

С рассветом каскийцы двинулись на новый штурм. Лезли со всех сторон. Они даже попытались взобраться по скалам на Северную стену. На головы нападавшим лили кипяток и сыпали раскаленный песок. Кровь стекала по камням до самой земли. К исходу дня врагу все же удалось захватить Ворота Лабарны и две сторожевые башни. Ночью сражение перекинулось на улицы. К утру каскийцы добрались до Верхнего города. Они притащили таран, чтобы взломать ворота Северной цитадели. Но ворота распахнулись сами, и воины

храмов вступили в схватку. Сута¹⁹ со стен атаковала стрелами. Натиск был настолько сильным и неожиданным, что каскийцы попятились. Их почти удалось выбить обратно из города. Бой вновь закипел на стенах. Тогда разъяренные захватчики подожгли город. Воспользовавшись тем, что горожане бросились тушить свои дома, каскийцы навалились на ворота Лабарны. К исходу ночи враг вновь ворвался в Хаттусу.

Все же силы были неравные. Защитники отступили к святилищу богини Сауски и к Северной цитадели. Новый день – и новый штурм. Храм Сауски был разрушен до основания. Сражение за халентуву проходило особенно жестоко. Каскийцы потеряли под стенами Северной цитадели многих лучших воинов. Последняя горстка защитников укрылась в мавзолее Лабарны. Жар от пылающей халентувы заставил убраться захватчиков из Верхнего города. Затем они и вовсе покинули сожженную Хаттусу. Погрузив награбленное в телеги и, кое-как кремировав убитых, каскийцы двинулись обратно.

– Неужели Хатти погибла? – произнес Цула, и сам испугался своих слов.

– Не говори так! – воскликнул Суппилулиума.

– Каскийцы, еще при лабарне Тудхалии отобрали у нас город Ненассу на севере, – напомнил Фазарука. – Две мощные крепости в Нижней стране: Туванува и Уда захвачены

¹⁹ Сута – легкая пехота, лучники, метатели копий, пращники.

Арцавой. Арауны разорили всю Гассию. Аццийцы захватили город Самуху и разграбили всю Верхнюю страну. Из Исувы пришло войско и разорило Тегераму. Воины Арматаана захватили Киццуватну. Пока жива была Хаттуса – наш священный город, – жила и надежда на возрождение Великой Хатти. Теперь Хаттуса сожжена. От страны остался только город Куссара, да Цапланда, где правит твоя мать – солнце-ликая таваннанна. Нерик – город праздников может захватить отряд из сотни человек. Стены Каниша вот-вот развалятся. Мы со всех сторон окружены врагами. Неужели наступят времена, когда слово хетт будет равнозначно слову – раб?

Суппилиума молчал. Все, что говорил Фазарука, он и так знал. Понимал и то, что с падением Хаттусы, погибла великая держава, основанная божественным Лабарной.

– Мне надо поговорить с Бога Грозы. Он мой небесный отец. Он знает все. – С этими словами Суппилиума подошел к камню Хуваси. Пламя Агниса осветило его лиц. Юноша устремил взор к грозному лику вершителя.

– О, могущественный мой отец и покровитель. Помоги мне. Дай совет. Вдохни в меня мужество и разум. Направь на верный путь недостойного сына твоего, – шептал страстно он, прижимая руки к груди.

С каменного свода сорвалась капля и упала прямо в чашу со священным огнем. Пламя сердито затрещало, разбрызгивая масло. Цула и Фазарука воскликнули от изумления. Ни-

кто не сомневался, что свершилось знамение.

– Великий, разреши, я позову жреца. Уцелел один, – предложил Фазарука. – Он сможет растолковать знамение.

– Не мешай, – шикнул на него Цула и поманил к выходу.

Через некоторое время Суппилиума вышел из мрака мавзолея, щурясь от яркого солнечного света. Его лицо выражало полное спокойствие. Все собрались вокруг и ждали слов повелителя.

– Бог Грозы объяснил мне из чего состоит наша земля, Великая Хатти. – наконец произнес он. Голос звучал спокойно, ровно. – Великая Хатти – это народ: плугари, жрецы, воины, ремесленники – простые люди, которые своими руками добывают себе хлеб. На них держится весь мир. Не землевладельцы растят ячмень и собирают фрукты – это делают плугари и садовники. Не телепурии²⁰ строят городские стены и возводят дворцы, а каменщики и плотники. Полководец, даже самый искусный, не разобьет противника без преданных воинов. Мой отец, Бог Грозы сказал: – Собери армию из простого народа. Наемники сражаются за плату, а простой плугарь – за родную землю. Цена несоизмерима. Землю, которая тебя вскормила, вырастила, землю, в которой покоятся кости предков, нельзя оценить! Тебе нужно возглавить мстителей. Но если стране суждено погибнуть, ты должен первым пасть в сражении, – так велел мне отец, бог и покровитель Хатти. И я, чего бы это мне не стоило, соберу великую армию

²⁰ *Телепурий* – наместник правителя

и освобожу священную землю. Иначе – зачем мне жить? Зачем есть хлеб? Я не могу смотреть в небо и радоваться солнцу, когда под ногами пепел, а в ушах звучат стоны.

– Мы готовы пойти за тобой! – горячо поддержал его Фазарука. – Многие помнят, как ты отважно сражался в рядах войска Богини Вурусему, когда твой отец лабарна Тудхалия освобождал Киццуватну. Он всегда гордился тобой. Ты смело вел в бой колесницы и не прятался от стрел.

– Мы верим тебе! – откликнулся Цула.

– Аха! Аха! – закричали воины, потрясая оружием.

– Тогда нам надо поспешить в ближайший уцелевший город, – решил повелитель.

– Самый близкий город – Нерик, – посоветовал Фазарука.

– В Нерик! – согласился Суппилулиума.

Нерик сдался без боя. Небольшой городок, даже не городок, а поселение земледельцев и ремесленников, приютился на склоне холма. Здесь не было стен со стрелковыми башнями и рва с водой. Городок окружал простой земляной вал. Каскийцы без труда разоружили охрану. Затем занялись грабежом. Вынесли все золото и серебро из единственного храма, посвященного Богу Солнца. Обшарили дома. У жителей отняли скот и зерно. Добро погрузили на высокие телеги, запряженные волами. Крепких мужчин, годившихся для работ, связали и погнали в рабство. Грабители спешили догнать основное войско, поэтому дома не стали поджигать.

Волы еле тащили одноосные телеги, груженные награбленным добром. Воины подгоняли пленных, безжалостно орудуя плетью. Вместо воды утоляли жажду отличным выдержанным вином. Радовались очередной легкой победе.

За поворотом каскийи заметил на холме человека. Решили, что это один из местных жителей. Вовремя штурма города удрал, а теперь ждет, когда они уберутся.

– Эй! Спускайся сюда, или я поднимусь и отрежу тебе уши, – кричал один из грабителей.

Но человек не обратил никакого внимания на угрозу.

– Ах ты, презренный хетт! – каскиец гневно отбросил в сторону кувшин с недопитым вином и схватился за топор. – Не желаешь повиноваться?

– Оставь его, – посоветовали товарищи.

– Нет! – упрямылся каскиец. – Я хочу расколоть череп этому шакалу.

– Зачем он тебе? Подумаешь, какой-то бедняк. Давай, лучше еще выпьем вина.

Но неугомонный воин кинулся на холм, размахивая топором. Приблизившись, он с удивлением увидел перед собой крепкого юношу в дорогих воинских доспехах. Мародер бегло оценил, сколько можно выручить за золотые серьги, серебряные браслеты и высокий медный шлем с гребнем из конских волос. А какой чудный красный плащ! Его он оставит себе. Не у каждого вождя имеется такая красивая одежда. Плащ на плече скрепляла серебряная брошь в виде го-

ловы быка. Только за одну эту брошь можно выменять стадо овец. Окинув все хозяйским глазом, он размахнулся топором, но рубануть не смог. Рука не слушалась. Он встретил взгляд, полный ненависть и презрение. Юноша даже не дрогнул. Ни капли страха в глазах.

Каскиец не успел опомниться, как удар тяжелого копья в живот согнул его пополам. Грабитель покатился вниз, ломая колючие кусты терновника.

– Повелитель, ты поступаешь неосторожно! – Рядом с юношей появился Цула. Он вытер пучком травы окровавленный наконечник, поправил на поясе широкий меч с простой отделкой. Не каждая рука могла бы владеть таким тяжелым оружием. Смуглое скуластое лицо, словно гранитная скала, выражало бесстрашие и спокойствие. Хищный нос с горбинкой немного искривлен. Тяжелый подбородок и небритые щеки украшали старые шрамы.

– Не беспокойся за меня, Цула, – безразлично ответил Суппилулиума. – Меня оберегает Бог Грозы.

Каскийцы, увидев, как погиб их товарищ, пришли в гнев. Несколько воинов кинулись на холм. Снизу они не могли видеть, что на вершине холма, помимо двух дерзких хеттов выстроились копьеносцы, готовые к атаке, а сзади к обозу подкрадывались легковооруженные воины суты. Все произошло быстро. Мародеров атаковали со всех сторон. Началась безжалостная резня. Разгром довершили колесницы, вихрем пронесшиеся по полю битвы. Тех немногих бегущих,

которым удалось вырваться, настигали меткие стрелы и метательные копья. Никто из врагов не ушел живым.

Небольшое войско победно вошло в Нерик. Жители падали на колени перед колесницей Суппилулиумы, приветствовали освободителя громким «Аха!». Повелитель распорядился вернуть все награбленное горожанам. Сам, лично передал жрецу Бога Солнца драгоценности, которые каскийцы вынесли из храма.

Цула построил все немногочисленное войско на храмовой площади. Всего три сотни копьеносцев. Все в нагрудниках из толстой кожи. Медные шлемы начищены до блеска и украшены высокими гребнями конских волос. Острые наконечники копей устремились в небо. На овальных плетеных щитах, обтянутых толстой кожей, одинаковый бронзовый орнамент. Короткие синие плащи перекинута через левое плечо. Рядом встали десять боевых колесниц, в каждой – пар высоких стройных коней. По три колесничих в повозке, вооруженные короткими копьями, небольшими овальными щитами и луками. Еще около полусотни воинов легкой суты замыкали фланг.

Жители города стекались к храму, чтобы поблагодарить своих освободителей. Несли хлеб, сыр, вино, чудом уцелевшее после грабежа, – готовы были отдать последнее.

Громким «Аха!» воины встретили своего предводителя. Суппилулиума на колеснице проехал перед строем и швырнул оземь шест с волчьей головой – символ могущества во-

инов Каски.

– Славные сыновья Хатти! – голос звучал громко, чисто. – Пепел остался от Хаттусы. Скоро пепел останется от всей страны, если мы не встанем на ее защиту. Есть у Хатти войско сильнее нашего. Но где оно, и когда ждать от него помощи? Если могучими львами правит трусливый заяц, то дажестая облезлых шакалов одержит над ними верх. Сейчас нас мало, но скоро к нам примкнут те, у кого отняли все до последнего зернышка, у кого убили родных или превратили в рабов, те, для кого Хатти – родная земля, и они не могут равнодушно смотреть, как вытаптывают поля, вырубают сады, оскверняют храмы. Пришел час мести! Если сможем отстоять Родину – ждет нас вечная слава. Потомки будут гордиться нами, слагать про нас песни. А если не сможем – умрем всеми забытые, а дети наши вырастут рабами. Сразимся!

– Аха! – дружно ответили воины.

– Позволь нам, недостойным обратиться к тебе, – попросил широкоплечий ремесленник в грубой шерстяной одежде, встав на одно колено перед колесницей предводителя.

– Кто это? – спросил Суппилулиума у Фазаруки, указав на толпу горожан.

– Народ. Ты позвал – они пришли.

– Чего вы хотите? – спросил Суппилулиума у ремесленника.

– Возьми нас в войско. Разреши дать воинскую клятву верности. Мы хотим сражаться за свою землю.

– Я не обещаю богатой добычи. И не каждый из вас вернется. А, возможно, и все мы погибнем, – предупредил Супилулиума.

– Мы готовы умереть, лишь бы больше враг не разорял нашит дома, – закричали горожане. – Не осквернял наших храмов. Не угонял наших детей в неволю.

– Пусть будет так, – согласился повелитель.

Фазарука кое-как выстроил земледельцев и ремесленников по росту. Все их облачение – простая одежда из домотканой материи, грубая кожаная обувь. Некоторые надели доспехи, подобранные с поля боя. Вооружились, чем смогли: копьями, топорами, у некоторых за спиной висели чехлы со стрелами, через плечо тугие охотничьи луки. Фазарука покачал головой. Воины из них – так себе: не обучены, не подготовлены. Но их было много, и все они рвутся в бой.

Настало время присяги. Перед строем вышел Цула. Его могучий голос прозвучал как раскат грома:

– Славные воины, быки Хатти! Вы сметете все на своем пути. Вы растопчите грязных шакалов, дерзнувших забежать на ваше пастбище! И никто не страшен вам, потому что поведет вас в бой сын Бога Грозы!

Войско вскинуло вверх копья. Трижды громкий возглас “Аха!” прозвучал над долиной, и прокатился долгим эхом в горах.

– Присягнем ему на верность! Жизнь наша пусть принадлежит ему!

Цула разломил лепешку белого хлеба со словами:

– Пусть будет разломлен, как этот хлеб каждый, кто нарушит присягу.

– Да будет так! – хором ответили воины.

Фазарука вынес женскую накидку и серебряное зеркальце на длинной ручке.

– Пусть станут женщинами мужчины, изменившие присяге, – сказал он. – Пусть вместо воинских плащей носят женскую накидку, а вместо меча – зеркало.

– Да будет так! – воскликнули воины.

Перед строем вывели двух нищих бродяг: слепого юношу и глухого старика, одетых в лохмотья.

– Пусть оглохнет и ослепнет тот, кто изменит присяге! – прогремел Цула.

– Да будет так! – ответили воины.

– Беру в свидетели всех Богов, – вступил Суппилиума, – что не буду прятаться за вашими спинами. Если всем нам суждено умереть, умру вместе с вами, но не покину поле битвы. Если нарушу клятву, пусть имя мое будет забыто навсегда, а душа никогда не найдет покоя на небесных пастбищах моего отца.

– Аха! Аха! Аха! – дружно прогремело войско, приняв клятву полководца.

Племена каскийцев возвращалась домой с великой победой и богатой добычей. Множество телег с награбленным добром тянулось на север нескончаемой вереницей. Погонщики перегоняли огромные стада скота. Тысячи пленных следовали за обозом.

Инаш, один из вождей многочисленного племени, Старший Волк, приказал остановиться на берегу небольшой реки и развернуть шатер. На привалы каскийцы останавливались задолго до заката. Каждый вечер – праздник с вином и музыкой. К ночи напивались до бесчувствия.

Вождь по-хозяйски вошел в шатер, уселся на пестрый мягкий ковер и приказал подать вина и закуску.

– Господин, к тебе гость, – доложил слуга.

– Пригласи его, – разрешил Инаш.

Полог у входа решительно взлетел, и перед вождем предстал высокий жилистый человек с неприятным худым лицом. Большой горбатый нос и пронзительные черные глаза делали его похожим на хищную птицу. Длинный дорогой плащ совсем запылится от долгого пути. Пыль густым слоем покрывала добротные кожаные башмаки с острыми носами, загнутыми кверху. Инаш узнал тайного посланника из Митанни²¹.

²¹ Митанни (Ханигальбат) – древнее государство (16-13 вв. до н. э.), создан-

– Да прибудет с тобой здоровье, сила и милость богов, – поприветствовал посланник вождя, как старого доброго знакомого.

– И тебе того же. – Инаш предложил гостю вина и указал место, напротив. – Присаживайся. Как здоровье божественного правителя Тушратты²²? – вежливо поинтересовался он.

Гость опустил на ковер, скрестив ноги, пригубил вина из серебряной чаши.

– Божественный восхищен твоей победой. Хаттуса разрушена, и теперь войска Митанни легко захватят южные земли хеттов. Отныне только два правителя будут главенствовать над миром: солнечный Эхнэйот на юге и божественный Тушратта на севере. К тому же их связывают родственные узы. Сестра Божественного Тушратты была второй женой у солнечного Аменхотепа, отца нынешнего повелителя Обеих Земель²³.

– Слышал эту историю, – кивнул вождь каскийцев. – Однако еще доходили слухи, что нынешний правитель Та-Ке-

ное племенами хурритов на территории Северной Месопотамии и прилегающих областей. Население Митанни состояло из хурритов и семитов, официальными языками были хурритский и аккадский.

²² При Тушратте (1438 – 1400) усилилась антиегип. группировка во главе с вельможей Тухи и были сделаны попытки сближения с Хеттским царством. Однако в дальнейшем Тушратта возобновил союз с Египтом и выдал свою дочь за Эхнатона

²³ Обе Земли: Верхняя Земля, Нижняя Земля – Древний Египет

мет²⁴ не очень жалует вельмож своего отца, да и к родственникам относится холодно.

– Возможно, – согласился посланник. – Но Тушратта собирается отправить старшую дочь Гилухепу в жены солнечному Эхнэюту.

– Вот как! – многозначительно протянул вождь. – Пусть Боги ему помогут.

– Поговорим о деле, – посланник отставил в сторону чашу с недопитым вином. – Вы сделали свое дело, – требуй оплату. Тушратта готов щедро наградить тебя.

– Золото и скот нам не нужен. Мы и без того захватили достаточно, – похвастался вождь. – Я хочу попросить божественного Тушратту позволить нам властвовать в землях Ис-увы.

– Хотите оловянные рудники? – догадался посланник. – Зачем они вам? Разве у тебя есть мастера по металлу? Не слышал, чтобы каскийцы славились хорошей бронзой.

– Бронзу мы не плавим, верно, но почему бы оловом не торговать?

– Я доложу божественному о вашей просьбе, – пообещал посланник.

Внесли зажаренного на вертеле барашка. На серебряное блюдо стекал жир. Мясо покрывала аппетитная коричневая корочка.

– Угощайся, – вежливо предложил Инаш, позволив гостю

²⁴ Та-Кемет – Древний Египет, дословно: Черная Земля

первому выбрать кусок пожирней.

Снаружи раздался взрыв хохота, зазвучали застольные песни.

– Не очень-то ты заботишься о дисциплине в войске, – с укором взглянул посланник на вождя.

– А кого бояться? – пожал плечами вождь. – Кто посмеет потревожить нас? Позади тяжелая битва. Пусть теперь воины отдохнут, повеселятся.

– А куда делся лабарна Арнувандой? Жив ли он? Или погиб, защищая Хаттусу?

– Прячется где-то в Бычьих горах. Дрожит от страха. Его воины разбежались.

– Почему не ловите его?

– Пытались. Но этот трусливый шакал успел далеко убежать, поджав хвост. Да разве же это правитель? Если бы он вышел к нам навстречу и сразился, как подобает настоящему лабарне, я бы его похоронил со всеми почестями. Но после того как он удрал, бросив свой священный город, мне даже его имя произносить противно.

– Но у хеттов еще остались силы. В Арине и в Куссаре есть отряды копьеносцев.

– Они нам не страшны, – беззаботно отмахнулся Инаш. – Надеюсь божественный Тушратта справится с ними, когда начнет захватывать земли хеттов. А мы намерены возвратиться домой. По дороге опустошим селения и уничтожим посевы. Где пройдут каскийцы, там останется пустыня.

– Удачи тебе. – Гость поднялся. – Мне пора.

Посланник удалился, а Инаш пригласил в шатер самых именитых воинов и продолжил пир. В самом разгаре попойки их побеспокоил слуга. Он сообщил неприятную весть: убежало около сотни пленных.

– Кто их стерег? – насупился Инаш, недовольный не столько от потери рабов, сколько об испорченном веселье.

– Стражников убили.

Все недовольно загудели: надо рабов поймать и наказать.

На поимку беглецов вождь послал небольшой отряд. Но к утру никто не вернулся. Инаш забеспокоился: пропали его лучшие воины. Обоз давно скрылся за холмами, а вождь все ждал. Наконец он отрядил сотню человек во главе с опытным старым воином на поиски. Сам двинулся вслед за обозом.

Только на следующее утро отряд догнал вождя. Без пленных, изрядно потрепанные. Да и самих каскийцев осталось едва больше двух десятков. Инаш пришел в ярость. Что произошло? По рассказам оставшихся в живых, на них внезапно налетело хеттское войско. Спасти удалось только бегством.

– Неужели Арнуванда вздумал меня дразнить? Заяц решил подергать тигра за хвост, – пылал от гнева Инаш

– Нет! Это был не Арнуванда, – объяснил один из воинов. – Я видели во главе хеттов молодого безбородого юношу. Он бесстрашно врезался в самую гущу сражения на колеснице и сеял вокруг себя смерть. Его глаза пылали, словно угли, а стрелы отскакивали от груди, как от гранитной ска-

лы. Рядом стоял огромный воин. От удара его палицы головы трескались, как скорлупа ореха.

Инаш растерялся. Вскоре его слух омрачила другая весть: хетты неожиданно налетели на отряд, промышлявший грабежом где-то на западе. Перебили всех. Послали погоню, но никого не обнаружили. Хетты так же неожиданно исчезли, как и появились. Все бы ничего, но был убит один из вождей большого племени – один из Старших Волков. Такой дерзости со стороны хеттов терпеть нельзя!

Инаш, как один из старших, решили созвать совет.

Вожди собрались на следующий день. После нудной дневной жары наступили долгожданные прохладные сумерки. Развернули пестрые шатры на широкой поляне, недалеко от густого леса. Слуги суетились, готовя ужин. Запылали костры. Зашипело мясо на углях. Вожди расселись в круг. Советались долго. Одни предлагали остаться в землях Хатти и окончательно разгромить хеттов. Поймать Арнуванду, захватить и разрушить последние уцелевшие города Куссару и Цапланду. Превратить земли Хатти в безлюдную дикую степь. Но другие, более осторожные, и вместе с ними Инаш, уговаривали поскорее уйти за реку Куммесхуху. Воины, обремененные награбленным добром, не захотят воевать, да и дома их заждались. Единственное: надо объединить усилия и изловить наглых хеттов, тех, что дерзко нападают на их отряды. Спорили горячо, порой переходя на крик, но к единому мнению так и не пришли.

Устав от препирательств, вожди решили повеселиться всласть, раз уж собрались. Завтра можно продолжить Совет. Вино плескалось в кубках. Слуги подали закуску. Музыканты забренчали на иннцинарах, услаждая слух вождей. Веселье стихло далеко за полночь. Охмелевших вождей слуги разнесли по шатрам. Ночная тишина окутала долину. Стражники крепко спали. Даже угли в кострах тлели лениво. Подгорел на вертеле забытый поваром поросенок.

Словно внезапный порыв ветра, из темноты выскочили колесницы и с грохотом промчались по спящему лагерю. Горшки с каменным маслом и горящие стрелы полетели в шатры. Пламя взвилось в небо и смешалось с черным едким дымом. В лагере поднялась паника. Каскийцы спросонья не сообразили сразу, что твориться. Понятно, что на них напали. Но кто? Откуда? Они хватались за оружие, выбегали из шатров и кидались друг на друга. А в это время со всех сторон разили меткие стрелы и камни с пращей. В огненном хаосе воины, не разбирая, рубили направо и налево. Наконец Инашу с помощью своих телохранителей удалось подавить панику и кое-как организовать оборону. Поняв, откуда летят стрелы, они бросились к лесу, но таинственный враг исчез. Никаких следов.

Небо начинало сереть. Мрак ночи уходил в горные ущелья вместе с сырым туманом. На поляне среди обгорелых дорогих шатров валялись десятки убитых. Ни одного чужого не нашли среди мертвых. Каскийцы наспех сожгли тела сопле-

менников и насыпали невысокий курган над их останками. Затем поспешили убратся поскорее, побросав скот и половину повозок.

Страх начал разъедать непобедимое войско, как гниль разрушает крепкое дерево. Страх перед неуловимым грозным хеттским отрядом заставлял Инаша вскакивать по ночам от каждого шороха, вздрагивать от каждого камня, сорвавшегося с горы. Не проходило и дня, чтобы хетты не напали. Они внезапно появлялись там, где их меньше всего ожидали. Стремительно налетали, устраивали погром, освобождали пленных и бесследно исчезали. В погоню уже никто не бросался. Хетты надежно готовили отход. Не единожды преследователи попадали в хитрые засады и еле уносили ноги.

Весь обратный путь неустрашимой армии был отмечен похоронными курганами. Вскоре все каскийцы с ужасом произносили имя Суппилулиумы, как имя злого Бога. А грозный отряд мстителей рос с каждым днем. К нему примыкали обобранные земледельцы, ремесленники из разоренных городов. Суппилулиума старался создать из разношерстного сброда крепкую армию с жесткой дисциплиной. Воины могли не есть и не спать несколько дней, делать быстрые переходы на огромное расстояние. Стойко переносили все лишения. Лучше умереть – чем быть изгнанным с позором из грозного войска Суппилулиумы. Никакого дележа добычи. Все сдавалось в общую казну. Воины слепо верили своему повелителю, ведь он был защитником Хатти. Но

главное, он – сын Бога Грозы, и никто не смел в этом сомневаться.

Сам повелитель всегда первым рвался в бой. Его колесница врубалась в ряды каскийцев, словно ястреб в стаю уток. Рядом всегда стоял Цула. От одного вида этого грозного великана враг готов был бросить оружие и бежать. Цула мастерски орудовал тяжелым копьем с увесистым бронзовым наконечником. От сокрушительных ударов не спасали ни щиты, ни прочные доспехи.

Суппилулиуме не нуждался в шатре. Он спал, как и все – под открытым небом. Ложился прямо на землю. Клал под голову щит, а укрывался плащом. Ел редко – чем Боги накормят. Его дорогие доспехи изрядно попортили вражеские копья и стрелы. Расшитый золотом алый плащ повелитель сменил на простой, серый. Золотые перстни и браслеты пошли в награду самым отважным воинам. Зачем ему золото? Зачем ему уют? Он жаждал только мести, жестокой и беспощадной. И миг расплаты близится. Ответят каскийцы за все! За страдания народа, за сожженную Хаттусу. Ответят сполна!

Колесницы подкрались к пологому склону. Следом тяжело бежали копьеносцы. Воины суты рассыпались, прячась за валунами, укрываясь в ложбинках. Солнце выглянуло сквозь гряды редких расплывчатых облаков, озаряя внизу широкую зеленую долину. Заросли кустарника возвышались над травой густыми шапками. Угадывались неглубокие овражки, словно шрамы. Начинающие желтеть стебли травы нехотя пригибалась от порывов проносящегося ветерка.

У подножья холма две серые ленты дорог сталкивались на распутье и уходили уже одной широкой полосой к каменистому берегу реки Куммесшахи. За переправой поднимались синие горы, поросшие густым лесом. Там, за горами лежала земля Каски – страна вечных врагов Хатти. От распутья одна из дорог вела к Хаттусе. По ней каскийцы наступали на столицу Великой Хатти, по ней же сейчас возвращались обратно. Другая дорога уходила в Верхнюю страну. Шустрой змейкой петляла по краям глубоких ущелий, продиралась сквозь густые заросли терновника и боярышника, бежала среди скудных горных лугов и небольших рощиц. В тех местах обитали полудикие гордые племена. Многие правители пытались подчинить народы Верхней страны. Но горцев невозможно было покорить. Бесстрашные и свободолюбивые, они отчаянно отстаивали свою свободу. Их селения

ютились высоко на скалах. Любая гора на пути врага превращалась в крепость. Лишь только великий Лабарна сумел поладить с детьми гор. Дипломатия Лабарны была проста и надежна: он породнился с вождями горских племен. Несколько жен великого правителя происходили родом из Верхней страны, а могучие, низкорослые, одетые в звериные шкуры, горцы охраняли его покои.

Суппилиума окинул долину внимательным взглядом.

– Дозорные прибыли? – спросил он у Цулы.

– Да, мой повелитель. Скоро свора шелудивых псов появится здесь.

– Кто идет во главе?

– Волчьи головы – самое сильное племя каскийцев.

Взор повелителя обшарил все овражки, холмики и зацепился за остатки разрушенной крепости: покосившийся кусок стены в человеческий рост, да пара еще чудом не рухнувших стрелковых башен. Когда-то эта крепость охраняла границу. Каскийцы давно ее разрушили. Он подозревал Фазаруку.

– Возьми три десятка копьеносцев и два десятка суты. Займите развалины. Если каскийцы попытаются перебраться через тот овраг, стой насмерть, но не пускай их.

– Повелитель! – лицо Цулы выражало беспокойство. – Дозорные заметили каскийцев. Только они идут не со стороны Хаттусы, а по дороге, из Верхней страны.

– Откуда они там взялись? – забеспокоился Суппилиум.

ма. – Неужели нас перехитрили и решили окружить?

– Как прикажешь поступить?

– Пусть воины отойдут за холм. Колесницы отгоним в кусты, и – ни звука! – распорядился Суппилулиума. – Возможно, это мародеры, тем, кому ничего не досталось в Хаттусе. Решили порыскать в горах в поисках добычи.

Над скалистым ущельем, выходящим в долину, поднялись клубы пыли. Хеттские воины вжались в землю и затаились. Колесницы спрятали в зарослях. Лошадям держали морды, чтобы они ржанием не выдали засаду.

– Я не узнаю каскийцев, – изумленно произнес Цула, выглядывая из укрытия. – Где же их длинные копья и шесты с волчьими головами? Я не вижу повозок с добычей.

– Они бегут! – удивился Суппилулиума. Взор его просветлел. – Ты видишь не отряд каскийцев, а стадо баранов. Взгляни внимательно: их преследуют всадники со знаменем Бога Еникея. Если не ошибаюсь – это знамя племен Хауси.

Действительно, каскийцы бежали. Ободренные, испуганные, совсем не похожие на бравых вояк, больше сотни воинов удирали со всех ног. Путь стесняли отвесные скалы. Беглецам некуда было деться, как только стремиться вперед. А сзади заседали всадники верхом на приземистых большеголовых лошадях. Над всадниками плыл шест с оленьими рогами – символ Бога Еникея. Наездники погоняли беглецов тычками тупых концов копий. Некоторые каскийцы, устав от бессмысленного бега, останавливались и пытались защи-

тяться. Смельчаков безжалостно убивали. Кто-то взбирался на скалы в надежде скрыться. Его тут же настигали меткие стрелы. Наконец беглецы вырвались в долину и бросились врассыпную.

– Я узнаю смелых воинов племен Хауси! – восхищенно воскликнул Суппилиума. – А во главе их Хемиша – верховный вождь.

– Помню его, – подтвердил Цула. – Он воспитывался в Хаттусе среди сыновей дворца²⁵.

– Повелитель! – Дозорный показал в другую сторону. По дороге, ведущей из Хаттусы, серой змеей ползло войско Каски. Змея оцетинилась длинными копьями. Среди частокола сверкающих острых наконечников качались шесты с головами волков, украшенные разноцветными лентами. Следом медленно ехали тяжелые повозки, запряженные волами.

– Вот они – дети волков, – с ненавистью прошипел Цула. – Идут боевым порядком. Наверняка догадываются, что мы готовим им встречу у границы. Как будешь действовать, повелитель?

– Надо выждать, – Суппилиума оценил обстановку. – Нас раз в пять меньше. Атакуем внезапно. Попробуем смешать ряды и гнать их к реке. Да помогут нам Боги и родная земля.

Тем временем конный отряд племен Хауси вытек в доли-

²⁵ Сыновья дворца – дети знати и вождей племен жили и обучались при дворце правителя.

ну. Суппилиулиума прикинул: всадников около двух сотен. Что они будут делать против нескольких тысяч копеей? А серая змея воинов Каски уверенно приближалась. При виде столь грозного шествия дрогнет сердце у самого смелого во-яки. Длинные копья, круглые щиты, плетенные из прочной лозы и обтянутые толстой кожей. На головах кожаные шлемы. Все крепкие умелые бойцы, не знающие жалости ни к себе, ни к противнику.

Но всадники Хауси бесстрашно выстроились полукругом, преградив дорогу, и осыпали противника стрелами. Передние ряды каскийцев остановились. Сообразив, что перед ними немногочисленный отряд двинулись вновь, бросив на всадников лучников суты. Хауси организованно отступили обратно в узкий проход между скал, заманивая противника. Здесь каскийцы не могли развернуться широким строем.

Суппилиулиума выждал момент, когда враг в полном боевом порядке встало флангом против склона, где затаился его отряд. Пора! Повелитель вскочил в колесницу, поправил на поясе острый короткий меч, приготовил лук, потянулся за стрелами. Цула встал рядом. В одной руке он держал тяжелое копье, в другой овальный деревянный щит, выщербленный с двух сторон. На щите красовалась медная чеканка в виде головы быка. Третий колесничий взялся за вожжи.

– В бой! Да храни нас Бог Грозы и святая мать Сауска!

Разогнавшись по склону, высоко подпрыгивая на ухабах, колесницы врезались клином в строй каскийцев и момен-

тально смяли ряды. Обитые медью колеса с твердой земли перескочили на мягкие тела упавших людей. Следом за колесницами врубилась пешие воины, обнажив короткие мечи. Длинные копья каскийцев оказались бесполезны в ближнем бою. В это время хеттская су́та открыла стрельбу из луков и пращей. Всадники Хауси, пользуясь сумятицей, налетели на передние ряды с диким боевым криком: “Улу-ра-ра!” Каскийцы дрогнули и стали отходить к обозу. Но там уже хозяйничали хетты. Ремесленники, вооруженные дубинами и кольями, перебили охрану и опрокинули часть телег, тем самым, загородив дорогу.

Каскийцам ничего не оставалось, как только отступить к реке по ровному полю. Суппилиума этого и ждал. Колесницы вырвались из сечи, сделали круг по равнине и с новой силой врезались в гущу врага. Затем еще и еще. Цула спрыгнул с колесницы и повел копьеносцев в бой. А с другой стороны всадники Хауси не давали покоя. Часть каскийцев попыталось развернуть строй под защитой разрушенной крепости. Перед развалинами проходил ров. За рвом можно укрыться от колесниц. Но как только они приблизились к развалинам, Фазарука со своим отрядом внезапно атаковал.

Каскийцы еще пытались, какое-то время держать строй. Но натиск хеттов был настолько силен, что вскоре их ряды окончательно смешались. Колесницы прорезали толпу, оставляя за собой груды тел. Всадники проносились вереницей, посылая стрелы в самую гущу. Копьеносцы во главе с

могучим Цулой с остервенением напирали. Каскийцы дрогнули. Возникла давка, паника. Они не выдержали и побежали, бросая оружие. Толпа ринулась к переправе. Но лазутчики Суппилиумы заранее расшатали опоры деревянного моста. Он рухнул в воду. Бегущие каскийцы бросались в реку, надеясь перебраться вплавь. Не всем удалось дотянуть до другого берега. Многие так и не преодолели стремительное течение Куммесшахи. Их тела еще долго гнили ниже по берегам.

Колесницы отсекли путь к отступлению жалким остаткам неустрашимой армии. Каскийцы падали на колени и молили о пощаде. Они снимали шлемы и опускали головы. Знали, что закон воинов Хатти строг: сдавшихся в плен убивать и калечить нельзя.

«Аха!» – прокатилось над полем, когда последний каскийец сдался.

Хемиша ловко соскочил с коня, вытер окровавленный меч пучком травы, осторожно вложил оружие в деревянные ножны и, неторопливо, немного вразвалку, подошел к Суппилиуме.

Перед повелителем предстал коренастый горец, словно выточенный из цельного гранитного валуна. Накидка из шкуры леопарда наполовину скрывала широкую грудь. Сильные обнаженные руки избороздили глубокие шрамы. Запястья затянуты кожаными воинскими браслетами без

всяких украшений. Талию перехватывал широкий пояс из толстой грубой кожи. Ноги крепкие, словно стволы горного дуба, обутые в высокие грубые сапоги с острыми загнутыми носами. На голове островерхий медный шлем с пучком конских волос. Сам шлем украшала чеканка: бог Еникей стоял на спине оленя с ветвистыми рогами. В левой руке Еникей держал птицу, в правой сжимал калмус. Из-под нависших густых бровей на повелителя смотрели темно-карие строгие глаза. Смуглое скуластое лицо с большим горбатым носом обрамляла густая черная борода. Вождю едва исполнилось четверть века, но тяжелая воинская жизнь сделала его облик намного старше.

Подойдя к повелителю, Хемиша хотел опуститься на одно колено, подобно воину перед полководцем. Но Суппилулиума удержал его:

– Зачем приклоняешь колени перед равным себе? Я такой же воин, как и ты.

Хемиша остался стоять, лишь слегка поклонился, прижав правую руку к груди.

– Я восхищен твоей смелостью. Ты не побоялся с горсткой всадников вступить в бой против огромной армии, – похвалил его Суппилулиума.

Хемиша пожал плечами.

– Хауси никого не боялся, – просто ответил он хрипловатым голосом, – иначе, зачем мы нужны Еникею.

– Я помню тебя. Ты воспитывался в халентуве вместе с

сыновьями дворца и был самым ловким. Тебя мог одолеть только Цула.

– Верно, Солнце, – что-то подобие улыбки проскользнуло сквозь бороду. – Но только в борьбе. С оружием в руках, мне не было равных.

– Твое имя – Хемиша. Твой отец уважаемый и могущественный правитель племен Хауси.

– Так, Солнце мое. Благородного Шувауси призвал к себе Еникей. Теперь я занял место отца по решению совета старейшин.

– Удачной охоты ему в Полях Блаженства. Но как вы здесь оказались?

– В наших горах разнеслась весть о грозном хеттском войске, что бесстрашно мстит за сожженную Хаттусу. А возглавляет его сын Бога Грозы. На совете племен решили идти к тебе на помощь. Разреши, Солнце, встать под твои знамена.

– Вот как? – удивился Суппилиума. – От могущества Хатти остался только пепел. Многие подвластные нам племена перешли на сторону врага. Почему же ты решил сражаться вместе со мной?

– Со времен великого Лабарны наши народы живут братьями. Брат должен помогать брату. Поодиночке мы слабы, а вместе – сила. Если погибнет Хатти, то вскоре враг доберется и до наших гор.

– Что ж, я буду только счастлив видеть среди моих воинов отважных всадников Хауси, – улыбнулся Суппилиума. – А

что за трусов вы гнали из гор?

– Облезлые собаки назвались великими завоевателями из страны Каски и потребовали, чтобы мы им покорились. Племена Хауси еще никто не мог покорить. Нас можно только истребить. Пришлось проучить собак. Воины из них плохие, и бегают неважно. Они свое получили. Теперь, Солнце, я перед тобой и готов присягнуть на верность.

– Не называй меня Солнцем. Таким светлым именем можно величать только правителя. А страной правит лабарна Арнуванда.

– Имя Суппилиумы затмевает имя Арнуванды, – не смущаясь, ответил горец, – как сияние солнца гасит блеск луны. Только избранный Богами лабарна может внушить страх врагу и вселить надежду в свой народ. Ты собрал большое крепкое войско и разбил каскийцев. В твоих силах возродить Хатти. Я – Хемиша, вождь племен Хауси и один из панкуса²⁶ верю тебе, Арнуванде – нет!

– Не говори так. – Суппилиума нахмурился. – Возможно, в моих силах возродить страну, не ты первый призываешь меня к этому, но назвать себя правителем при живом лабарне – тяжкое преступление. Божественный закон Телепину²⁷ гласит: никто не должен править страной, пока жив

²⁶ Панкус – верховное собрание знати, вождей и высших жрецов.

²⁷ Телепину – царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1525 – 1500 годах до н. э. Издал указ «о наследовании царской власти». Согласно этому указу право вступления на престол отныне получали только сыновья царя по старшинству. В случае отсутствия таковых взойти на престол мог лишь муж до-

правитель, посланный Всевышними. Нарушитель закона навлечет на себя гнев Богов и будет проклят на века.

– Это так. Но если Боги не могут защитить своих рабов, то пусть не мешают им самим защищаться, – рассудил Хемиша. – Мои воины готовы умереть за тебя, – за Арнуванду умирать никто не будет.

– Твои слова дерзкие, – без злобы произнес Суппилиума.

– Горец говорит сердцем, – ответил ему Хемиша.

– Не знаю, что тебе сказать, – растерялся Суппилиума. – Правителем я могу стать только со смертью Арнуванды. Но желать ему гибели – смертельный грех. Не я это придумал. Прости, я не лабарна, а всего лишь – один из панкуса.

Повелителя позвали к пленным.

Каскийцы стояли полукругом на коленях и мысленно готовились к ужасной участи. От былой воинственности не осталось и следа. Вид их вызывал только жалость. Суппилиума обвел коленопреклоненную толпу тяжелым взглядом.

– Слушайте меня, несчастные! – гневно прогремел голос повелителя. – Сколько бед вы натворили на моей земле: со-

чери. Все остальные царские родственники были исключены из числа возможных претендентов на престол и панкуса должно было следить за соблюдением этого закона. Этот порядок наследования, сильно укрепивший царскую власть, действовал на всем протяжении существования Хеттского государства. Телепину ограничивал власть панкуса, разрешив ему лишь разбирать споры царя с членами царского рода и предоставив ему право созывать совещание (тулию) для суда над царём дерзнувшим посягнуть на жизнь своих родственников. В другие государственные дела панку уже не мог вмешиваться.

жгли города, вытоптали поля, осквернили храмы. Думали, вам все это сойдет с рук? Запомните: нельзя безнаказанно грабить великую Хатти. Земля эта принадлежит Богу Грозы. Вы жгли его города, вытапывали его поля и оскверняли храмы, в которых присутствует его дух. Жалкие твари! Решили тягаться с Вершителем? Месть настигла вас. Оглянитесь! На этом поле лежат сотни ваших товарищей. А сколько курганов вы насыпали позади себя? Скольких соплеменников сожгли на похоронных укурти? И вы сами заслуживаете смерти. – Он сделал паузу, давая возможность им осознать всю тяжесть вины. – Но Бог Грозы, мой отец, милостив к побежденным. Он приказал мне отпустить вас. Никто не будет обращен в рабство.

Пленные не поверили своим ушам. Неужели враг, которому они сотворили столько бед, отпускает их с миром? Они несколько мгновений молчали, после заплакали от радости, протягивая руки к повелителю. Некоторые пытались подползти к колеснице Суппилулиумы и поцеловать край его плаща. Но мешеди их не пустили.

– Тише! – Суппилулиума поднял руку. Все разом умолкли, предано заглядывая в черные строгие глаза. Повелитель продолжал: – Я вижу по вашим лицам и по вашим натруженным рукам, что среди вас есть пастухи, охотники, земледельцы, ремесленники. Зачем вы – люди труда – пришли с войной на земли Хатти? Вы грабили и убивали таких же бедняков, как вы сами. Если руки, растившие хлеб, осквер-

нить невинной кровью, их потом не отмыть. И хлеб из этих рук будет пахнуть кровью, и вкус хлеба будет с кровью.

– Не проклинай нас! Не проклинай наш труд! Не клич гнев Богов на наши дома! – зароптали каскийцы, протягивая с мольбой руки к повелителю.

– Ступайте с миром! И больше не приходите с оружием на землю Бога Грозы!

– Зачем ты их отпустил? – удивился Цула. – Аппантес²⁸ нам бы понадобился для восстановления Хаттусы. Сколько рабочих! В крайнем случае, можно богатых пленных обменять на серебро.

– Сейчас мир дороже серебра, – возразил Повелитель. – В наших руках была жизнь и свобода этих несчастных. Но мы поступили великодушно. Теперь каскийцев ни за что не заставишь вновь пойти войной на Хатти. А если плененных обратить в рабов, родственники обязательно придут мстить. Второго нашествия нам не пережить. Дети волков мстительны, но и добро помнят долго.

– Твои слова мудры, – согласился Цула.

– С этой стороны мы обезопасили границы лет на пять.

– Повелитель! – к нему подошел Фазарука. Позади него стоял каскиец, судя по одежде – знатного рода. – Один из пленных хочет сообщить тебе важную весть.

– Пусть говорит.

Каскиец рухнул на колени.

²⁸ Аппантес – пленные.

– О великий! О победоносный! О солнцеликий! – залепетал он на ломаном хеттском.

– Что тебе надо? – спросил Суппилулиума, стараясь подавить в себе гнев. – Я отпустил вас. Этого мало?

– Выслушай меня. Я вождь одного из племен. Я очень богат. Имя мое Инаш.

– Встань. Не унижайся. Что ты вождь – вижу по твоим золотым браслетам.

Каскиец поднялся и, с трудом подбирая слова, продолжал:

– Жадность нас погубила. Нам всего хватает. У нас большие стада овец, коз, быков, обширные луга с сочной травой, виноградники, леса, полные дичи. У меня полно серебряных колец для мена²⁹...

– Говори яснее! – начал терять терпение повелитель. – Серебра твоего мне не надо.

Каскиец с опаской кинул взгляд по сторонам и, понизив голос, вымолвил:

– Нас подкупили. Уговорили с помощью золота и угроз идти на Хаттусу.

– Кто? – Суппилулиума гневно сверкнул очами. Каскиец от страха чуть не лишился дара речи, но все же продолжил:

– Послы из Митанни. По велению самого правителя Тушратты. Они долго уговаривали вождей. Кого золотом и серебром подкупили, кому красивых невольниц привезли. Обещали отдать половину оловянных рудников Исувы. У одного

²⁹ До изобретения монет использовали металлические кольца.

посла я выведал, что Митанни хочет скоро покорить южные земли Хатти. А возможно и всю страну, вплоть до Ахевы прибрать к рукам.

Суппилулиума призадумался.

– Вот, оказывается, кто главный враг. Тушратта действует ловко чужими руками. Дождался, когда Хатти окончательно развалится в бесконечных войнах, а теперь решил захватить земли малой кровью. Спасибо за предупреждение, – поблагодарил его Суппилулиума. – Но почему ты решил мне все рассказать.

– Хурритам³⁰ верить нельзя. Раньше рудники Иссувы принадлежали нашему роду. Митанни отняла их. Я говорил другим вождям: когда Тушратта займет земли Хатти, он потянется к Северному морю³¹. Тогда

и нас в покое не оставит.

– Хорошо, что Боги просветлили твой разум. Ступай. Обещаю, что мы не будем переходить. Куммесшахи с оружием в руках.

Когда вождь Инаш удалился, повелитель приказал:

³⁰ *Хурриты – древний народ, появившийся на территории северной Месопотамии во второй половине 3 тыс. до н. э. и принадлежавший к неизвестной языковой группе Передней Азии. Известны с 3-го тыс. до н. э. в Северном Междуречье и по левым притокам Тигра. В Сирии и Месопотамии жили попеременно с семитами. В XVI—XIII вв. до н. э. хурриты создали в Северной Месопотамии государство Митанни и оказывали сильное влияние на Хеттское царство. В I-м тыс. до н. э. жили разорванными ареалами по западным, южным и восточным окраинам Армянского нагорья.*

³¹ *Северное море – Черное море.*

– Пусть мне принесут воду для омовения рук, белую ху-бику и священный калмус. Мне надо поговорить с Богами и помолиться за погибших.

– Мир тебе, мой названный брат! – радостно воскликнул Хемиша, вождь племен Хауси, обнимая Фазаруку.

– Пусть будут Боги к тебе благосклонны, брат! – ответил Фазарука. – Давненько я не слышал ничего о тебе. С того дня, как ты покинул Хаттусу, пчелы уже пятнадцать раз просыпались, возвещая весну. Расскажи, что произошло с тобой за все эти годы. Ты стал могучий, как скала. Твои руки покрыты шрамами.

Они присели на мягкую траву возле костра.

– Мой отец, верховный вождь, умер.

– Умер? – удивился Фазарука. – Я помню его крепким и здоровым.

– Да, он, бывало, на медведя один с копьем ходил, – печально согласился Хемиша. – Да только старые раны укоротили его дни. Тяжело уходил. Долго мучился... Совет старейшин призвал меня возглавить племена Хауси. Мне вручили меч правителя, когда я был еще мальчишкой. Надо было быстро взрослеть. Нелегко в малолетстве править целым народом. Хорошо хоть старые опытные воины подсказывали, поддерживали, оберегали во время битв. Сначала пришлось вести долгую войну с Ацци³². Много крови было про-

³² Ацци – страна на севере Анатолии.

лито. Многим смелым воином пришлось отправиться в леса Еникея. Но мы прогнали врагов. Затем Иссува захотела нас подчинить. Тушратта – правитель Митанни им приказал. Ему нужна была дорога в Хатти через Верхнюю страну. Но из землекопов Иссувы плохие воины. Их могилами устлан весь путь до самых восточных долин. Теперь каскийцы решил проверить острия наших копей. Их вожди прислали послов с требованием присоединиться к походу на Хаттусу. Пришлось вывалить посланников в коровьем дерьме и прогнать вон. Вчера каскийцы вновь появились в наших горах, теперь уже с оружием. На перевале шло жестокое сражение. Но воины Хауси среди родных скал, сами становятся скалами. Еникей возглавлял наше войско. Мы разбили шакалов и гнали до этой долины, как горноста́й гонит крыс от своей норы. – Хемиша улыбнулся сквозь бороду. – А когда перед нами предстала вся армия каскийцев, то мы приготовились к смерти. Мы легли бы все здесь, но не пустили бы врага в родные горы. И тут мое сердце застучало как небесный хухупал³³ Еникея, когда я увидели колесницы Суппилулиумы.

– Хорошую мы подготовили встречу, – согласился Фазарука. – А все – повелитель. Ему сам Бог Грозы подсказывает, как вести войну.

– Я рад, что ты сражаешься в рядах его войска.
Фазарука горестно покачал головой.

³³ *Хухупал – род больших барабанов*

– Я служил в мешедях лабарны Арнуванда. За преданность и усердия меня назначили старшим над мешедями.

– Высоко поднялся! – Хемиша одобрительно похлопал его по плечу.

Но Фазарука нахмурился.

– Не по душе мне придворная служба. Все же, я вырос в маленьком городке на границе с Ахейвой. Мой отец был отважным воином, и братья всю жизнь не расставались с оружием. Моя рука привыкла к мечу, и вольный ветер – мне брат. Не чувствовал я себя своим среди разодетых холеных вельмож.

– Ты защищал Хаттусу?

– Да, – горестно покачал головой Фазарука. – Я был один из последних, кто удерживал священный город.

– Арнуванде нет прощения. Хауси больше не признают в нем правителя. – Хемиша погрозил кулаком куда-то вдаль.

К ним подъехал всадник.

– Хемиша, тебя спрашивает какой-то каскиец. – Всадник указал на одинокую фигуру на холме. По виду человек был высоким и крепким. – Я не стал сносить ему башку, – виновато пожал плечами всадник. – А вдруг он – твой хороший знакомый.

– Правильно поступил, Уни. Я сам это сделаю, – сказал Хемиша и поднялся. Фазарука последовал за ним.

– Что этому шакалу надо от тебя?

– Это не каскиец, – мрачно ответил вождь. – Он из народа

Хауси.

Худой, жилистый воин в кожаных доспехах каскийского копьеносца поджидал Хемишу, нервно теребя край дорогого плаща. Черная смоляная борода клочьями кучерявилась на вытянутом скуластом лице. Большой нос нависал над бледной узкой верхней губой. Маленькие колючие глазки были глубоко посажены в глазницы. Его узловатые руки, то и дело, ощупывали пояс, на котором раньше висел меч. По мере приближения Хемиши в его взоре разгоралась злоба и ненависть.

– Приветствую тебя, великий вождь. Что ты делал в рядах каскийцев? Шкура шакала – свинье не к лицу, – с издевкой приветствовал его Хемиша.

Тот ответил гневным шипением сквозь зубы:

– Я надел эти доспехи, чтоб найти тебя в бою. Но ты был на коне, а я – пеший. На перевале я несколько раз подбирался к тебе, но ты ускользал от моего кинжала.

– Какие крепкие ноги! – вновь усмехнулся Хемиша. – Не ты ли бежал впереди всех, когда мы погнали вас?

Противник от злости заскрежетал зубами.

– Почему ты не ушел вместе со остальными шакалами на другой берег. Повелитель вас отпустил. Я же не столь милосердный: могу и кишки выпустить.

– Неужели ты поднимешь руку на безоружного? – снова прошипел противник. – Не узнаю сына благородного Шувауси. Ты не боишься гнева Еникея? Или воины Хауси забы-

ли, что такое совесть горца, и могут спокойно рубить головы пленным?

Хемиша с завидным спокойствием выслушал оскорбительную речь. Ни один мускул не дрогнул на лице.

– Хочешь умереть с оружием в руках? Пусть будет так! Мой друг, Фазарука, будет следить, чтобы поединок проходил честно. – Затем обратился к своим горцам. – Принесите оружие и калмус Еникея.

– Прекратите! – вмешался Фазарука. – Суппилулиума будет разгневан, если узнает о поединке. Нельзя проливать кровь, когда он беседует с Богами.

Хемиша покачал головой.

– Я не могу отступить, иначе буду опозорен. Мой народ проклянет меня, а предки не пустят после смерти на Великую охоту. У нас старинная кровная вражда, которую освятил сам Еникей.

На это Фазарука ничего не мог возразить. Кровная вражда – святое дело. Нельзя вмешиваться.

Помолившись перед божественным шестом с оленьими рогами и, совершив возлияние красным вином, противники приготовились к бою. Их вооружили короткими боевыми топорами. Бронзовые лезвия хищно сверкнули остро отточенными кромками. Для защиты – небольшие овальные щиты из дерева, обтянутыми толстой воловьей шкурой и украшенные медными пластинами.

Хемиша и его враг начали крадучись ходить по кругу, зор-

ко следя за каждым движением противника. Глаза не мигая, смотрели в глаза. Ноги все больше сгибались в коленях. Жилы на икрах вздулись от напряжения. Будто два хищника кружились на месте, высматривая любое ошибочное движение, ловя каждый неверный шаг. Чувствовалось, что оба были опытными воинами. Любая оплошность, – и сразу смерть.

Напряжение все возрастало. Наконец враги стали делать резкие осторожные выпады. Сшиблись щитами. Каскиец распрявился и молниеносно нанес удар сверху. Хемиша еле успел прикрыться. Лезвие срезало полоску кожи на кромке щита и скользнуло концом по правому плечу. На накидке из леопардовой шкуры появилось темное пятно крови.

Глаза каскийца заблестели. Он подумал, что нанес противнику серьезное ранение и с диким криком ринулся добивать. Но на этот раз Хемиша увернулся и ответил ударом в голову. Медный шлем слетел с каскийца и со звоном покатился по камням. Глубокая вмятина испортила чеканный узор.

Каскиец тряхнул головой, приходя в себя. Сорвал войлочный подшлемник и отшвырнул его в сторону. Убедившись, что голова цела, он скверно выругался.

Противники сошлись вновь. Щиты трещали под ударами топоров. Лезвия покрылись зазубринами. Пот смешивался с кровью. Вскоре удары каскийца стали слабеть. Он начал выдыхаться. Но и Хемиша почувствовал, как правая рука понемногу немела. Недолгая пауза. Каскиец, собрав все си-

лы, бросился в очередную атаку. Щит Хемиши треснул пополам под сокрушительным ударом. Но сам вождь с проворством кошки извернулся и выскользнул в сторону, а его топор остался торчать в груди соперника.

Каскиец бешено вращал мутневшими глазами, не понимая, что произошло. По разбитому лицу стекала кровь и густела в бороде. В уголках рта показалась розовая пена. Побледневшие скулы задергались в предсмертной гримасе. Длинные руки с крючковатыми пальцами потянулись к пробитому нагруднику. Он издал жуткий хриплый стон и рухнул в утоптанную траву. Горцы, наблюдавшие за поединком, издали радостный боевой клич.

– Кто этот человек? – спросил Фазарука после того, как Хемиша совершил благодарную молитву Еникею. Он помог перевязать рану на плече вождя Хауси. – С чего у вас возникла кровная вражда?

Двое слуг положили безжизненное тело на носилки и унесли в сторону реки, куда уходили последние каскийцы.

– Древняя история. – Хемиша отпил из кувшина воды. – Старики говорят, что это случилось, когда правитель Анита³⁴ с огнем и мечом покорял народы Хатти. Много городов он разрушил. Многие вожди пали перед ним на колени. Пришел черед и наших гор. Ему нужна была дорога на запад к землям Ацци, Хайасы и Исувы. Народ наш тогда был немно-

³⁴ Анитта – правитель города Куссара, правил приблизительно в 1790 – 1750 годах до н. э. Продолжал завоевательную политику своего отца Питханы.

гочисленный, да и воинским искусством пастухи не владели. Так, сорились иногда, за копыта хватались – но не больше. Племена жили разрозненно, сами по себе, занимались мирным трудом: охотились, пасли скот.

Войска Аниты занимали селения и превращали их в крепости. Жителей обращали в рабов. Кто вздумал сопротивляться – убивали. Вот тогда наш покровитель Еникей приказал вождям племен Хауси объединиться против захватчиков. Кто не желал становиться рабами, уходил высоко в горы и прятались. Как только Анита покидал крепости, оставляя сторожевые гарнизоны, горцы спускали и вырезали всех, как волки овец. Лишь только армия Аниты вновь появлялась, то находила только пустые укрепления. Пытались отыскать тайные тропы и наказывать бунтовщиков. А попробуй-ка в наших горах кого-нибудь найти.

В конце концов, Анита понял, что силой Хауси не одолеть. Где меч не разит – там золото валит с ног. Он решил подкупить одно из многочисленных племен. Одарил вождя богатыми подношениями, скрепил с ним договор в вечной дружбе и назначил правителем Верхней страны, в обмен на предательство.

Но остальные племена не желали такой подлой дружбы. Вот тогда-то и состоялся кровный поединок. Вождь предателей и мой далекий предок сошлись лицом к лицу. По приданию, сам Еникей спустился с гор на спине оленя. Золотые рога пылали небесным огнем. Серебряные копыта высекали

яркие искры. Три раза Бог протрубил над местом поединка, да так сильно, что горы вздрогнули и обрушились скалы.

Победил мой пращур. Племя предателей изгнали. Они осели где-то у подножья высокой горы Ар³⁵. Вскоре великий Лабарна собрал под свои знамена воинов и поверг Аниту. Уже скоро в сотый раз снег покроет горы, а затем стечет ручьями, но поединок, освещенный богом, продолжается до сих пор. – Хемиша еще отпил воды из кувшина. – Я только что убил Ибиссаху. Его дед убил моего деда. Мой отец убил его деда, его отца и двух братьев. Я, в свою очередь, убил брата Ибиссахи. Теперь пришел его черед.

– Это – одно из проклятий Аниты преследует твой род? – сделал вывод Фазарука. – Хаттусу тоже проклял Анита.

– Возможно, – согласился Хемиша. – Он слыл сильным магом, готовил себе бессмертие. Великому Лабарне удалось умертвить его тело, но мстительный дух до сих пор не успокоился.

Друзья еще долго говорили, сидя возле костра, пока сон не сморил обоих. Они повалились на землю, укутались в плащи и захрапели.

На рассвете Суппилулиума облачился в желтую хубику³⁶ жреца, совершил жертвоприношения, произнеся долгую молитву. Возле воткнутого в землю шеста с золотым быком на

³⁵ Гора Ар – Арарат

³⁶ Хубика – длинная рубаха без воротника и с широкими рукавами.

верхушке поставили кувшины с пивом и вином. На кусок ярко-желтой материи повелитель положил разломленные хлебные лепешки. Тут же истекал кровью черный баран с перерезанным горлом. Сам повелитель замер, словно каменное изваяние. В одной руке он держал изогнутый золотой калмус, другая покоилась на груди возле сердца. Душа повелителя витала высоко в небесах. Глаза видели грозные лики Богов, уши внимательно слушали их советы. Небесным блаженством и спокойствием светилось лицо. Воины собрались вокруг, приклонив колени и, затаив дыхание, ждали.

Вдруг кругом все зашумели. Толпа расступилась. Суппилиума очнулся, услышав за спиной тяжелые шаги Цулы. Цула встал перед повелителем на одно колено.

– Что случилось? – спросил повелитель, не опуская взгляда от неба.

– Прости, Великий, что оторвал тебя от беседы с Богами...

– Говори!

– Дурные вести. Прибыл гонец из Каниша³⁷. Арцава выступила против нас. Их войско уже подходит к переправе через Марассантию.³⁸

³⁷ Каниш – (Канес, Канеш, Неса, Неша) – один из древнейших городов Малой Азии (II тыс. до н. э.). Находился юго-восточнее города Хаттусас (Хатти) – на границе современных областей Йозгат и Кайсери.

³⁸ Марассантия – Кызылырмак (тур. Kızılırmak, букв. «красная река»; античное название – Галис, др.-греч. Ἄλυσ) – самая длинная река Турции. Берёт начало в горах Кызылдаг, пересекает Анатолийское плоскогорье и Понтийские горы,

Плечи Суппилулиумы напряглись. Он повернулся и решительно произнес:

– Выступаем немедленно. Знаю, что воины устали, но Каниш надо занять раньше арцавцев. Готовьте мою колесницу и позовите Хемишу.

Вождь Хауси подскакал на длинногривом невысоком коньке, когда Суппилулиума уже облачился в походную одежду и стоял в колеснице.

– На юге беспокойно, – объяснил повелитель на ходу. – Когда еще увидимся, останусь ли я живым – известно только Богам. Пока, на словах назначаю тебя телепурием всей Верхней страны. Некогда созывать панкус и приводить тебя к присяге.

– Слушаюсь, Солнце мое. Но достоин ли я...

– Не в достоинстве дело, – оборвал его Суппилулиума. – Мне нужен щит, который прикрол бы мою спину. Ты знаешь здесь все тропинки. Смелей и надежней твоих людей мне не найти. Следи за дорогами из Митанни и Исувы. Если опять покажутся каскийцы, постарайся все уладить миром. Нам нынче каждый мирный день дорог. Пусть Боги тебе помогают! – пожелал повелитель напоследок.

– Победы тебе, Великий! – крикнул Хемиша вслед уносившейся колеснице.

впадает в Чёрное море, образуя дельту. Вдоль реки расположены города Сивас, Бафра

Ярким холодным шаром луна зависла над уснувшими полями. Зубчатые башни и высокие крепостные стены в ее синеватом свете казались покрытые инеем. Все вокруг замерло, даже деревья не шелохнут серебряными листочками. Поя, горы, леса – все погрузилось в глубокий сон.

Только в городе не спали. Жители спешно готовились к обороне. В кузницах пылали горны, раздавался звон молотов о наковальни. Мелькали факела. Отрывисто перекликались стражники на стрелковых башнях. Запах горячей смолы, жженого металла перемешивался с вонью гнилого ила, вычерпанного накануне из оборонительного рва.

Зоркие охранники заметили внизу человека и подняли тревогу. На стену высыпали лучники.

– Кто внизу? – окликнул стражник.

– Мне нужен телепурий города, – ответили голос из темноты.

– Здесь телепурий. Кто ты? Что тебе нужно?

– Лови!

Стрела чиркнула о камни, высекая искры. При свете факелов разыскали стелу. На древке нащупали привязанный перстень. Телепурий разглядел вензель, тонко выгравированный ювелиром, вскинул руки к небу и радостно воскликнул:

– Боги слышали нас! Мы спасены!

Распахнулись городские ворота. Войско бесшумно и быстро вошло в Каниш. Упитанный телепурий семенил рядом с колесницей Суппилулиумы. В доспехах он напоминал большого жука. Глаза его радостно блестели. Он причитал слащавым голосом:

– О великий! О божественный! Мы уж думали, что дни наши сочтены. Когда армия Арцавы появилась на берегах Марассантии, я разослал гонцов во все стороны. От Арну-ванды нет никаких вестей. О тебе я слышал. Но ты сражаешься далеко на севере. Откуда ждать помощи? А у нас воинов всего-то с сотню наберется, да и то – все больше из местных пастухов. Продовольствия надолго не хватит...

– Войско у Арцавы большое? – перебил его бессвязную речь Суппилулиума.

– О-о! Большое, очень большое! – выпучив глаза, просто-нап телепурий. Суппилулиума понял, что тот боялся даже носа высунуть за крепостные стены и толком не знал: где противник и сколько его.

В доме телепурия Суппилулиуме отвели лучшие покои: просторные и теплые.

– Что желает, Великий. Может подать вина? – все расшаркивался наместник города.

– Для начала разыщи мне людей, которые видели своими глазами войско Арцавы.

Телепурий окликнул мешедя и велел позвать лазутчиков.

Вскоре привели двух долговязых юношей в пастушьих одеждах из козых шкур. От них Суппилулиума узнал, что войско из Арцавы подошло, числом около семи тысяч. Все хорошо вооружены. Есть даже осадные орудия. Основной лагерь разбили недалеко от города. Воины занимаются грабежом в ближайших селениях. Крепость штурмовать не спешат. Они знают, что на помощь осажденным придти некому. Каниш можно взять в любое время, а то и просто сморить жителей голодом – сами откроют ворота.

Суппилулиума выслушал пастухов, затем подозвал телепурия и приказал:

– Выполни все в точности, что я тебе скажу. От этого зависит наша победа. Моих воинов разместить в Верхнем городе. Дай им все необходимое, накорми. Они очень устали: шли несколько дней и ночей без отдыха. О том, что прибыла подмога, ни одна душа не должна знать. Стражникам прикажи молчать под страхом смерти; в городе могут быть лазутчики. Отошли в лагерь Арцавы надежных людей. Пусть разносят слух о том, что кладовые храма Каниша набиты золотом, серебром и благовониями. Якобы Арнуванда тайно привез добро из Хаттусы, чтобы уберечь от каскийцев. Пусть твердят, что воинов в городе совсем не осталось, и стены оборонять некому.

– Но, Великий, тогда же арцавцы нападут на нас, – ужаснулся телепурий.

– А ты думаешь, я сюда прятаться пришел? – разозлился

Суппилулиума на бестолкового наместника. – Выполняй! И еще: принеси мне план крепости.

Оранжевые язычки пламени светильников слабо мерцали в мрачном сводчатом зале, источая противный запах горелого масла. Над длинным столом склонились три человека и внимательно изучали план городских укреплений, нарисованный на куске телячьей кожи.

– Нелегко придется одолеть семь тысяч, – прикинул Суппилулиума. – У нас всего чуть больше трех. Северная стена длинная и плохо укреплена. Войско Арцавы начнет штурм именно здесь. Нам нужно будет выскользнуть с противоположной стороны и ударить в тыл. Тогда мы их сомнем. Не хватает всего лишь небольшого отряда, хотя бы три сотни копьеносцев и немного суты.

– Для вылазки? – сообразил Фазарука.

– Именно для вылазки. Этот отряд должен открыть северные ворота и ударил в лоб, отвлекая на себя основные силы. Ни в коем случае нельзя дать арцавцам взобраться на стены раньше, чем мы окажемся за их спинами. Получится, будто молот ударил в наковальню. Войско Арцавы, как кусок раскаленного металла сомнется.

– Местное ополчение сможет сделать вылазку, – предложил Цула.

– Нет. Местные ополченцы должны стоять на стенах и отражать штурм. Им, и без того, тяжело придется. К тому же, на вылазку нужны опытные воины, иначе враг прорвется в

город, и тогда уже нам придется отбивать стены.

– А если сидеть в крепости и держать оборону, – попробовал что-то придумать Фазарука.

– Можно поступить и так, – согласился Суппилулиума. – Мы сможем долго продержаться. Но если из Арцавы еще подтянутся отряды? Тогда нам не выстоять. К нам на помощь никто не придет. Нет, надо разбить врага в первом же бою. Эх, еще бы три сотни копий!

Занавесь у входа колыхнулась, и в зал вбежал запыхавшийся телепурий. Глаза его светились радостью.

– Повелитель. Только что прибыл отряд воинов от солнцеликой таваннанны.

– От матери? – Удивился Суппилулиума.

– Да, Великий, – выпалил телепурий. – Три сотни копьеносцев, сута около ста человек и пять колесниц.

Все трое воздели руки к небу, возблагодарив Богов.

– Солнце наше! – воскликнул Цула. – Теперь пусть никто не сомневается, что тебе помогают Бог Грозы и Бог Солнца. Стоило только попросить три сотни воинов – и они тут же даровали их.

– Пусть же теперь даруют победу, – согласился Суппилулиума и обратился к телепурию: – Кто возглавляет отряд?

– Я здесь, Великий! – Из-за спины телепурия вынырнул низенький толстый человек на кривых коротких ногах. Богато украшенные боевые доспехи неуклюже сидели на нескладном оплывшем теле. Весь вид говорил, что он от-

нюдь не умелый рубака, а, скорей, любитель плотно поест и сладко поспать. Воинский плащ застегнут на плече неумело, и стеснял движение рук. Короткий меч, украшенный драгоценными камнями, висел криво и мешал при ходьбе. На круглом холеом лице торчал крупный мясистый нос и такие же мясистые губы. Тройной подбородок и румяные щеки скрывала накладная борода, завитая по последней моде мелкими колечками. Ему едва перевалило за тридцать, но праздная жизнь уже начинала его старить. Прорезались морщины на лбу. Под глазами легли темные круги. Седина кло-чьями пробивалась в шапке черных жестких волос. Все сразу узнали Иссихассу, чашника лабарны Арнуванды и близкого родственника его жены – красавицы Фыракдыне.

Суппилулиума нахмурил брови. Не очень-то хотелось видеть в своем окружении слугу брата. У него мелькнула мысль: не послал ли своего чашника Арнуванда следить за ним. Повелитель недоверчиво спросил:

– Почему ты не подле лабарны?

Иссихасса сделал глубокий вдох сожаления, и умело сладкозвучно запел:

– О, юный олень, способный перепрыгнуть горы. О, могучий лев, которому не страшен никакой враг. Пусть Боги всегда несут над тобой свои калмусы...

– Где лабарна Арнуванда? – прервал его Суппилулиума, не в силах слушать льстеца.

Толстяк не сразу перестроил ход мыслей.

– По правде, я и сам толком не знаю, где сейчас солнце-подобный Арнуванда, – пожал плечами чашник правителя, чем всех удивил. – Еще весной он отослал меня с поручением в Цапланду к златозвездной Таваннанне. Выполнив поручение, я вернулся в великую Хаттусу, но нашел лишь руины на месте священного города. Мне ничего не оставалось, как только рыдать над пепелищем божественной столицы и взывать к Богам. Я посыпал голову прахом и отправился обратно к таваннанне, неся в сердце глубокую скорбь. – При этих словах он мастерски смахнул слезинку. – Передо мной прибыл гонец и сообщил, что Арнуванда жив и скрывается где-то в Бычьих горах. Мы заперли ворота Цапланды и дрожали от страха. Связь с городами прекратилась. Гонцы пропадали. Приближенные таваннанны начали роптать. Звездopodobная усиленно молилась. А что она еще могла сделать? Только уповать на милость Богов.

Я и сам целыми днями не выходил из храма. Со дня на день мы ждали, что враги появятся под стенами. Как вдруг, словно луч солнца разогнал грозовые тучи, твое имя прозвучало по вселенной. Мы приносили щедрые жертвы Богам, чтобы они помогали тебе одержать верх над подлыми каскийцами. Громоподобное имя Суппилиуму не смолкало в храмах. Освободитель! Благородный мститель!

– Хватит, – жестко попросил Суппилиума. – Ближе к сути.

– Я упросил великую таваннанну дать мне немного во-

инов, чтобы примкнуть к твоей бесстрашной армии, Великий! Я не мог отсиживаться за стенами, когда на нашей земле льется кровь. Солнцеподобная снарядила своих мешедей. Во главе отряда я следовал за тобой по пятам. Но ты, как барс, бесшумно и быстро шел вперед. Наконец я у твоих ног и прошу принять мою клятву.

– Рад обрести верного слугу и смелого воина, – поблагодарил его повелитель, но тень сомнений промелькнула на челе. – Скажи: как ты прошел к городу?

– Подобно тебе, Великий! – глаза вельможи самодовольно сверкнули в полумраке. – Я шел бесшумно, по ночам. Вчера столкнулся с отрядом арцавцев, но в бой не вступил – затаился в лесу. Под покровом темноты пробрался к Канишу. Сделал это вовремя. Враг уже занял все дороги, ведущие к городу.

Суппилиума был приятно удивлен. Этот льстивый вельможа не глуп. Такие люди сейчас нужны. Он вышел из-за стола, обнял Иссихассу и поблагодарил за смелость.

– Мы обсуждаем план обороны. Если хочешь, оставайся. Если устал – ступай, отдохни. Завтра предстоит трудный день.

Иссихасса провел не одну бессонную ночь, и рад был бы завалиться на мягкое ложе, но все же поборол в себе слабость и торжественным тоном ответил:

– Как я могу спать, о, Великий, когда твои очи не смыкаются. Позволь мне остаться.

Суппилулиума подвел его к столу, собственноручно налил в глиняную кружку старого терпкого вина и поднес просиявшему Иссихассе. Затем все вновь склонились над картой. Еще долго в зале мерцали светильники, пожирая масло.

Суппилулиума проснулся от стука деревянных колотушек. На башнях били тревогу. Он вскочил на ноги, плеснул в лицо холодной воды из кувшина, схватил меч и поспешил на крепостную стену. Пара часов беспокойного сна не могла полностью восстановить силы, но повелитель шел бодро. Он поднялся бегом по крутой каменной лестнице. Следом бежали военачальники. Иссихасса, задыхаясь, семеня вторым, стараясь на ходу поправить плащ повелителя; ведь Суппилулиума, спал не раздеваясь, и порядком измял одежду.

Взобравшись на самую высокую башню, Суппилулиума поприветствовал Бога Солнца, чья огненная колесница показалась над вершиной Аргея. Белесый утренний туман нехотя рассеивался, обнажая зеленые луга.

Со всех сторон к крепости приближались разрозненные отряды арцавцев. Легковооруженные, по десять – пятнадцать человек, разведчики подбегали ко рву. Кто-то один преодолевал ров по перекинутой лестнице, как по мостику, тут же забрасывал на стену прочную веревку с крючьями и взбирался наверх. Остальные снизу прикрывали лазутчика стрелами. Лишь только подбегала охрана, разведчики с тем же проворством спускались вниз и уходили. Суппилулиума

только диву давался, наблюдая за ловкачами. Вдалеке на возвышенности он заметил колесницу. В ней стоял высокий воин и внимательно следил за действиями разведчиков. По доспехам, сверкающим медью в первых лучах солнце, Суппилиума понял, что это не простой колесничий. Его сопровождала охрана: человек сорок крепких копьеносцев.

– Кто стоит в колеснице? – спросил повелитель у Иссихассы.

Толстяк взгляделся, прикрывая глаза ладонью.

– Сам Маддуваттис – правитель Арцавы. – узнал Иссихасса. – Приезжал как-то ко двору Арнуванды. Хитрый и очень умелый полководец.

– Как не хитер, но все же попался на нашу приманку. Поверил, что ему наплели о подвалах, наполненных сокровищами, – пораздовался в душе Суппилиума. – Теперь непременно пойдет на штурм.

Разведчики все разом отступили, не потеряв ни одного человека.

Защитники высыпали на стены. Люди тревожно вглядывались вдаль. Некоторых пробивала нервная дрожь. Чтобы успокоиться, они принимались осматривать оружие, приводить в порядок защиту, или начинали говорить, что-нибудь подбадривающее, неестественно громко.

Вскоре среди защитников показалась толстая фигура телепурия. Наместник был спокоен, так как знал, что войско Суппилиумы стоит наготове в Верхнем городе и, по пер-

вой же команде, придет на помощь осажденным. Телепурий замахал коротенькими полными ручками, расставляя всех по местам. На стенах и в городе сразу же началось организованное движение. Запылали костры, зашипели над ними котлы с водой. Заскрипели деревянные блоки, поднимая плетеные корзины с камнями для метания. Кричали командиры, созывая воинов.

Вдруг из-за холмов с южной стороны появилась серая полоса. На башнях вновь тревожно застучали деревянные колотушки. Серая полоса росла и быстро приближалась. Вскоре она превратилась в стройные ряды воинов, несущих штурмовые лестницы. От стрел их прикрывали навесы из кожи, растянутой на шестах. В движении шеренг чувствовалась решимость и напористость.

– Почему арцавцы появились с южной стороны? – забеспокоился Фазарука. – Мы же их ждали с севера.

– Это всего лишь – отвлекающая атака, – успокоил его Суппилулиума. – Они даже на стены не полезут. Просто хотят отвлечь все силы на себя. Их не больше двух тысяч. А теперь посмотри в противоположную сторону. Видишь серые бугорки? Вот там готовится основной штурм.

– О, повелитель! – изумился Фазарука. – У тебя, поистине, глаза орла.

– Распорядись: пусть ополчение не покидает северную стену. На южную прикажи подняться нашим воинам суты и угостить арцавцев, как следует.

За тридцать шагов до рва, арцавцы подняли невообразимый шум. Они с напыщенной решимостью переправились через ров и с громкими криками кинулись к стене. Хеттская сута осыпала их тучей стрел. Около сотни нападавших тут же упали сраженными. Враг предполагал, что горожане будут защищаться, но такого яростного отпора не ожидали.

Посчитав дело сделанным, арцавцы бросились бежать, делая вид, будто ужасно напуганы. Хитрецы рассчитывали выманить осажденных на вылазку, но из крепости никто не появился.

В это же время с северной стороны уже спешило основное войско. Штурмующие двигались быстро и тихо, прикрываясь плетеными прямоугольными щитами. На этот раз их было втрое больше, штурмовые лестницы длиннее и крепче. Человек двадцать тащили толстенное бревно. Бревно со всего маха перескочило ров и с грохотом врезалось в ворота. Створки вздрогнули, но выдержали. В бой вступили лучники. Завязалась перестрелка. Арцавцы завалили в одном месте ров мешками с песком и вскоре уже карабкались по лестницам на стены. Сверху лили кипяток, летели камни, сбрасывали тюки с тлевшей соломой. Солома выделяла едкий густой дым, от которого щипало глаза. Лучникам снизу невозможно было метко посылать стрелы. Но штурмующие с остервенением и настойчивостью лезли на стены.

Арцавцы разогнали второй таран. Створки снова выдержали удар, однако сильно покосились. Третий удар должен

был снести ворота напрочь.

— Пора! — крикнул Суппилулиума. От напряжения лицо залил румянец. Глаза горели.

Цула проворно сбежал вниз. За ним следом, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, запрыгал Иссихасса.

С башни повелитель видел, как тихо растворились южные ворота. Из крепости бесшумно выехали колесницы, затем вытекли ряды копьеносцев. Суппилулиума воздел руки к небу и громко произнес короткую молитву.

Уже почти половина войска Арцавы переправилось через ров и устремилось на стены, когда осажденные разобрали скрытый проход. Отряд Иссихассы дерзко вступил в бой, оттесняя арцавцев от стен, ломая штурмовые лестницы. Арцавцы напирали, чувствуя свое преимущество. Но хетты их упорно теснили обратно в ров. В поддержку Иссихассе со стен летели стрелы и камни. Когда бой достиг наивысшего накала, в тыл к арцавцам влетели колесницы. За колесницами врезалась пехота. Завязалась беспощадная рубка. Еще раз арцавцы попытались прорваться к стенам сквозь копьеносцев Иссихассы, но хетты стояли твердо, плечо к плечу. Штурм провалился. Враг попятился.

Суппилулиума велел подать колесницу. Его тело горело от нетерпения. Рука, до боли сжимала древко короткого копья. Он лихо врезался в самую гущу схватки, бесстрашно выпрямившись во весь рост. Завидев высокий шлем повелителя и шест с золотой головой быка, воины Хатти грянули боевой

клич. Битва закипела еще ожесточеннее.

Суппилулиума, стиснув зубы, бил направо и налево. Его щитonosца сразу же подняли на копья. Возничий осел с разбитой головой. Невесть откуда, на колесницу вскочил Цула и прикрыл спину повелителя. Павшего возничего тут же заменил другой.

Враг побросал штурмовые лестницы и начал оттягиваться назад. Арцавцы отступали спешно, но стройно. Они умело и ловко перестраивались, быстро отходили и неожиданно оборачивались, делая контрвыпады. Чувствовалась хорошая выучка. Но хетты так же умело их теснили, ломая ряды.

– Вон он! – крикнул повелитель. Лицо его покрывали брызги крови. Губы лихорадочно дрожали. Глаза пылали от возбуждения.

– Кто? – не понял Цула.

– Маддуваттис! – Суппилулиума указывал вглубь вражеских рядов. – Видишь, сверкает золотой шлем с лисьим хвостом на макушке?

Он вложил в ножны затупившийся меч и схватил тяжелый боевой топор, лежавший до этого у ног.

Колесницы сделали круг по полю и с фланга въехали в самую середину арцавцев. Возничий присел, уклоняясь от острых пик, но вожжи не выпускал. Цула орудовал копьем. Длинный бронзовый наконечник мелькал, подобно молнии. Щит с острой шишкой в центре бил по лицам. С другой стороны, повелитель орудовал топором. Клин колесниц все

глубже вгрызлся во вражеское войско.

Повозка наклонялась то на один бок, то на другой, наезжая на убитых и раненых. Правая лошадь рухнула с разрубленным черепом. Колесница встала. Суппилиума с Цулой спрыгнули на землю и продолжали сражаться во главе копьеносцев.

Вдруг перед ними, сквозь частокол копий мелькнули дорогие доспехи и золотой шлем с лисьим хвостом. Хетты поднажали. Повелитель ухватился за край высокой колесницы, на которой стоял Маддуваттис и ловко взобрался в повозку. Все увидели, как Суппилиума обрушил топор на голову Маддуваттиса. Изрядно потупившееся лезвие скользнуло по высокому шлему, перерубило серебряный наплечник, сломав ключицу, и застряло глубоко в теле. Хетты грянули боевой клич и еще сильнее надавили. Арцавцы не выдержали и побежали.

Суппилиума перевернул лицом вверх сраженного им предводителя Арцавы. Шлем соскользнул с головы убитого.

– Проклятье! – воскликнул повелитель. – Хитрая лиса, Маддуваттис, учуял неладное. Смотри, Цула, он надел свои доспехи на простого воина и поставил у всех на виду, а сам, наверное, находился где-нибудь сзади.

– Лиса сбежала, оставив свой хвост, – усмехнулся Цула, подбирая золотой шлем.

Подлетел Фазарука на колеснице.

– Повелитель! – Крикнул он. – Войско остановилось.

– Как, остановилось? – гневно воскликнул Суппилиума. – Надо гнать Арцаву, пока хватит сил.

– Невозможно! Они заранее выставили на возвышении повозки и сейчас укрылись за ними, как за стеной.

Когда Суппилиума подъехал к месту битвы, то увидел, как хеттская пехота безрезультатно штурмует высокий холм, на вершине которого ровным фронтом стояли тяжелые четырехколесные повозки. Все это нехитрое укрепление ошетинилось копьями. Хетты волнами накатывали на холм и снова отступали. В бой вступили пращники и лучники.

Суппилиума быстро оценил обстановку. Холм им не захватить. Хоть арцавцев и потрепали, но все же у врага оставался численный перевес. Вдруг он ужаснулся, заметив, как с той стороны заграждения из повозок подкатывают прямоугольные деревянные рамы на сплошных деревянных колесах. Он не мог ошибиться – метательные орудия. Внутри рам крепились пучки крученых канатов. В канаты уже вставляли рычаг с пращей на конце и нагружали пращи камнями.

Суппилиума мгновенно приказал барабанщикам сигналить отступление. Тревожно загрохотали частой дробью большие хухупалы. Хетты тут же отпрянули, прикрывая спины щитами.

Маневр совершили своевременно. Рычаги метательных орудий взмыли вверх и с глухим стуком ударились в упоры. Град тяжелых камней вспахал землю перед хеттским войском, поднимая тучи пыли, выворачивая ошметки дерна.

Арцавцы сделали еще залп, но хетты находились на безопасном расстоянии.

Оба войска стояли друг против друга и не предпринимали никаких действий.

– Повелитель, разреши мне с колесницами заскочить в тыл, – предложил Цула. – Попробую атаковать метательные машины.

– Бесполезно, – не разрешил Суппилиума. – Приглядишься: кругом по склонам и в кустах прячутся лучники. Вас перестреляют на подходе.

– Повелитель! Нельзя же так стоять, – забеспокоился Фазарука. – Их больше. Одна напористая атака – и нас сомнут.

Суппилиума ничего не ответил. Он и сам понимал, что слишком увлекся преследованием. Отступить под стены Каниша не успеют. Далеко! Бой придется принимать прямо здесь. Но силы не равные. Напряженная тишина, царившая над полем боя, начинала раздражать повелителя. Впервые Суппилиума не знал, как ему поступить. Он мысленно обратился к Богам с горячей молитвой. Вдруг взор его прояснился, с лица сбежали напряженные морщинки. Повелитель указал вперед.

– А вот, все решилось само собой. – Но в голосе его прозвучала еле заметная тревога.

Над строем арцавцев взметнулся шест с белой и красной лентой. Враг предлагал судьбу сражения решить поединком двух воинов. Суппилиума с надеждой взглянул на Цулу.

Тот пожал плечами. Над хеттским войском взвился ответный знак. Согласны!

По склону неторопливо спускался арцавский воин. Не человек — чудовище. Он был огромного роста, с мощными длинными руками. Ноги, словно два каменных столба. Большую голову неправильной формы защищал кожаный шлем. Хмурое скуластое лицо с нависшими густыми бровями покрывали уродливые шрамы. Густая черная борода грязными клочьями спускалась на широченную обнаженную грудь. Правой рукой он играючи вертел тяжелым копьем. В левой нес прямоугольный щит, сплетенный из прочной лозы дикого винограда. За поясом торчал большой боевой топор и короткий широкий меч.

Суппилиума снял с себя золотой амулет с изображением бычьей головы и надел на мускулистую шею Цулы.

— Да направят твою руку Боги! Да придаст тебе силы родная земля! — Дрожащим от волнения голосом произнес повелитель.

Цула сменил щит на более легкий, снял кожаный нагрудник. Заткнул за пояс топор, сбоку поправил меч, взял копье и уверенно направился к месту поединка. В его широкую мускулистую спину взирали с надеждой тысячи воины Хатти. Сзади лежала в развалинах родная земля.

Оба войска затаили дыхание. Противники остановились шагах в тридцати друг от друга. Арцавец вблизи еще больше напоминал чудовище, сошедшего со стен храма Ярри. Уви-

дев, что перед ним молодой, не обросший бородой юноша, он страшно оскалился в презрительной ухмылке и прокаркал что-то издевательское на своем языке. Затем, в знак унижение, снял с себя кожаный шлем и отшвырнул его в траву. Цула ответил тем же. Медный шлем с высоким гребнем конских волос полетел на землю. Арцавец злобно прорычал, тяжело размахнулся и метнул копье. Цула, будто ящерица, на мгновение припал к земле и тут же вскочил. Копье, с шумом рассекая воздух, пролетело над ним и упало далеко позади. В хеттском строю раздались одобрителные возгласы. Настал черед Цулы. Он, как пружина, скрутился и раскрутился, посылая копье в противника. Арцавец закрылся щитом. Его качнуло от удара. Затем он выдернул из щита копье и, хвастаясь своей непомерной силой, переломил толстое древко о колено, словно тростинку. Арцавцы ликовали.

Чудовище достал из-за пояса топор и, хладнокровно прицелясь, кинул его в Цулу. Цула отбил щитом топор в сторону. Удар был такой силы, что левая рука на мгновение занемела. Он метнул в ответ свое оружие. Лезвие прорубилось сквозь лозу и ранило противника в руку. Теперь хетты возликовали. Они потрясали копьями над головами, подбадривая Цулу. Чудовище со злостью отшвырнул пробитый щит и обнажил меч. Цула поступил так же. Оба войска вновь затихли.

Противники сошлись. Бронзовые клинки скрестились, издавая холодный зловеший звон. Воины не уступали друг другу в силе и умении владеть оружием. Один был опытный

боец, но другой моложе и проворнее. Один стоял, как буйвол, нанося тяжелые удары. Другой кружил вокруг, словно лев, делая резкие выпады. Их тела покрывались лишь незначительными ранами.

Удары наносились с такой страшной силой, что в какой-то момент меч арцавца не выдержал и сломался. Он выкинул бесполезную рукоять с обрубком клинка. По правилам поединка, Цула, так же, отшвырнул меч.

Некоторое время они стояли друг против друга, покрытые потом и кровью, тяжело дышали. Арцавец сделал широкий шаг вперед, размахнулся правой рукой, и ударил Цулу кулаком в грудь. Цула устоял, хотя и сильно пошатнулся. Тупая боль разлилась от плеча до плеча. В том месте, где висел амулет, сквозь кожу выступили капельки крови. Юноша не остался в долгу. От сильного удара противник отшатнулся на два шага, взмахнув руками. Хотя у Цулы было впечатление, что он врезал кулаком в каменную стенку. Даже кисть онемела. Оба войска взревели и заколыхались, как поле ячменя на ветру.

Враги снова сошлись, заключив друг друга в крепкие объятия. Каждый пытался переломить хребет противнику. Жилы вздулись. Суставы сухо трещали. Налившиеся мускулы мелко дрожали от перенапряжения. Тяжелое прерывистое дыхание вместе с рычанием вырывалось из глоток. Пот ручьями стекал по разгоряченным телам, заливал глаза, жег раны. Зубы скрежетали. Но вот Цула почувствовал, что арца-

вещ начал выдыхаться. Молодое тело хетта оказалось сильнее. Хватка противника потихоньку ослабевала. Арцавец взвыл, с неимоверными усилиями вывернулся из объятий Цулы и хитрым приемом повалил его на землю. Но Цула увлек врага за собой. Борьба продолжалась на земле. Обнявшись, они катались в пыли, сдирая кожу. Все же арцавец был опытней. Он сумел захватить своими огромными ручищами шею Цулы и принялся душить. Цула попытался вырваться. Никак не получалось. Воздуху не хватало. Радужные круги поплыли перед глазами. Холод волной пробежал по телу. В лицо дохнула смерть. «Это конец!» – шепнул ему Ярри. Вся жизнь за мгновение пронеслась перед глазами. Но тут из памяти всплыло суровое лицо повелителя, его взгляд, полный надежды. «Надо выстоять!» – как будто в другое ухо крикнул Бог Грозы. Цула собрался и принялся изо всех сил молотить кулаками по лицу противника. Несколько ударов коленями в живот, и арцавец, задыхаясь, откатился в сторону.

Они еле-еле поднялись, качаясь из стороны в сторону. С последними силами чудовище кинулся на Цулу. Но тот был готов. Он ловко присел и перевалил тяжеленную тушу через плечи. Ноги противника взметнулись вверх. Он пропахал носом землю. Раздался противный хруст шейных позвонков.

Хетты дружно грянули боевой клич, так, что горы содрогнулись. А Цула стоял и смотрел на безжизненное тело врага, еще не осознавая до конца, что вышел победителем из смертельной схватки. Тупая боль разливалась по всему телу.

Пелена заволакивала взор. Земля закачалась, не давая ногам найти опоры. Он, так бы и рухнул навзничь, если б его не подхватили подоспевшие мешеди.

Копьеносцы Арцавы строились в походные колонны и уходили на запад по дороге в Тувануву. Хетты их провожали обидными выкриками и злыми шутками.

Неторопливо, перешагивая через тела убитых, шествовал Маддуваттис. Его облачение состояло из простой воинской одежды. Широкий шерстяной плащ, небрежно накинут на плечи. Медный шлем с маской закрывал половину лица. На ногах медные поножи. Его можно было отличить от простого воина лишь по остроносым сапогам из тонкой кожи, да по массивному золотому браслету с драгоценными камнями на правой руке.

Следом семенила свора слуг. Несли походный столик, два изящных стульчика с низкими спинками, глиняные сосуды с напитками, корзины с фруктами и ларцы с подарками.

Суппилиума не стал, как положено победителям, с надменным лицом ждать побежденного, сам вышел навстречу правителю Арцавы. Фазарука, Иссихасса и два копьеносца сопровождали повелителя.

Маддуваттис небрежно снял шлем, коснулся ладонью лба и груди и, чуть заметно поклонился. Повелитель ответил тем же на его приветствие. Суетливые слуги поставили столик. В серебряные кубки тонкой струйкой потекло рубиновое вино. Аромат изысканного напитка перебил запах крови, висящий

над полем битвы.

Маддуваттис сел только после Суппилиуму. На его губах постоянно играла натянутая улыбка. Внутри же все бурлило от злости – взгляд выдавал. Маддуваттис слыл мудрым правителем и хорошим полководцем, к тому же хитрым политиком, но имел два недостатка: слабое тело и жадность. Правитель Арцавы хоть и был высок, но плохо развит и некрасив лицом. Глаза тусклые, губы тонкие, борода жиденькая, непонятного рыжего цвета. Он выглядел старше своих сорока лет из-за чрезмерного увлечения вином и храмовыми блудницами.

Так, как Иссихасса служил раньше у лабарны Арнуванды чашником, то и сейчас не забывал о своих обязанностях. Толстяк достал из складок одежды зеленый камушек на ниточке и хотел опустить в бокал Суппилиуму; если вино отравлено, камень поменяет цвет. Маддуваттис удивленно воскликнул на хорошем хеттском языке:

– Великий полководец не доверяет мне? Но мои мешки наполнили чаши из одного кувшина. Арнуванду, может быть, я и отравил бы, – честно признался Маддуваттис, – но не великого Суппилиуму. Что потом обо мне будут болтать? Не смог выиграть битву честно – решил сражаться подло?

Суппилиуму жестом остановил Иссихассу. Чашник нехотя спрятал змеиный камень.

– Боги поступили неразумно, отдав престол Арнуванде.

Из тебя бы вышел второй Мурсили. Надо же – так меня обхитрить. Я был уверен, что Суппилулиума где-то в Северных горах сражается с каскийцами.

– Спасибо за похвалы, – сухо ответил повелитель. – Оставь эти речи для других. Ответь: зачем пришел с войной? Ты составил с моим отцом Тудхалией договор о мире. Вы записали его на золотых табличках. Ты давал клятву перед истаннаной Бога Грозы, что не ступит нога воина Арцавы на землю Хатти. Коротка память твоя! Тебе мало двух городов: Туванувы и Уды, что мой отец передал Арцаве?

Маддуваттис скосил в сторону хитрые глаза. Немного поразмыслил, затем безразличным тоном ответил:

– Да, я записывал договор с твоим отцом, – согласился правитель Арцавы. – Но великого лабарны Тудхалии уже давно нет среди нас. Только перед ним я могу держать ответ. Ты же не можешь меня обвинять в клятвопреступлении. Между тем, твой брат, лабарна Арнуванда, бессовестно обдирает моих торговцев. За провоз из Иссувы через Хатти меди, за четыре мины надо платить целый сикель серебра.

– Разве нельзя было решить вопрос мирно, через послов? Я вижу ложь в твоих глазах. Не в обиженных торговцах причина. Ты имеешь золота и серебра больше, чем у правителей Та-Кемет. Зачем тебе вести армию на обнищавшую голодную страну?

Маддуваттис ядовито ухмыльнулся.

– От тебя ничего не скрыть. Ты не станешь мне верить,

даже если я скажу, что решил присоединить к своим владениям Каниш.

– Конечно, не поверю. Каниш слишком далеко находится от твоей столицы Милаватны. Рано или поздно, я бы вернул город.

Маддуваттис ничего не ответил. Он опустил глаза и, с видом гурмана, попивал вино.

Суппилиума смерил его гневным взглядом. Тихим, но грозным голосом произнес:

– Не боишься, что я прикажу своим воинам схватить тебя и казнить, как клятвопреступника?

– Ты этого не сделаешь, – без тени страха ответил Маддуваттис. – В тебе слишком много благородства, чтобы нарушить законы войны. К тому же, тебе сейчас нужен мир. Если ты поднимешь на меня руку, война затянется надолго, так как договору между мной и твоим отцом придет конец. А при моем дворе развелось множество безземельных нищих вельмож. Им, ох, как нужны новые земли. Месть – хороший повод для войны. Так что, я даже не отдам тебе обратно Тувануву и Уду.

Суппилиума весь вспыхнул, но тут же усилием воли подавил в себе гнев. Маддуваттис был прав: мир сейчас – главное богатство для Хатти.

Правитель Арцавы сделал жест, и его слуги отошли на несколько шагов назад. Этим он дал понять, что желает наедине поговорить с Суппилиумой. Фазарука и Иссихасса

последовали примеру мешедей.

– Я больше не буду нападать, – заверил повелителя Маддуваттис. – Золото я уже отработал.

– Тебе заплатили?

– И очень много, – Маддуваттис почти шептал. – Тушратта видит себя правителем великой державы, расстелившейся до самого Западного моря³⁹. Ты мешаешь ему. Каниш нужен не мне, город нужен правителю Митанни. Отсюда он хотел начать завоевание твоих земель. Здесь сходятся дороги с севера, с востока и с запада. Мне нужно было только вынудить город сдаться, и я сразу же передал бы его в руки военачальникам Митанни.

– Опять Тушратта! – сквозь зубы процедил Суппилулиума.

– Если бы я не согласился, то Митанни, вскоре бы осадила Милаватну.

– Я снижу пошлину для твоих торговцев, – подумав, сказал повелитель. – Пленных арцавцев отпускаю на волю.

– Я слышу речь настоящего лабарны! – хитро улыбнулся Маддуваттис.

Он хлопнул в ладоши, и слуги поднесли длинный ларец из ценного дерева с серебряными застежками. Крышка поднялась при помощи потаенной пружины. В ларце, сверкая драгоценными камнями, покоился серебряный меч в золотых ножнах. Тонкая чеканка покрывала ножны замыслова-

³⁹ *Западное море – Средиземное море.*

тым узором. Все замерли, любуясь столь редкой красотой.

– Позволь, в знак дружбы, преподнести тебе это чудо ахевянской работы. Великому воину – достойное украшение. А эту безделушку. – Он снял с руки массивный золотой браслет в виде змейки. – Эту безделушку я дарю твоему воину, который честно выиграл поединок. Отвагу и силу надо ценить. Моего силача Кунацаса еще никто не смог одолеть, а он сумел, – с сожалением завершил Маддуваттис. – Ну, еще тут...

Перед ногами Суппилулиума появились ларцы большие и маленькие со всякой ерундой: золотые украшения, серебряная посуда, благовонии, тонкая материя.

– Благодарю за дары, – без особого восхищения ответил Суппилулиума. Маддуваттис думал, что у него, при виде стольких чудных подарков разгорятся глаза, и он будет заплетающимся языком произносить слова благодарности. Но правитель Арцавы был неприятно разочарован. Суппилулиума едва взглянул на подношения.

– Я рад твоему столь щедрому подарку, – сухо произнес повелитель. – Чудесный меч! Но в бою от него мало толку. Что касается моего воина, то он действительно силен, но не самый сильный среди сынов Хатти. Передам ему твой дар. Но если каждого силача Хатти так щедро одаривать, то всего твоего золота не хватит. А теперь – прощай. И пусть Боги больше не сталкивают нас на поле битвы.

– Пусть будет так! Прощай, – ответил сдержанно Мадду-

ваттис, но его лицо посерело от злости.

Колесница Маддуваттиса проезжала мимо погребальных костров, на которых кремировали погибших.

– Эй! – крикнул он слугам, вчетвером тащившим тяжелое тело Кунацаса. – Оставьте эту дохлятину на ужин шакалам. Оpozорил меня на всю вселенную!

Два войска расходились в противоположные стороны. Одно уходило тихо и угрюмо; другое весело, с песнями и победными криками. Каниш ликовал. Жители высыпали к воротам и встречали победителей зелеными ветвями дуба и самшита. Под ноги копьеносцев летели цветы. Мешедям пришлось оттеснять людей от колесницы повелителя. Народ не давал проехать. Все хотели поцеловать или хотя бы коснуться края плаща Суппилулиумы.

Суппилулиума проследовал в халентуву телепурия. Лишь только он оказался в отведенных для него покоях, как тут же рухнул без сознания на руки мешедям. Его осторожно положили на мягкое ложе. Фазарука растолкал всех. Повелитель ничего не слышал. Он слабо прерывисто дышал. Побледневшее лицо покрылось бисером пота. Фазарука осторожно снял с него доспехи и вскрикнул от ужаса. В панцире с левого боку зияла дыра. Копье пробил толстую кожу между медными пластинами. Древко обломилось у самого основания наконечника. Сам наконечник застрял между нижними ребрами. Суппилулиума в пылу сражения не обратил внимание на рану, после не хотел, чтобы воины видели его кровь. Сын Бога Грозы должен быть неуязвим. Решил обратиться к лекарям только, когда окажется в городе. Всю дорогу Суппилулиума терпел невыносимую боль и преодолевал слабость.

Фазарука приказал всем молчать о ране повелителя. Мешеди разбежались по городу в поисках лекарей, брадобре-ев, магов и жрецов. За стеной шумел город, празднующая великую победу, а на руках у Фазаруки умирал Суппилулиума. Вместе с ним умирали все надежды на возрождение Великой Хатти. И он ничего не мог сделать.

Привели врачей. Они осмотрели рану, но никто не взялся извлечь наконечник. Лекари объясняли, что рана опасная. Если вынуть наконечник из тела, хлынет кровь, и повелитель все равно умрет.

Фазарука умолял лекарей, сулил щедрые дары, наконец, угрожал – ничего не помогало. Лекари стояли на своем – повелитель обречен. На их счастье Цула метался в бреду в соседних покоях. Если бы был здоров, передумал всех лекарей.

Фазарука не знал, что делать. Его рука потянулась к мечу. В голове возникла бредовая идея изрубить в куски пару знахарей, чтобы остальных заставить хоть как-то помочь повелителю. Те притаились в углу, словно овцы перед пастью волка и дрожали от страха. С кого начать?

Запыхавшийся Иссихасса влетел в покои. Лихорадочный румянец играл на его пухлых щеках. Накладная борода сбилась в сторону.

– Какой-то человек в одежде брадобрея стоит у ворот халентувы и требует впустить его. Он говорит, что может спасти наше Солнце, – выпалил чашник.

– Скорее его сюда! – заорал Фазарука.

Мешеди бросились со всех ног исполнять приказ.

В комнату вошел высокий жилистый человек в одеянии странника. Смуглая кожа выдавала в нем чужестранца. Черная грубая одежда до пола с широкими рукавами напоминала ассирийскую. Широкий пояс из змеиной кожи обхватывал худой, но крепкий стан. Черная круглая шапочка скрывала волосы. Лицо, с первого взгляда, казалось суровым, но ясные темно-карие глаза светились добротой. Высокий лоб без единой морщинки, как у юноши, но в длинной смоляной бороде проглядывали серебряные нити седины. С его появлением гнев Фазаруки начал гаснуть. Почему-то пришла уверенность, что смерть больше не угрожает повелителю.

– Мир всем вам, – произнес странник ровным мягким голосом. Правая рука коснулась лба и сердца.

– Желаем тебе того же, – ответил Фазарука. – Кто ты, и каким Богам поклоняешься?

– Я человек, свободный, как ветер. – У всех присутствующих от звуков его голоса на душе становилось спокойно. – Поклоняюсь я многим Богам. Среди них: Ум, Совесть, Доброта, Человеколюбие.

– Оставь о богах, – встрепенулся Фазарука. – Ты сможешь спасти повелителя?

– Дайте мне взглянуть. – Лекарь неслышными мягкими шагами подошел к ложу умирающего. Внимательно осмотрел набухшую плоть и почерневший кусок металла, торчав-

ший из тела. Затем провел ладонью по бледному лбу повелителя, смахивая пот. О чудо! Все ахнули. Суппилулиума приподнял тяжелые веки. Его глаза не были пусты. Он осмысленно смотрел в смуглое лицо странника.

– Тебя послал мой отец? – еле слышно произнесли сухие губы повелителя.

– Я тот, кто посмеет попросить Богов, остаться тебе еще немного среди смертных, – нежно ответил странник, словно мать успокаивает больного ребенка.

– Послушай, человек, – с жаром зашептал у него над ухом Фазарука, – я не знаю: кто ты, и не хочу знать, – пусть, даже, сам Ярри явился в твоём облиии. Но если ты спасешь повелителя, я выполню любую твою просьбу. Отдам все, что у меня есть, даже самого себя. Буду у тебя всю жизнь рабом. Хочешь: раздобуду столько золота и серебра, что позавидуют правители.

– Пусть мне принесут горячей воды и жаровню с углями. Со мной должны остаться два лекаря, только, чтобы руки у них не тряслись. Остальные должны покинуть покои, – ответил странник. Из дорожной сумки он извлек диковинные инструменты, керамические баночки и связки сушеной травы. Фазарука с опаской смотрел на бронзовые крючки и маленькие ножики. Странник перехватил его настороженный взгляд и настойчиво, но мягко попросил: – Молись!

День выдался солнечным, но не жарким. Дыхание север-

ного ветра несло приятную прохладу. Суппилулиума почувствовал себя хорошо. Ему надоело лежать в темных покоях, куда лучи солнца с трудом проникали сквозь маленькие квадратные окошки. Надоел запах горелого жира, исходящего от светильников, и тошнотворный дух благовоний. Он попросил вынести его на верхнюю террасу халентувы. Повелителя усадили на мягкие подушки среди низеньких пальм и душистых смоковниц. Перед взором белела снежная вершина Аргея. Радостно щебетали птицы. Внизу в городе шумело торжище. Жрецы из храма Бога Грозы, что стоял напротив, затянули гимн.

Послышались тихие шаги.

– Это ты, странник? – узнал его Суппилулиума. – Побудь со мной.

Странник присел рядом на низенькую скамеечку.

– Вот уже месяц ты ухаживаешь за мной, как хорошая мать за родным чадом, а я, неблагодарный, до сих пор не спросил твоего имени, и откуда ты родом.

– Мое имя Тоопека, – ответил странник.

– Ты издалека? Таких странных имен не услышишь даже на берегах Тигра.

– Моя родина находится дальше, чем благодатная Ассирия, – вздохнул странник и погладил сидящую бороду. Его добрые глаза заискрились, когда он вспомнил о далекой земле, где прошло беззаботное детство и горячая юность. – Мой дом находится далеко в том краю, где рождается солнце.

Острровершие горы поднимаются к самому небу. Не всегда увидишь их снежные вершины: на плечах каменных великанов отдыхают облака, притомившись после долгих странствий. Там царствует суровая и мудрая природа. И люди в тех краях мудрые и суровые.

– И как живут эти люди?

– Как и везде: богато, если трудятся, и бедно, если ленятся. Можно и на камнях вырастить чудесный виноградник, но и на плодородной почве не взрастишь ин единого колоска, если в труд не вложить душу и терпение. Все зависит от человека, как он ладит с природой.

– Но как же Боги, которые милостиво нам даруют жизнь, тепло, пищу, а если гневаются, то посылают на человека болезни, а на поля саранчу? – недоумевал Суппилулиума.

– Все Боги это и есть – природа вокруг нас: звери, деревья, люди, камни. Во всем частичка Богов. Они создали сей чудный мир, вложили в каждую песчинку кусочек своей души.

– Мне трудно понять тебя, странник. Твои слова, как прохладный ручей в глубоком ущелье. Путник, мучимый жаждой, слышит его журчание, но добраться до воды не может. Научи меня мудрости.

– Мудрость сможешь познать и без меня. Научись только слушать, а не слышать, видеть, а не смотреть, мыслить, а не думать. Научись быть добрым. Взгляни на себя, как на частичку огромной вселенной – и таинства мудрости тебе откроются.

– Боюсь, мне этого не постигнуть, – с сожалением признался повелитель. – У меня иная жизнь, иные мысли. Я, как волк, вынужден убивать других, чтобы самому выжить. Весь мой путь на этой земле от рассвета до заката, какой бы долгий он не был, пройдет в сражениях. О какой доброте можно говорить? Нет, я – воин, а не мыслитель. – Суппилиума замолчал. Ветерок ласково трепал черные кудри. Солнце припекало. Через некоторое время он продолжил: – Оставайся со мной. Ты дополнишь то, чего не хватает мне. Я сделаю тебя своим приближенным. У тебя будет все, что захочешь.

– Фазарука уже столько мне наобещал, что хватит на десять поколений, – рассмеялся Тоопека. – Но пойми, такому человеку, как я нужны всего лишь руки, ноги, глаза, сердце, ум и свобода – это те богатства, которыми нас наделила природа. Будь у тебя горы серебра, ты все равно не купишь отрубленной руки. Если человек глуп, то и десять тысяч сикелей не сделают его умным. Одно доброе сердце, порой, бывает дороже, чем все золото мира. Даже золотая клетка, украшенная драгоценными камнями, никогда не прельщает вольных птиц.

– Я верю твоим словам, мудрец. Но одного не могу понять: как можно жить без крова над головой, без теплого очага? Даже дикие кочевники, которые гоняют по степям стада, возят с собой посуду, тюки с добром, шатры. У тебя же, кроме сумки со свитками папируса, да причудливых инструментов, больше ничего нет.

– Мой кров – огромное синее небо. Ничего, что оно иногда протекает. Даже в самых роскошных халентувах может течь крыша. Согревает меня человеческая доброта. Я хожу от селения к селению, лечу людей – тем и питаюсь. У меня ничего нет – это верно, но мне и нечего терять. Богатство, что камень на шее: чем оно больше, тем обременительнее.

– Опять не понимаю тебя, странник. Ты хочешь сказать, что бедному человеку живется легче, чем богатому?

– Главное богатство – это свобода. Если человек ни от кого и ни от чего не зависит – он счастлив.

– За такие речи тебя бы побили палками в храмах, – покачал головой повелитель. – Какие же у тебя бывают радости в жизни?

– Радуюсь я, когда постигаю мудрость, когда случается поговорить с умным человеком. Огромное счастье мне доставляет видеть, как больной выздоравливает. Я радуюсь вместе с его родственниками и друзьями, и переживаю, когда не могу его вылечить. Очень тяжело говорить человеку, что дни его сочтены, что ему не помогут ни могущественные маги, ни щедрые жертвоприношения. Природа загадочна, и не всегда открывает свои тайны даже для самых мудрых. Человек рождается в мучениях и умирает в мученьях, и неизвестно, что легче: появиться на свет или покинуть его.

– Ради этого ты расстался с родиной и странствуешь по чужим землям?

– Я покинул отчий дом, чтобы повидать разные страны

и народы, услышать слова мудрецов. Я собираю мудрость по крупицам и раздаю ее другим. Могущественные государства с их величественными храмами, роскошными халентурами, с темницами и огромными армиями возникают и гибнут, оставляя после себя жалкую память. Но мудрость переживает многие империи.

– С твоих слов, я понял, что такие могущественные и сильные державы, как Та-Кемет, Ассирия, Вавилон, Митанни рано или поздно превратятся в пыль? От них останется лишь жалкая память в надписях на храмовых стенах, да в легендах?

– Что такое Та-Кемет, Ассирия, – усмехнулся прорицатель, – Что они перед ликом неумолимого закона времени? Как у человека, у животного и даже у камня существует отведенный ему срок, так и у держав – какими бы могущественными они не были. Тысячелетия для вселенной, что для нас мгновения. Мотылек пробуждается ранним утром, расправляет нежные крылья. Целое лето он порхает под солнцем с цветка на цветок. К осени складывает свой наряд и умирает. Глупый мотылек! В его понимании, он прожил долгую солнечную жизнь, а для человека – всего лишь прошло лето. Какой же срок имеет человеческая жизнь в понимании священной горы Аргей, что белеет снежной сединой перед твоими очами?

– О, мудрец, моему мозгу война очень трудно воспринять твои речи. Оставайся со мной. Научи меня мыслить. Я буду

тебя внимательно слушать. Вот увидишь – я способный ученик.

– С удовольствием остался бы, но не могу. Мне надо по-видать еще множество стран. У меня много поручений от разных ученых. Меня ждут больные, которых я должен исцелить. У тебя же другой путь. Ты нужен своей стране и своим Богам, как защитник родины и веры. – Странник озабочено взглянул на Суппилиуму. – Ох, я утомил тебя своей болтовней. Отдохни. Ты должен проснуться сильным и здоровым.

Лекарь провел ладонью по лбу Суппилиумы, и тот мгновенно погрузился в глубокий спокойный сон.

Повелитель проснулся уже вечером. Усталое багровое солнце пряталось за горы. Шум в городе стихал. Птицы умолкли. Он почувствовал себя на удивление бодрым. Даже сам поднялся на ноги. Мешеди, следившие за каждым его движением, бросились поддержать Суппилиуму. Но повелитель жестом остановил их.

По террасе скорым шагом шел Фазарука.

– Повелитель, побереги здоровье, – забеспокоился он. – Твоя рана еще не зажила.

– А где странник? – спросил Суппилиума, стараясь, что-то припомнить.

– Он ушел. Сказал, что ты в его помощи больше не нуждаешься.

– Его наградили?

– Как не уговаривали, он ничего не взял, кроме куска сыра и ячменных лепешек.

– Мне его будет не хватать, – вздохнул повелитель. – Есть новости?

– Вести хорошие, – улыбнулся Фазарука. – Хемиша перехватил богатый караван, шедший из Митанни в Каски. При караване находился посланник Тушратты. Правитель Митанни снова хотел уговорить вождей Каски напасть на Хатти и на этот раз разрушить Куссару. Но Хемиша отправил к каскийским вождям другого посла сказать, что у Митанни нет серебра, даже расплатиться за их предыдущий поход.

– Ловко! Молодец Хемиша. А где сейчас караван?

– Двигается к Хаттусе. Но это еще не все! Наши лазутчики сообщили, что еще один караван с подарками направляется из Митанни в Арцаву. Цула с легким отрядом колесниц украл караван прямо из-под носа Маддуваттиса. Вскоре пригонит караван в Каниш.

– Что ж! Появилось серебро – пора вершить дела и расплатиться с войском! – обрадовался Суппилулиума.

– Еще одна новость. Правда, не совсем хорошая. – Тень пробежала по лицу Фазаруки.

– Говори!

– Солнцеподобный лабарна Арнуванда спустился с Бычьих гор и направляется в Цапланду. Верные люди донесли, что он не в восторге от твоих подвигов.

Суппилулиума призадумался.

– Чем же я не угодил правителю?

– В храмах имя Суппилулиума звучит в молитвах чаще, чем имя Арнуванда. Народ кличет тебя освободителем, сыном Бога Грозы. Лабарне это не нравится. Зависть – враг разума. Боюсь, наград от лабарны ждать не стоит.

– Он – правитель, – развел руками Суппилулиума. – Его право: наказывать или раздавать награды.

– А если придет за тобой стражу?

– Подчинюсь. Разве я могу поступить иначе?

– Можешь, – Фазарука помрачнел. – У нас большое и преданное войско. Все, как один, готовы умереть за сына Бога Грозы. Мы тебя не отдадим.

– Я верю, – согласился повелитель, но сокрушенно покачал головой. – Не забывай, что даже самые стойкие и дисциплинированные воины – все те же люди. Им надо есть, пить, чинить оружие. А если Арнуванда прикажет телепуриям не выдавать мне зерна? Ведь он – правитель. Телепурии подчинятся. Что тогда случится с войском? Займутся грабежом, начнут дезертировать.

– Мы можем остаться в Канише? – предложил Фазарука. – Укрепим стены. Прилегающие земли плодородные. К тому же, через город проходит торговый путь в Киццуватну, Ису-ву, Митанни и дальше в Ассирию.

– Не забывай про Тушратту. Сидеть в крепости и ждать митаннийцев или наемного убийцу от моего брата я не намерен.

– Что ж тогда?

Глаза повелителя вспыхнули.

– Восстановить сердце нашей страны – священную, прекраснейшую Хаттусу. Не может Хатти существовать без города великого Лабарны. – Надо выстроить заново халентуву, восстановить храмы, а стены возвести еще крепче. Пусть тогда Тушратта попробует сунуться. Если Хаттуса вновь оживет, все поймут, что Хатти уничтожить невозможно.

– Воистину – великий план! – согласился Фазарука. – Но на это потребуется много серебра.

– Прежде всего, найди богатого торговца. Продай все, что мне преподнес Маддуваттис.

– И тот чудный меч? – усомнился Фазарука.

– Его в первую очередь, – без сожаления ответил повелитель. – И, прежде всего, расплатись с воинами. Как только появится Цула, сразу же отправляемся в Хаттусу.

Когда войско во главе с Суппилулиумой подходило к Хаттусе, то повелитель с удивлением обнаружил: в городе кипит жизнь. Паломники продолжали посещать разрушенные храмы, очистили алтари и даже пытались восстановить целлы. Люди из разоренных каскийцами селений потянулись к Хаттусе. Они разгребали пепелища и отстраивали дома заново.

Армию встретила ликующая толпа. Под колеса колесницы летели цветы и зеленые веточки самшита. Повелителя приветствовали громкими криками «Аха!». Суппилулиума был

немного смущен, но не показывал вида. Он обернулся к Фазаруке и недовольно спросил:

– Зачем такая встреча?

– Они любят тебя. Им никто не приказывал собраться. Это – твой народ, – просто ответил Фазарука.

Колесницу завалили цветами. Мешедям еле удавалось сдерживать людей.

– Откуда их столько?

– По всей стране разнесся слух: сын Бога Грозы решил восстановить Хаттусу, а вместе с ней и могущество великой Хатти – вот люди и пришли. Они поверили в тебя. Поверили в твои божественные силы.

Мешеди не могли удержать женщин с младенцами на руках. Матери прорывались к колеснице и протягивали своих чад повелителю. Тот благословлял детей прикосновением.

На холме, перед спуском к воротам Лабарны проехать вообще было невозможно. Многие пытались приблизиться к повелителю и поцеловать край его плаща. Но вдруг Суппилиума замер. Его взгляд устремился к небу. Он указал вверх и громко воскликнул:

– Смотрите! Я вижу Бога Грозы! Он спешит сюда! – Неземная улыбка заиграла на губах. Повелитель соскочил с колесницы и крикнул слугам: – Скорее принесите Божественный шест!

Народ притих. Все с суеверным страхом глядели, туда, где край неба начинал темнеть. Что-то могучее и грозное двига-

лось над миром. Мешеди воткнули в землю перед Суппилиумой высокий шест из черного дерева. На верхушке красовалась золотая статуэтка быка, украшенная разноцветными лентами.

Тяжелые низкие тучи неудержимо наплывали, заполняя серыми тяжелыми клубами небосвод. Солнце померкло, и все вокруг потемнело. Люди попадали на колени, шепча молитвы. Только Суппилиума остался стоять, не отрывая взгляда от темнеющего неба. Внезапно налетел сильный ветер. В воздухе закружились вихри, поднимая пыль, срывая головные накладки. Суппилиума закрыл глаза и удерживал шест, чтобы он не упал от порывов. Вдруг ветер стих так же внезапно, как и налетел. Наступила жуткая тишина, будто все на свете умерло. Становилось душно, даже, казалось, воздух замер.

Пугающее безмолвие разорвал громкий глас Суппилиумы:

– О, Великий Бог Грозы! Ты пастырь наших душ, покровитель наших судеб! Тебя почитает всякая тварь. Ты правишь миром, как возница правит послушной колесницей. На всех четырех сторонах света падают ниц перед грозным ликом твоим. Будь же к нам великодушен. Не наша вина в том, что великая Хаттуса разгромлена и храмы твои сожжены. Враг сильный и коварный напал на страну, как стая саранчи на ячменное поле. Помоги нам возродить былое могущество. Не отворачивай грозный лик от детей своих. Клянусь!

Я заново отстрою Великий город, и в новых храмах золотом покрою твоё изваяние! Народ возблагодарит тебя щедрыми жертвоприношениями.

Срывая голос, он просил бога, словно родного отца:

– Услышь меня, мой покровитель! Помоги недостойному сыну все исправить!

Будто в ответ с помутневшего неба яркой ломаной линией сорвалась огненная стрела. Вместе с ослепительной вспышкой воздух взорвался оглушительным громом. Земля вздрогнула. Крупные капли шлепнулись на землю. Через мгновение хлынул ливень. Холодные струи волнами обрушивались с небес. Ещё одна молния ударила в высокий тополь, одиноко росший на соседнем холме. Дерево треснуло. Развесистая крона рухнула на землю. Люди оставались стоять на коленях в мутных лужах. Одежда промокла насквозь. Но они продолжали молиться. Не грозовые тучи плыли над ними. Это стадо могучих небесных быков шествовало по небу. На спинах исполинов стоял сам Бог Грозы. В руках он держал горящие молнии и метал их вниз. Раскатистый гром – его боевой клич. Справа и слева бежали верные слуги: Страх и Ужас, заглядывая в души всякой смертной твари.

А молнии продолжали вспыхивать то тут, то там. Земля сотрясалась под ударами стихии. За стеной дождя пропало все вокруг. Внезапно дождь утих. Бог Грозы со стадом небесных волов прошествовал дальше. Уже где-то на востоке мелькали огненные стрелы, и гром звучал не так устрашаю-

ще. Открылся прозрачный голубой небосвод. Солнце вспыхнуло, лаская умытую землю и промокших испуганных людей яркими горячими лучами.

Народ потихоньку приходил в себя. Люди поднимали лица к небу, шептали молитвы, тихо переговаривались, но не смели вставать с колен. Один только Суппилулиума стоял возле шеста с золотым быком. Глаза его были закрыты.

– Я видел, Бог Грозы коснулся его своим калмусом, – сказал кто-то, указывая на Суппилулиуму. – Он истинный сын Бога Грозы! Он – наш правитель.

И тут же все подхватили: «Лабарна! Лабарна! Наш правитель! Сын Бога Грозы!»

Невесть откуда прилетевшая огромная бабочка села на плечо, неподвижно стоявшему повелителю. Толпа закричала еще сильнее: «Лабарна! Лабарна! Солнце наше!» Повелитель открыл глаза:

– Не смейте называть меня лабарной! – гневно крикнул он, перекрывая гомон толпы. Бабочка тут же упорхнула. – Мой брат – правитель, а вы – его подданные.

С этими словами он быстро зашагал к Хаттусе.

Фазарука и Цула нашли повелителя среди развалин халентувы. Здесь уже убрали останки убитых, сгребли мусор в огромные серые кучи, и даже каменщики начинали латать стены дворца. Но запах гари и копоть на камнях еще напоминали о недавнем пожаре. Суппилулиума стоял посреди зала для Большого Собрания и над чем-то мучительно размыш-

лял.

– Великий, – решительно окликнул его Цула. – Можешь наказать меня плетьюми, но позволь сказать правду! Не в силах больше держать в себе.

– Говори, – Суппилиума повернулся к нему. В глазах тревога. Лицо напряжено.

– Хоть Арнуванда твой брат и наш властитель, пусть он верховный жрец Хатти и повелитель войск, однако – он глуп и труслив.

– Но он – лабарна! – строго возразил Суппилиума. – Нельзя так говорить о правителе Великой Хатти.

– Ты младший сын лабарны Тудхалии, значит, имеешь право на трон, – вмешался Фазарука. – Тебе надо собрать панкус. Пусть Великий Род и знатные сыны Хатти разрешат тебе править страной.

– О чем вы! – ужаснулся Суппилиума. – Я не могу нарушить божественный закон Телепину! Арнуванду Боги возвели на престол! Разве я вправе оспаривать их решение?

– Ты носитель жезла Бога Грозы, – настаивал Цула. – Ты – его сын. Не время бояться Богов и соблюдать закон Телепину. Страна гибнет. Возьми на себя смелость: возглавь державу. Мы в тебя верим. Народ в тебя верит...

– Да как вы не поймете! А панкус? Панкус не позволит мне! Как можно живого лабарну лишить власти? – возражал юноша.

– Сейчас панкус – это я и Фазарука. Другие знатные сыны

Хатти погибли или удрали вместе с Арнувандой. Их голоса теперь не имеют силы.

Суппилулиума отрицательно покачал головой.

– Даже моя мать – божественная таваннанна – не в силах нарушить закон Телепину. Сколько крови было пролито, сколько правителей погибло от рук своих завистливых братьев прежде, чем Боги подсказали мудрому лабарне Телепину составить свод законов. Что будет, если вслед за мной все начнут нарушать то, что предначертано Небесными покровителями?

– Арнуванда не правит сейчас страной, – настаивал Фазарука. – Он даже не знает, что осталось от Хатти. Пусть командует своими трусливыми вельможами.

– И что произойдет потом? Мне останется поделить с братом города, земли, панкус, а затем пойти друг на друга войной? – взорвался Суппилулиума. – Враги только этого и ждут.

– Тогда, Арнуванда тебя убьет, – тихо, но уверенно сказал Цула. – Ты сделал недозволенное: завоевал любовь народа. Правитель тебе этого не простит.

– Значит, так тому и быть. Я не пойду против брата, дабы не навлечь еще больший гнев Богов на нашу землю. А вы? – посмотрел внимательно на них Суппилулиума. – Какой путь вы себе выберете? Если я обречен, зачем вам, отважным воинам, погибать вместе со мной.

– Мы пойдем за тобой хоть в пасть к Ярри, – поклялся

Фазарука.

– На этой земле нам нет место без тебя, – вторил ему Цула. – Арнуванда нас изведет. Да и мы не признаем никогда в нем властителя.

– Чего же хотите от меня? Чего ждете? Я – обречен. Меня ждет смерть или изгнание. Если успею, восстановлю Хаттусу... А потом... – Он отвернулся. – Не знаю! Не должно так случиться, чтобы Хатти разделилась на две враждующие половинки.

– Но пока ты жив, с тобой сила. И враг тебя боится. А мы сделаем все, дабы оградить тебя от несчастий. Наша кровь принадлежит тебе, – заверил его Фазарука.

– Если вы согласны умереть за меня, если не бросите меня в трудную минуту поражения, и даже готовы разделить позор изгнания – клянитесь на священном огне.

Все втроем спустились во чрево мавзолея Лабарны. Цула и Фазарука встали на колени. Суппилулиума протянул им куски жертвенного воска. Каждый слепил фигурку человека и бросил его в священный огонь со словами: – «Если я нарушу клятву, пусть так же сгорю в огне гнева всех Богов!»

– Теперь вы преданы мне, как Богу Грозы преданы боже-ства Страх и Ужас. И за вашу смерть я буду мстить до последнего вздоха, – поклялся Суппилулиума. – Да будет так. А дальше... Боги подскажут.

Вскоре по каменистым дорогам во все концы страны мчались быстрые колесницы с гонцами. У каждого в дорожной сумке лежала золотая табличка. Хеттскими иероглифами был выбит приказ телепуриям: «Срочно выслать в Хаттусу серебро, зерно и пиво. Направить плотников и каменщиков!» В конце стояла подпись: «Сын Бога Тудхалии, Суппилиума. Мне покровительствуют Бог Грозы и Бог Солнца».

Перед именем Суппилиумы – грозного полководца и освободителя Хатти – телепурии склоняли головы. Его посланников принимали с радушием и старались с точностью выполнить все распоряжения. Лишь только один из наместников отказался подчиниться. Он объявил, что выполняет волю лабарны Арнуванды – и никого больше. Через несколько дней прибыл отряд копьеносцев, и бунтаря отослали в далекую приграничную крепость. На его место поставили другого телепурия, более сговорчивого.

Тем временем к Хаттусе потянулись вереницы груженных повозок. Протяжно мычали вола. Звонко щелкали бичи погонщиков. Высокие телеги со сплошными колесами везли бревна, тяжелые глыбы из каменоломен, зерно, руду. Люди пешими и на повозках прибывали на сахан⁴⁰. Некоторые мастеровые, заслышав, что на строительстве Хаттусы хорошо

⁴⁰ Сахан – государственные работы.

платят, приходили сами, по своей воле. Вскоре народу набралось предостаточно.

На месте сожженного города уверенно рос новый, еще красивее и величественнее прежнего. Камнетесы обрабатывали огромные глыбы долотами. Стук молотков смолкал только поздно ночью. Камнерезы сверлили глубокие лунки. В лунки вгоняли клинья из пересохшего дерева. Клинья поливали водой, они разбухали, и камень давал ровные трещины. Грани выравнивали, шлифуя блоки друг о друга. Между ними подсыпали мокрый песок и гоняли туда-сюда, пока грани не становились идеально ровными. Подогнанные камни плотно клали в стену без раствора. Старший каменщик ходил с тонкой металлической пластиной и проверяли щели. Если пластина пролезала, заставляли снова подгонять кладку.

Суппилиума сам наметил некоторые оборонительные стены. Он долго советовался со старыми воинами и опытными строителями. Чертил планы углем на дощечках. Если план кому-то не нравился, он перечерчивал заново, вновь приставал к строителям. Повелитель приказал разобрать слабую южную стену и перестроить.

Кладку вели двумя линиями. Через определенный промежуток ставили перегородки из таких же, хорошо подогнанных камней, тем самым образуя прямоугольные колодцы. Эти колодцы плотно заполнялись камнями поменьше. Вы-

ше шла кирпичная надстройка. Через каждые сто гепессар⁴¹ возводилась прямоугольная башня. Перед главной стеной, на расстоянии, примерно, в двадцать гепессар, строили более низкую стену, тоже с множеством стрелковых башен. В слабых местах, где стены выходили на равнину, насыпали вал. Наваливали груду камней, а на них глину. Снаружи вал облицовывали каменными плитами – без лестницы не вскарабкаться.

Заново выстроили трое ворот: ворота Лабарны, Львиные ворота и Центральные ворота. Во всю длину прохода положили тяжеленные каменные блоки. Ширина арочного прохода не превышала шести шагов. По бокам возвели башни.

Работа на строительстве кипела от зари до поздней ночи. Круглые сутки пылали печи для обжига кирпича. В воздухе висел едкий дух извести, перемешиваясь с запахами горячей глиной и свежесрубленной древесины. Стройка походила на муравейник, а люди напоминал муравьев: несли бревна на плечах, тащили стопки кирпичей, перекатывали каменные глыбы с помощью рычагов, ползали по строительным лесам.

Самым умелым мастерам доверили работу по восстановлению пяти храмов. Очистили три священных источника. Восстановили статуи богов. Привели в надлежащий вид алтари. Новые горожане не отставали. Кто желал остаться в Хаттусе, строили себе дома: ровные кубы с плоскими крышами и маленькими окошками, расположенными почти под

⁴¹ Гипессар – примерно 50 сантиметров

потолком. Кипела работа и в верхнем городе. Южная цитадель пострадала не сильно, и ее восстановили быстро. А, вот, халентуву пришлось разрушить до основания. От жара пострадали стены. Связующий раствор превратился в труху. Суппилиума не спешил возводить новый дворец. Решил это сделать потом. Когда крепостные стены будет готова, тогда и халентуву можно возродить.

Сам повелитель вставал с первыми лучами, произносил молитвы и начинал обход города. Он лично мерил высоту и ширину стен тонким шнуром с грузом на конце. Делал подсчеты. Иногда хвалил, иногда ругал мастеровых. Порой кричал на них. От внимательного глаза не ускользала ни одна погрешность. Уже луна печалилась на небе, напоминая, что наступила полночь, а повелитель был еще на ногах. Спал, не раздеваясь, прямо под звездами, укрываясь плащом. От недосыпания тени легли под глазами. От непосильных забот на высоком лбу наметились ранние морщинки. Иногда днем мог позволить себе ненадолго сидя задремать в тени. Он исхудал. Ел на ходу, когда придется.

Цула, как нянька, бегал за ним с кувшином пива и ячменными лепешками. Под рукой теплый плащ: если поднимется холодный ветер, накинуть на плечи повелителя. Лишь только Суппилиума близко подходил к краю стены, как верный телохранитель тут же оказывался рядом. Мало ли – оступится.

Фазарука без отдыха носился по стране, заглядывая в

самые дальние уголки. Без устали трудился, собирая средства для строительства столицы. В Хаттусе показывался редко. Лишь только приедет с очередным обозом, передаст все Иссихассе, сразу же валится в тень, закутавшись в плащ. Немного поспит – и снова в путь.

Один Иссихасса толстел и румянился, словно хлеб в печи. Ему доверили важную должность: распоряжался продовольствием и казной. Он стал одеваться в тонкие ткани. За ним вечно семенили писцы с глиняными табличками. Грамотеи записывали каждое слово распорядителя: сколько кому выдать хлеба, сколько заплатить мастеровым, куда поставить на работы прибывающих ремесленников, кого высечь плетью за нерадивое отношение к делу. И он отлично со всем справлялся. Точно и аккуратно вел дела. И не без выгоды для себя.

Благодаря усердию повелителя и разумному ведению работ, город быстро залечивал раны. Вскоре появились голосистые торговцы с тюками, набитыми товаром. Как первые пчелы – предвестники весны, так первые торговцы были вестниками возрождения. На площади перед крепостной стеной пошла бойкая торговля скобяными изделиями, разноцветными тканями, глиняной и медной посудой. Из окрестных сел спешили по утрам молочники и зеленщики. Суппилиума радовался, видя, как в великую Хаттусу постепенно возвращалась жизнь.

Однажды утром, когда мастеровые только приступили к работе, через ворота Лабарны влетел на колеснице Фазарука.

Повозка чудом еще не развалилась от быстрой езды. Колеса еле держались на оси. Взмывленные кони храпели и бешено вращали, налившимися кровью, глазами. Сам Фазарука весь в пыли. Спрыгнул с колесницы и сразу же подбежал к повелителю.

Суппилиуума чертил план заточенным углем на доске перед старшим мастеровым.

– Великий! – закричал Фазарука хриплым голосом.

– Мир тебе! – встретил его Суппилиуума. – У тебя такой вид, словно побили палками.

– Если б меня только палками побили ... Дела обстоят намного хуже!

Мрачная тень пробежала по лицу повелителя.

– Говори!

– Куда бы я ни поехал, мне всюду отказывают. Не дают ни серебра, ни людей, ни зерна. Когда же показываю твою золотую табличку, мне показывают другую. «Гонцам Суппилиумы отказать!» Под приказом стоит печать лабарны.

– Я это предвидел! – Гнев промелькнул в глазах Суппилиумы. Но лишь на мгновение. Затем он по-отечески похлопал Фазаруку по плечу. – Иди, выпишь и поешь хорошенько. Твоя кожа стала до того тонкой, что ее даже не натянешь на галгатури⁴².

– Но, повелитель! Надо что-то делать..., – не успокаивался Фазарука.

⁴² Галгатури – род бубна

– Хаттусу успеем достроить – это главное. А там, дальше... Пусть нас с братом рассудят Боги, – спокойно ответил Суппилиума. – Как рассудили Лабарну и Аниту.

– Он собирает большое войско. Созвал многих знатных людей из панкуса, – не отставал Фазарука.

– Пусть собирает. Только для чего ему войско? Он же не пойдет завоевывать собственную столицу. Встретим его радушно, коли появится.

– А если прикажет тебе прибыть в Цапланду? – предположил Фазарука.

Суппилиума развел руками.

– Поеду. По-другому нельзя. Он – лабарна. Я – всего лишь носитель жезла Бога Грозы.

Спустя неделю в город вкатила колесница, запряженная парой высоких гнедых коней. По булыжной мостовой застучали колеса, оббитые медью. Повозка крепкая из лучших пород дерева. Стыки скреплены медными скобами. Сразу видно – делали аккадские мастера, делали на совесть. Прохожие с почтением склоняли головы при виде возницы. В повозке стоял чернобородый вельможа, облаченный в пурпурную андули. Круглая шапочка, расшитая золотыми розетками, говорила о его высоком положении. Волевое лицо в обрамлении черной густой бороды умощено маслом. Красные остроносые сапоги с серебряными пряжками обтягивали сильные икры. Двое вооруженных мешедей бежали сле-

дом. Вельможа коснулся рукой, униженной перстнями возничего, тот остановил коней. Мешеди помогли сойти господину с колесницы. Осторожно обходя строительный мусор, вельможа направился к Суппилулиуме. Увидев его, повелитель недовольно сдвинул брови, узнав посланника лабарны. Вельможа наоборот, заметив повелителя, расплылся в приветливой холодной улыбке и склонил голову:

– Мир тебе, здоровья и счастья. Да будут годы твои длинные, а Боги к тебе благосклонны.

– Мир и тебе. Ты из Цапланды? Как чувствует себя Лабарна, да хранят его Боги?

– Наше Солнце требует тебя на Большое Собрание панкуса. Как только луна пойдет на убыль, лучшие люди Хатти соберутся в халентуве Цапланды.

– Я преданный слуга лабарны Арнуванды и очень уважаю панкус. Передай правителю, что прибуду в срок.

Вельможа зыркнул по сторонам. Убедившись, что вокруг никого нет, жестом приказал своим мешедям отойти подальше и, понизив голос, произнес:

– Мне запрещено с тобой говорить наедине, Великий. Я должен только передать волю лабарны. Но советую тебе под любым предлогом не показываться в Цапланде. Слишком опасно.

– Почему?

– Объясню: тебя народ чтит больше, чем хотелось бы Арнуванде. Прогнать воинственных каскийцев, а после отбить

Каниш у Маддуваттиса, имея под рукой необученное войско, под силу только избраннику Богов. Но это все еще – ерунда. Ты сам, без высшего дозволения посмел восстанавливать святой город. Недавно верховный жрец Богини Сауски в городе Арина в молитве может, оговорился, а может, с умыслом назвал тебя лабарной. Арнуванда в бешенстве. Тебя могут обвинить в измене и нарушении священного закона Телепину.

– Такое возможно? – усомнился повелитель. – Я не отнимаю трон у лабарны, тем более, не покушался на его драгоценную жизнь. У меня и в мыслях такого нет.

– И все же, не появляйся в Цапланде. Лабарна Арнуванда в последнее время сам не свой. Он всего боится, никому не доверяет. У него недавно появился странный слуга, одноглазый старик. Кто он, откуда – тайна. Не отстает от лабарны ни на шаг. Пользуется, сволочь, особым доверием у правителя. Как только он появился при дворе, так сразу странным образом стали кончать с жизнью те, на кого пал гнев Арнуванды. Шепчутся, что этот старик – мастер устранять ненужных людей.

– Ты думаешь, лабарна способен пролить кровь брата?

– Суппиулиума, не будь маленьким мальчиком... – не сдержался посланник, но тут же опомнился и понизил голос. – Прости, Великий. Я хотел только сказать, что зависть даже из доброго Бога может сделать злого. Посуди сам: у Арнуванды нет никакой власти. Страной правишь ты. А

что творится в окружении лабарны... При дворе находиться невозможно. Все друг друга боятся. Друг на друга клеветают. Разбились на партии. Плетут немыслимые интриги. Торговцы на торжищах между собой так подло не поступают, как нынешний панкус. При Тудхалии, пусть будет он рядом с Богами, такого не было, и быть не могло.

– Почему ты решил меня предупредить? – Повелитель с недоверием взглянул на вельможу.

– Не думай, что я пресмыкаюсь перед более сильным, – понял его мысли сановник. – У Арнуванды под знаменами стоят три тысячи воинов Богини Вурусему, не считая других отрядов.

– Зачем же взялся мне помогать? Арнуванда не простит измены. Ты рискуешь жизнью.

Вельможа разгладил локоны в своей завитой бороде, обдумывая, как лучше объяснить свой поступок.

– Не о себе беспокоюсь – о Великой Хатти. Ты еще сможешь защитить страну, а из Арнуванды плохой полководец. Слышал новость? Тушратта породнился с властителем Та-Кемет. Отправил свою дочь правителю Эхнатону в гарем. Заручившись поддержкой Та-Кемет, правитель Митанни собирает крепкую армию. Ему покорились Алалах, Хальпа, Керкемиш, Кищуватна. Вскоре он двинется на нас.

– Новости достоверные?

– У меня в Митанни родственники среди хурритской знати. Впрочем, Тушратта своих планов не особо скрывает. Ко-

го ему бояться? Арнуванду?

– Много ли в панкусе найдется придворных и телепуриев, готовых поддержать меня.

Посланник озабочено поморщил лоб.

– Особо не рассчитывай. Я постараюсь что-нибудь придумать. Поговорить с некоторыми из знати. Но если тебя обвинят в измене, то и мне долго не жить. Лучше бы тебе затеряться на время где-нибудь в Верхней стране.

– Не привык я прятаться. Спасибо за предупреждение. Передай правителю, что я прибуду в Цапланду к Большому Собранию.

– Все же приедешь? – разочаровался посланник.

– Приеду. А ты погости у меня, отдохни с дороги и завтра возвращайся в Цапланду.

Посланник сокрушенно покачал головой и направился к своей колеснице.

– Великий, он слишком дерзко разговаривал с тобой. Давай, я слегка поглажу его палкой по хребту, – предложил Цула, когда повозка посланника свернула за угол.

– Не трогай. Разве ты его не разглядел? Это же родственник моей матери и жезлоносец лабарны – благородный Хуху-лилла.

– Что-то припоминаю, – пожал плечами Цула. – Он великий воин или мудрый политик?

– Трус и подхалим, как и большинство в окружении лабарны.

– Что же он привез тебе?

– Приглашение от смерти, – горько улыбнулся Суппилиума. – Подбери десяток надежных воинов. Мы едем в Цапланду на Большое Собрание панкуса.

– Но на что ты надеешься, – ужаснулся Цула, – На милосердие брата или на здравомыслие панкуса?

– На Богов... и на себя. У меня нет другого выхода. Ты же не думаешь, что я предам всех, кто бился со мной плечом к плечу, кто шел со мной на смерть, кто поверил мне... Брошу все начинания и удеру куда-нибудь в Ахеяву?

– Разреши поехать с тобой на Большое Собрание!

– Ты один из панкуса и имеешь все права участвовать в Большом Собрании. Только единственная просьба: будь сдержаннее.

– Ну... Не знаю. Если кто-нибудь посмеет косо взглянуть на тебя..., – Цула погрозил небу своим большим, крепким кулаком.

Кони каким-то чутьем находили дорогу. Только летом бывают такие черные ночи. Ничего не разглядишь на шаг впереди. Колесница опасно наклонялась, наезжая на камни. Подпрыгивала на ухабах, тряслась, съезжая к обочине. Один из коней споткнулся и чуть не упал. Цула выругался, слез с колесницы и ощупал сустав животного.

– Удобная ночь для грабежа, – не весело пошутил он.

– Скоро выглянет луна, – прикинул Суппилулиумы, пытаясь определить время по звездам. – Надо поторопиться. Большое Собрание начнется рано утром.

Вдруг черноту пронзил свет мерцающего огонька. Цула заметил свет.

– Фазарука зажег факел, – значит дорога свободна. Теперь можно без опасения ехать до самой Цапланды.

Фазарука держал факел высоко над головой. Когда свет выхватил из мрака колесницу, он передал факел воину, стоящему рядом.

– Хранят тебя Боги, Великий. Сойди с колесницы, отдохни. Здесь у меня есть вино и фрукты.

– Благодарю. Некогда, – отверг предложение Суппилулиума. – Мы и без того еле плетемся.

– Можешь ехать спокойно, – заверил его Фазарука. – Я обшарил каждый кустик, каждую ложбинку. Мои воины за-

рубили пятерых бандитов. Одного удалось взять живьем.

– Что-нибудь выпытали?

– Рассказал, что нанял их одноглазый старик. Они должны были подстеречь тебя и убить.

– Арнуванде не терпится разделаться со мной, – усмехнулся Суппилиума. – Спасибо, Фазарука. Теперь поедem быстрее.

Колесница подкатила к воротам Цапланды, когда небо подернулось бледной синевою.

– Кто внизу? – окликнул стражник

– Суппилиума, носитель жезла Бога Грозы, – последовал ответ.

Когда они проезжали сквозь мрачные сводчатые ворота, шагах в тридцати от сторожевой башни через стену перелетело легкое копьe. К нему была привязана крепкая веревка. Копье уперлось между зубьев стены. Несколько человек проворно и бесшумно взобрались по веревке наверх и прыгнули на другую сторону.

Весь панкус присутствовал на утреннем богослужении и жертвоприношениях. Церемонией руководил сам лабарна Арнуванда. Властелин не отличался высоким ростом. Тщедушный, с некрасивым лицом. Надменное выражение делало его больше похожим на капризного ребенка, нежели на грозного властителя. Тонкие пальцы еле удерживали тяжелый золотой калмус. Роскошное широкое андули, расшитое золотом и серебром, скрывало дефекты его сутуло-

го нескладного тела. Накладная кучерявая борода казалась огромной на тонком бледном лице.

Лабарна Арнуванда даже ни разу не удостоился взглянуть на брата. Делал вид, что не замечает его. Суппилулиума сам старался держаться в тени. Сановники украдкой поглядывали на него, словно на обреченного. Никто не горел желанием побеседовать. Холодно здоровались и тут же спешили отойти, будто Суппилулиума страдал заразной болезнью. Даже Цула стал беспокойно озираться по сторонам.

Большое Собрание состоялось после легкой трапезы. Суппилулиума на ней не присутствовал – опасался быть отравленным. В просторном зале, расположенном на нижнем этаже халентувы, собрались члены панкуса. Все Великие Люди – представители дворцовой знати и каким-либо образом состояли в родстве с Домом лабарны. Не важно, через какое колено, главное – в родстве. Все это собрание гордецов именovalo себя «Великим родом» и представляло верховную власть страны. Помимо наместников городов и посланников в чужеземные страны, члены Дома лабарны занимали должности: старший над телохранителями лабарны, старшие над мешедями правителя, придворные стольники, повара, жезлоносцы, чашники, казначеи, военачальники и еще множество всевозможных чинов и званий.

Мягко шуршала расшитая серебром одежда. Чуть слышно скрипели сапоги и туфли из добротной кожи. Бляшки, подвески, серьги из золота, серебра, железа мелодич-

но позвякивали. То там, то здесь сверкнет холодным огоньком драгоценный камень. Вельможи важно переговаривались вполголоса, многозначительно кивая головами, делали изящные жесты, больше для того, чтобы показать собеседнику величину камня в кольце или количество перстней.

Зал для Большого Собрания представлял собой обширное помещение сорок гипессар шириной и длиной порядка ста гипессар. Дневной свет проникал сюда через узкие прямоугольные окошки, расположенные под самым потолком. Окна предназначались больше для выхода копоти от множества масляных светильников, нежели для освещения. В стенных нишах стояли статуи Богов. Они безмолвно и внимательно взирали выпуклыми глазами – свидетели и судьи на сборище правящей знати.

Высокие стены украшала лепка из алебастра, расписанная яркими красками. Сюжеты картин – сцены из жизни легендарных правителей и подвиги Богов. Высокие своды казались мертвыми и холодными, не смотря на множество пучков зеленых веток священного дерева еуа и самшита, развешанных кругом. Веточки священных деревьев отгоняли злых духов. Два высоких арочных входа охраняли крепкие воины в островерхих медных шлемах. Их мускулистые тела, обнаженные по пояс и натертые маслом, казались каменными изваяниями. В руках телохранители держали топоры. Третий вход загораживала занавесь с изображением солнца. Здесь на охране стояли дворцовые мешеди в красных и

желтых коротких хубиках. Отсюда должен явиться собранию сам лабарна.

Суппилулиума отвык от пестрого придворного общества. Он чувствовал себя неловко в своей грубой хубике без воротника. Серый воинский плащ пропах потом и дымом костров. Сапоги с потертыми носами и сбитыми каблуками сильно отличались от изящной обуви вельмож. Но это не особо волновало Суппилулиуму. Предстояла тяжелая схватка. Он постарался сосредоточиться, но ему мешали быстрые косые взгляды: где мелькнет злость и зависть, где уважение и сожаление к обреченному. Суппилулиума, чтобы хоть немного успокоиться, прикрыл глаза и произносил про себя молитву.

Участники Большого Собрания встали полукругом напротив небольшого каменного возвышения. На подиуме стояли два высоких каменных трона. Тонкая резьба обрамляла спинки и подлокотники. Один трон принадлежал правителю страны, другой – правительнице. Над троном правителя сияло золотое крылатое солнце – символ жизни, величия, богатства, а также символ Небесного Бога Солнца, дарующего плодородие, если добрый, но, если разгневанный, насылающий засуху. Над троном правительницы были изображены три божественных символа: змеи, свернувшейся кольцом, месяц в виде лодочки и корова. Змея – символ бога Ярри – властелина подземного мира. Он насылает на людей болезни, а на животных мор. Лунная ладья, которой правит бог Кушух – печальный брат Бога Солнца. Кушух ночью плывет

по небу, собирает души умерших и переправляет их в страну Забвения. Последний символ небесной коровы – символ Богини Сауски – покровительницы материнства и счастья.

Вошли мешеди в ярко-зеленых хубиках, положили на сиденья тронов мягкие подушки. Рядом с тронем лабарны поставили небольшой раскладной стульчик. Стражники, охранявшие солнечные ворота вытянулись в струнку и громко крикнули приветственное: «Аха!» Шум в зале моментально стих. Все затаили дыхание.

С легким шуршанием распахнулась занавесь с изображением солнца, и появился сам властитель великой Хатти. Члены панкуса склонили головы. Властитель величественно прошествовал к трону. Высокий колпак, украшенный золотом и драгоценными камнями, венчал его маленькую голову. Длинная белая хубика из тончайшей ткани спускалась до самой земли. Желтая накидка с широкими рукавами блестела серебряным шитьем. Правая рука сжимала высокий золотой калмус. Лабарна устроился на троне, величественно вытянув шею. Сзади него тут же встали два телохранителя.

Вслед за лабарной появилась звездоподобная таваннанна⁴³. Годы сморщили когда-то прекрасное лицо гордой Никламат и иссушили сильное гибкое тело, но не смогли согнуть спину. Великая таваннанна шла уверенной твердой

⁴³ Таваннанна – правительница. Титул произошел от имени супруги первого правителя Хатти.

походкой. Синяя женская хасгала⁴⁴, стянутая на талии широким поясом, несколько молодила ее. Черный пышный парик скрывал настоящие седые волосы. Полупрозрачная накидка небесного цвета спадала с головы на спину и тянулась шлейфом позади. На звездopodobной было надето столько золота и серебра с драгоценными камнями, что глазам становилось больно от их сияния. Браслеты, ожерелья, подвески, золотой обруч на голове с десятком крупных сапфиров – все это стояло, по меньшей мере, тысяч десять сикелей серебром.

Мешеди помогли таваннанне сесть. Но как только пламя от факелов осветило ее лицо, все увидели в облике бывшей грозной властительницы обыкновенную старуху с бесцветными слезящимися глазами. Она устало оглядела присутствующих. Но едва ее взгляд коснулся Суппилулиумы, лицо тут же потеплело.

Суппилулиума ощутил прилив нежности к своей старой маме. Он, незаметно для окружающих, смахнул намернувшуюся слезу. Но его сердце забилось чаще, взор загорелся, а щеки порозовели, когда в зал грациозно вошла красавица Фыракдыне. Стройная, как виноградная лоза, тянущаяся к солнцу, с длинными ногами и высокой грудью. Она словно проплыла под восхищенными взглядами придворных и легко опустилась на стульчик подле трона лабарны. Супруге правителя едва исполнилось шестнадцать, но девушка уже чувствовала себя будущей таваннанной великой Хатти.

⁴⁴ *Хасгала – род длинной женской одежды с широкими рукавами*

Ее лицо смуглое, узкое, с правильными чертами пленяло холодной красотой. Высокий гладкий лоб украшал золотой обруч с крупным звездным сапфиром. Черные тонкие брови плавными дугами изогнулись над большими темными глазами. Глаза загадочно сверкали в обрамлении густых пушистых ресниц. Прямой нос не портила небольшая горбинка. Пухленькие алые губы горделиво поджаты. Девушка кинула надменный величественный взгляд в сторону панкуса. В глазах промелькнула скука. Она принялась разглядывать чудесный браслет у себя на тонкой руке. Сзади подошла служанка и быстрыми ловкими движениями поправила густые черные волосы Фыракдыне, расправила складки на красивой голубой хасгале.

Вельможи замерли в ожидании слов лабарны. Сотня пар глаз предано глядела в рот правителю. Властитель выдержал длинную паузу, после дребезжащим противным голосом изрек:

– Я собрал вас здесь, мои преданные слуги, чтобы порадоваться вместе с вами. Благодаря нашим всемилостивым и могущественным Богам, враги покинули наши земли. Мир и благодать вновь поселились в Великой Хатти. Поля с нетерпением ожидают пахарей, сочные луга ждут, когда пастухи выгонят скот; ремесленники отложили оружие и взялись за инструменты; торговцы вновь ведут караваны от города к городу, не опасаясь быть ограбленными.

Но сколько на это затрачено трудов! Сколько дней и но-

чей я неустанно молился и падал в изнеможении перед истаннаной. Боги меня услышали. Я возрадовался и отблагодарил наших Небесных Покровителей щедрыми жертвоприношениями.

Приближается праздник Нунтарияска. Я уже собрался объехать всю мою многострадальную землю, услышать жалобы от простого люда, узнать, в чем нуждаются телепурии и простые плугари, помочь им, если это в моих силах. И вдруг до моих ушей доходят ужасные вести: мои города опять грабят. Опять отнимают у сирот последнее. Людей гонят на бессмысленные работы. Кто же этот изверг? Кто посмел обижать мой народ? Я бы удивлен и очень огорчен, когда узнал, что этот грабитель – мой брат Суппилулиума.

В зале зашумели. Было непонятно: то ли панкус осуждает Суппилулиуму, то ли оправдывает. Сам Суппилулиума стоял спокойно. Казалось, гневная речь правителя его нисколько не тронула. Ни тени страха на лице.

– Его посланники, – возмущенно продолжал лабарна, – не признают моей воли. Один из телепуриев отказал сборщикам податей. Тогда пришло войско и напало на город. Я до сих пор не знаю: жив мой наместник или нет. Но это еще не все! На месте погибшей Хаттусы возводятся мощные стены. Людей заставляют работать день и ночь, без отдыха. В город не пропускают ни одного честного хетта. Там собирается сильное войско. Против кого оно направит свои копья? Разве мало моей отважной победоносной армии? Ясно одно: поль-

зуюсь всеобщей бедой, мой брат Суппилулиума хочет нарушить священный закон Телепину и свергнуть меня с престола. Мне о его коварных планах доложили верные люди.

Несмелый ропот возмущения прокатился по залу. Вперед вышел жезлоносец Хухулилла и поклонился, прося слова.

– Говори, – позволил лабарна.

– О, Солнце наше! Твоими устами говорит сама мудрость. Но позволь заметить, что войско, которое стоит в Хаттусе, разгромило каскийцев и прогнало Маддуваттиса.

Лицо лабарны передернулось от злости. Как этот выскочка посмел оправдывать Суппилулиуму!

– В том, что Арцава и Каски отступили, надо признать волю Богов. Не хочешь ли ты заслуги наших Небесных Покровителей приписать кучке плохо вооруженных оборванцев? – крикнул Арнуванда.

– Но, величайший, – выступил другой вельможа, – разве плохо, что возрождается священный город – город божественного Лабарны, сердце Хатти?

Еще один! – вновь передернуло Арнуванду.

– За стенами Хаттусы стоит войска, которое мне не подчиняется. Я так же узнал, что там содержится в темнице мой чашник Иссихасса. Его пытаются.

– Арнуванда, – спросила таваннанна надтреснутым старческим голосом, – с чего ты решил, что твой брат хочет тебя свергнуть? Суппилулиума всегда почитал Богов и уважал законы. Да и чего тебе бояться войска Хаттусы, если в Цаплан-

де собралась огромная армия. Одни воины Вурусему чего стоят.

Все разом загалдели. Одни признавали справедливость слов таваннанны, другие, их голоса звучали громче, поддерживали лабарну.

Гвалт перекрыл сильный голос Суппилулиумы:

– Взываю к мудрому панкусу и к солнцеликому лабарне! Дайте мне слово!

Все затихли. «Пусть говорит», – раздались несмелые реплики. Полные гнева глаза Суппилулиумы встретились с глазками Арнуванды. Тот заерзал на троне, словно его кусали блохи. Правитель пискляво вскрикнул:

– Ему нечего сказать в свое оправдание. Я требую для него наказание!

– Прошу панкус дать мне слово! – настаивал Суппилулиума.

– Пусть скажет! Дать ему слово! По закону – имеет право говорить! – зашумели участники Большого Собрания.

Лабарна вынужден был согласиться:

– Говори. Но недолго. У нас есть дела более важные.

Суппилулиума уверенно вышел вперед. Он встал напротив лабарны. Арнуванда не выдержал его тяжелого взгляда. Глазки забегали по сторонам, как бы ища поддержки. Телохранители напряглись, готовые в любой миг закрыть собой властелина.

Но Суппилулиума повернулся к Большому Собранию.

– Уважаемый панкус. Я вижу перед собой достойных людей. В ваших жилах течет чистая хеттская и хурритская кровь. Предки некоторых из вас служили еще божественному Лабарне. Вы – хранители веры. Вам известны законы нашей земли, которые диктовали нам мудрые всезнающие Боги. Не вспомните ли, что полагается тому, кто предаст Родину, покинет ее в трудный час, побоится сразиться с врагом, пусть даже, во много раз сильнее его?

Все потупили взоры и молчали. Они прекрасно понимали, о ком идет речь. Но разве кто-нибудь посмел обвинить в предательстве Арнуванду. Суппилиуму это не понравилось, хотя он и предполагал, что большинство участников Большого Собрания – трусы, но должен же хоть кто-то его поддержать! Вдруг сзади раздался громкий голос Цулы:

– По закону Великой Хатти, его ждет смерть!

Вслед за ним жезлоносец Хухулилла воскликнул:

– Смерть! – После этого выкрика он был обречен.

Суппилиума продолжал:

– Я не буду себя оправдывать. Каждый знает, что все обвинения в мою сторону – ложь. Но пусть кто-нибудь мне объяснит: почему тот, кто должен был защищать нашу священную столицу, ушел из нее, отдав на растерзание врагу город божественного Лабарны? Вместо того чтобы дать честный бой и, если суждено, умереть со славой, он бежал, прихватив с собой самых сильных воинов Богини Вурусему. Он сохранил свою драгоценную жизнь. А в Хаттусе погибали женщины и

дети с оружием в руках, защищая храмы. Теперь, когда святыня восстает из руин, он вздумал мешать. Не предательство ли это?

– Ты хотел, чтобы я погиб в Хаттусе, а власть перешла к тебе? – взвизгнул Арнуванда, брызгая слюной, но Суппилиума его не слышал.

Голос бунтаря звучал все уверенней и громче. У присутствующих мурашки забегали по телу. Так дерзко никто не имел права говорить о правителе. А Суппилиума продолжал:

– Да, я приказал не подчиняться лабарне. Он предал свой народ, свою страну и был проклят Богом Грозы. Я сам это видел. Бог Грозы отвернулся от него, а меня назвал своим сыном.

Суеверный страх заклокотал в душах вельмож. Каждый хетт, каким бы набожным и безгрешным он не был, трепетали при малейшем упоминании о Боге Грозы. Наконец, напряжение, скопившееся внутри Большого Собраниа, вырвалось наружу – панкус взорвался. Поднялся невообразимый шум, словно град камней обрушился с вершины горы. Ничего нельзя было разобрать. Кто-то восхвалял Суппилиуму и доказывал, что он неприкосновенен, если находится под покровительством Бога Грозы. Другие, и их было меньше, ругали его за то, что он осмелился нанести оскорбление правителю и обвинить его в предательстве.

Арнуванда не на шутку перепугался. Все вышло не так,

как ему хотелось. По замыслу, он должен был обвинить Суппилиуму в предательстве, а тот, как послушный и преданный слуга, просто обязан был на коленях молить о пощаде. И тогда великодушный властитель смиростивился бы над ним. Наказание вынес бы не строгое: сослал куда-нибудь к границе с Ахеевой или Исувой. Вскоре все бы забыли имя Суппилиумы. А теперь что ему делать?

Арнуванда сидел бледный. Его тонкие побелевшие губы нервно дрожали. Лицо перекошило. Накладная кучерявая борода сбилась в сторону. Казалось, он вот-вот расплачется, словно напуганный ребенок.

Красавица Фыракдыне с восхищением слушала речь Суппилиумы. Из этих расфуфыренных червяков, которые величают себя «Великим Родом», никто бы так не посмел дерзить правителю. Она взглянула на своего жалкого супруга, фыркнула и с презрением отвернулась. Ее взгляд ласкал смелого юношу.

Суппилиума повернулся к Арнуванде.

— Ты — предатель! — перекрыл он гул голосов. — Ты прятался, как суслик в норе, когда твой народ, как лев защищал свое логово. Ты молился Богам, когда, вместо раззолоченного калмуса в руках нужно было держать остро отточенный меч, а вместо молитвы петь боевую песню. Не жертвенных баранов надо было нести к истанане, а головы врагов. Боги помогают быку, когда он просит придать ему сил в смертельной схватке, а не когда мышка жалуется на своих обидчиков.

Лабарна Арнуванда, Боги от тебя отвернулись, а народ тебя проклял!

В зале споры уже чуть не доходили до драки.

– Вы слышите, что он говорит! – срывал голос Арнуванда. От страха его пробрала икота. – Мешеди! Взять!

При этом восклицании зал стих. Вооруженные слуги кинулись в центр и окружили Суппилиуму. Цула с криком бросился к нему и в три прыжка оказался возле своего повелителя. Меч его зловеще заскрежетал, вылезая из ножен. Вид у него был, как у разъяренного льва. Мешеди тут же отскочили, но не растерялись ни на миг: вокруг Суппилиумы и Цулы сомкнулось кольцо из острых наконечников. Одно движение – и их бы подняли на копыя.

– Как ты посмел обнажить оружие перед лабарной?! – гневно прохрипел Арнуванда, немного осмелев.

Суппилиума понял, что на этот раз силы не на их стороне. Его рука легла на вздувшееся плечо Цулы. Слова прозвучали, как приказ:

– Вложи меч и отдай им.

Цула резким движением вогнал меч обратно в ножны. Оружие клацнуло, словно зубы в пасти волка. Воин снял с плеча перевязь и швырнул меч на пол.

– С этого момента, вы – пленники. Будете содержаться в темнице, пока я не решу вашу участь, – объявил лабарна Арнуванда окрепшим голосом.

Их вывели с Большого Собрания под стражей. Они ухо-

дили гордо, как победители, с высоко поднятыми головами. Арнуванда весь затрясся, когда заметил, каким восхищенным взглядом провожает их Фыракдыне. Лишь только шаги в коридоре стихли, Фыракдыне резко и грациозно поднялась со стульчика. Она обвела присутствующих дерзким насмешливым взглядом и небрежно произнесла:

– Я прошу Солнце наше, лабарну, звездоподобную таваннанну и уважаемый панкус отпустить меня на молитву.

– Разве тебе не интересны государственные дела? – спросил Арнуванда. – Ведь в будущем ты станешь таваннанной.

– Сейчас мои дела – рожать детей, – с вызовом ответила Фыракдыне. Ее ответ больно задел самолюбие лабарны. Накануне выяснилось, что он бессилен, и никакие маги и лекари пока не могли ему помочь.

– Может, ты стесняешься присутствия стольких мужчин? – попробовал глупо съязвить Арнуванда.

– Мужчины? – гневно сверкнула перекрасными очами Фыракдыне. – Где они, мужчины? Было двое, да и тех увели!

Все ахнули и запричитали. Никто не ожидал такой дерзости от хрупкой легкомысленной девушки.

– Придется моей швее заказать женские хасгалы для всего уважаемого панкуса.

С этими словами она удалилась, не обращая внимание на недовольно шумевших, пристыженных вельмож. Вооруженные мешеди при входе не разомкнули копья, ведь лабарна не дал разрешения Фыракдыне удалиться. Тогда она, не разду-

мывая, вынула из складок хасгалы тонкий кинжал. Вид ее был настолько решителен, что мешеди тут же расступились. Арнуванда хотел им приказать остановить ее, но старая таваннанна его осадила:

– Не позорь себя! Поссорился с братом, теперь еще с девушкой будешь воевать? Мало других забот?

Суппилиуиму и его верного телохранителя темными коридорами вели в подвал под халентувой. Сюда не проникали лучи солнца. Если кричать, то наверх не прорвется ни единого звука.

– Что с нами будет, повелитель? – шепотом спросил Цула. В голосе прозвучала плохо скрытая тревога.

– На панкус не надейся, – покачал головой Суппилиуима. – Они все – трусы, впрочем, как и их правитель. Сейчас нас приведут в подземелье и посадят в разные закоулки. Тебя, может быть, и оправдают. Хотя, вряд ли – ты обнажил меч в присутствии лабарны на Большом Собрании. Самое мягкое наказание за такой поступок – пожизненное заточение. Но могу тебя успокоить: в этом подземелье долго не протянешь. К сезону жим твой труп обглодают крысы.

– За себя я не беспокоюсь, – мужественно ответил Цула. – Но твоя жизнь, повелитель...

– Со мной поступят еще проще. По тайному приказу брата, меня сегодня ночью удавят на собственном поясе. Утром объявят, что я повесился, не перенеся позора.

– Но как же Хатти без тебя?

– Молись, – все, что смог посоветовать Суппилулиума.

По крутой каменной лестнице они спустились глубоко вниз. Стражники с факелами приняли пленников у мешедей и повели дальше по низкому сводчатому туннелю. Их догнал старик, слуга лабарны. Старик обладал неприятным серым лицом со включенной бурой бородашкой. Еще больше вызывало отвращение его левый глаз, подернутый бельмом. Правый же холодно и проницательно смотрел из-под облезшей брови. Он приказал развести пленников по разным помещениям.

Тяжелая дубовая дверь отворилась. На Суппилулиуму пахнуло могильной сыростью. Но он без страха перешагнул порог темницы. Стражники последовали за ним.

Пламя факелов отбросило свет на мокрые сводчатые стены из грубо обтесанного камня. С низкого потолка звонко падали капли. На земляном полу темнела не просыхающая лужа.

Суппилулиуму подвели к стене, где свисали надежно вмуравленные в камни, потемневшие от времени, но еще крепкие бронзовые цепи. Он почувствовал, как холодные оковы защелкнулись на запястьях. Тюремщики натянули цепи и закрепили их так, что руки Суппилулиумы оказались разведены в стороны. Выполнив свое дело, стражники удалились. Последним выходил одноглазый старик. Он хищно сверкнул напоследок колючим уцелевшим оком.

Дверь захлопнулась. Пленник оказался один в непрогляд-

ном мраке. Лишь монотонно падали капли с потолка, да где-то противно попискивала голодная крыса.

Суппилулиума, через некоторое время устал стоять, прислонившись к стене. Спина и ноги намокли, руки затекли. Рана в боку начинала ныть. Но ни сесть, ни шагнуть вперед не было возможности. Оставалось одно – встать, как можно прямее.

Мрачные мысли роились в голове. Самое обидное: Великий Род, на который он хоть немного надеялся, оказался сборищем трусливых шакалов. Разве можно с такими людьми возродить страну? Да какая тут страна? Самим бы выжить! Перегрызутся между собой.

Как же теперь с ним поступит брат? Исход ясен: его тайно убьют, войско в Хаттусе разоружат и распустят, всех его тысячников, включая Цулу, Фазаруку и Иссихассу публично казнят. Таваннанна ничем помочь не сможет. Впрочем, Иссихасса сможет выкрутиться. Он слишком хитер, чтобы так глупо погибнуть. Но все это – полбеда. А что будет потом, когда Митанни двинет на Хатти свои полчища?

Вся надежда на Фазаруку. Он должен узнать о случившемся. Он хитер, и сделает все, чтобы освободить пленников. Только как? Если Фазарука призовет войска из Хаттусы... Не выход! Что потом? Брать Цапланду приступом? Хетты перебьют друг друга. Тушратте только этого и надо. Подкупить стражников, чтобы те освободили Суппилулиуму? Они не посмеют. Стражников казнят, и семьи их высе-

лят куда-нибудь к беспокойным границам.

Суппилулиума воззвал к Богам. Он долго и усердно молился, пока не впал в оцепенение. Сколько он находился в таком состоянии – не помнил. Время замерло под каменными сводами. Он очнулся от лязга засова. По глазам резанул яркий свет факела. Вошли несколько человек.

Когда глаза привыкли к свету, Суппилулиума увидел перед собой лабарну, одноглазого старика и двух мешедей.

Арнуванда глядел на брата с неприкрытой ненавистью. Он по-петушиному прошелся перед ним взад-вперед и тоном грозного властителя спросил:

– Я думаю, холод этого подземелья немного остудил твой пыл и отрезвил гордыню. Спеси поубавилось?

– Ты пришел только это узнать? – перебил его Суппилулиума.

Арнуванда ждал слов глубокого раскаяния. Не один раз подземелье ломало волю людей. Посидев здесь во тьме и сырости, поразмыслив о своей участи, пленники становились смиренными. Но, услышав нотки презрения в словах Суппилулиумы, лабарна, от досады, скрипнул зубами.

– Ты при всех оскорбил меня, оклеветал, посмел назвать предателем. За такой поступок ты достоин публичной смерти. Но я прощу тебя! Я – твой брат и милосердный правитель. Ты должен распустить войско Хаттусы и сдать мне город. Дальше: откажешься от права называться сыном нашего божественного отца Тудхалии, объявишь всем, что Бог Гро-

зы не благословлял тебя. Видишь, какой я добрый: требую совсем немного. Когда все исполнишь, можешь отправиться в город Минуцай под присмотр местных жрецов.

– Думаешь, я так наивен, что поверю твоим обещаниям? Ты все равно не оставишь меня в живых.

– Даже если так, – не возражал лабарна, – Неужели лучше умереть голодной смертью в этой сырой крысиной норе, нежели под солнцем, свободным?

Суппилиума ненадолго задумался, затем ответил:

– Я выполню все, что ты требуешь. Но Арнуванда, Хатти грозят неисчислимы бедствия. Митанни в скором времени должна напасть...

– Хватит с меня этих сказок про Митанни. Довольно я уже их наслушался. Могу открыто сообщить: мы с Тушратой состоим в дружеской переписке. Этого достаточно, чтобы прекратить всякие глупые слухи. Он предупреждал меня, что ты захочешь меня свергнуть. Правитель Митанни сильный политик и часто дает мне мудрые советы. О Хатти не беспокойся. У нее есть надежный защитник и покровитель – это я. Подумай лучше о собственной шкуре.

– За себя я не боюсь. Смерть мне не страшна, – хладнокровно ответил Суппилиума.

– Врешь! – ни с того, ни с сего взорвался Арнуванда. – Все на земле бояться смерти: и люди, и животные. Каждая тварь дрожит и скулит перед гибелью.

– Я много раз смотрел в лицо смерти, но оказался сильнее.

– Хочешь еще раз встретиться? На этот раз она тебя сломает! – заорал лабарна.

– Я сын Бога Грозы, и ничего не боюсь.

Услышав последние слова, у Арнуванды начался приступ бешенства. Он ничего не мог вымолвить, только шипел и мычал, выпучив глаза. Затем его прорвало, и лабарна разразился грубой бранью. Арнуванда орал, надрывая глотку, будто торговец тухлой рыбой, брызгал во все стороны слюной, пока его не задушил сильный кашель. Одноглазый старик тут же достал маленькую баночку с пахучей жидкостью и сунул под нос лабарне. После того, как приступ кашля отпустил, Арнуванда немного успокоился. Он прошелся по камере, резко остановился и безразличным тоном бросил:

– А чего я тебя тут выслушиваю? Сегодня ночью ты умрешь в этом вонючем подвале. Хаттусу я разоружу без тебя. – Он злобно сплюнул. – Подыхай здесь. Крысы будут очень рады обглодать твои косточки. Ты этого заслужил своими подвигами.

Дверь захлопнулась. Суппилулиума вновь оказался один во мраке. А лабарна Арнуванда прошел в другой конец темницы. Одноглазый старик отомкнул засов на двери и впустил лабарну первым. Когда мешеди внесли факела, Цула зажмурился от света. Цепи так туго были натянуты, что не давали ему пошевелиться.

Лабарна подошел к великану вплотную и заглянул снизу-вверх, в скуластое лицо. Арнуванда тут же пугливо отшат-

нулся, встретив свирепый взгляд. Затем он соорудил гордую царственную физиономию и властно произнес:

– Слушай меня, ты, Цула, сын тысячника Хаутахи, оруженосец Суппилулиумы. Тебе известно, как наказывается преступник, посмеявшийся обнажить оружие перед лабарной на Большом Собрании?

Цула не ответил.

– Молчишь! – Арнуванда недобро усмехнулся. – Я тебе напомним: провинившемуся отрубают руку, затем голову или сажают в темницу на всю жизнь.

Цула даже не пошевелился.

– Но твоё наказание ничтожно, по сравнению с тем, что уготовлено твоему господину... – Мышцы Цулы напряглись. Арнуванда вздрогнул и, на всякий случай, отошел на шаг назад... – Так вот, – продолжал лабарна, – его публично казнят после страшных пыток. Но есть способ его спасти. Ты любишь своего господина? Хочешь, чтобы он остался жив?

Цула резко вскинул голову. Глаза его были полны надежды.

– Да, да! – не выдержал великан. Он был готов поверить кому угодно, только бы повелителя оставили в живых.

– А ведь его спасение в твоих руках. Все зависит от тебя.

– Прикажи мне, и я сдвину горы, поверну реки, сражусь один с целым войском!

– Так ли ты могуч, как себя хвалишь? – усомнился лабарна.

Цула, вместо ответа, выпрямил спину, напряг руки так, что мышцы вздулись и задрожали. Цепи не выдержали и со звоном лопнули. Арнуванда чуть не потерял сознание от страха. Он застыл на месте, не в состоянии пошевелиться. Горло перехватило, и крик ужаса застрял где-то в глотке. Одноглазый старик трусливо спрятался за тощую спину властителя. Одни мешеди не растерялись, выхватили мечи и закрыли собой лабарну.

Но Цула и не думал нападать. Он упал на колени перед своими врагами и моли:

– Прикажи, я сделаю все. Только не убивай Суппилулиуму.

Властитель, увидев великана на коленях и, заметив вооруженных слуг по бокам, оправился от страха. Ему стало немного неловко за свою трусость. Он постарался придать голосу твердость:

– Вижу. Силен. Только силы тебе много прикладывать не придется. Нужно будет, всего лишь, съездить в Хаттусу и сдать город моим тысячникам. Они перед тобой.

Цула схватился руками за голову и глухо застонал. Его стон больше походил на рык умирающего льва. От этого грозного звука у всех мороз пробежался по коже. Отдать Хаттусу! Конец всему! Так долго бились за нее. Восстанавливали город своими руками. Теперь не будет больше войска у Суппилулиумы. И Хатти не будет!

В эти минуты Цула проклинал себя за беспомощность, ру-

гал Суппилулиуму за легкомыслие, клял Фазаруку за то, что он не может им помочь.

– Хватит прикидываться несчастным, – небрежно вымолвил Арнуванда. – Не такое это сложное дело. Исполнишь мою волю, и можешь забирать Суппилулиуму. Уходи с ним, куда вздумается.

– Ты обещаешь не убивать его?

– Может мне, еще, поклясться перед Богами? Как смеешь сомневаться! Одного слова правителя – достаточно!

Цула тяжело поднялся и глухо, словно из могилы произнес:

– Я сдам тебе Хаттусу. Дай только взглянуть на Суппилулиуму. Я должен убедиться, что он жив.

Хитрый Арнуванда ждал этой просьбы. Он подал знак мешедям. Они вывели Цулу из темницы и подвели к двери, за которой находился повелитель. Один из мешедей вошел внутрь и прикрыл за собой дверь, оставив лишь маленькую щелку, другой подставил острие кинжала под левую лопатку великана. Цула увидел Суппилулиуму прикованного к стене. Но через мгновение мешедь вышел и захлопнул дверь.

Из халентувы выехало несколько боевых колесниц. Цула стоял во второй под охраной двух сильных воинов. Он был мрачен. Взгляд потухший. Спина сгорблена, как у старика. Следом шествовали две сотни копьеносцев. Прохожие раступились перед воинами лабарны. Отряд быстрым шагом миновал узкий проход, чуть не сбив нищего калеку, пристроившегося возле ворот халентувы.

Стражники несколько раз прогоняли бродягу. Ему похорошему объясняли, что калекам не место возле дворца. Подаяния просят ворот храма или за городской стеной. Но нищий снова приходил и садился возле входа в халентуву. Лицо калеки было перепачкано сажей. Грязные лохмотья еле сходились на уродливом теле. Пальцы левой руки неестественно скрючились. Голова постоянно дергалась. Перед ним стояла треснутая деревянная миска. Прохожие кидали в нее яблоки, абрикосы, кусочки пресных лепешек. Босоногие ребятишки крутились возле калеки, а он делился с ними добычей. Вдруг ужас перекошил лица мальчишек. Они завизжали и, как стайка испуганных воробьев, упорхнули за угол. Из-за угла с опаской высунулись их глазастые, лопухие головки.

Из ворот халентувы, стуча деревянными каблуками, вышел сгорбленный широкоплечий человек в длинной черной

одежде и в таком же черном колпаке с желтым ободком. Лицо заросло до самых глаз густой смоляной бородой. Кустистые брови нависали и почти закрывали недобрые серые глаза. Большой нос с крупной горбинкой и мясистыми ноздрями скалой торчал над бородой. В руках он нес небольшой медный тазик. Сумка, расшитая причудливыми знаками, висела через плечо.

Стражники, выпуская его из ворот, поклонились, стараясь не смотреть колдуну в лицо. В глазах отразился суеверный страх. Человек служил брадобреем лабарны Арнуванды, а также его лекарем и гадателем. Брадобреев боялись все. Люди этой профессии обладали дурным глазом, могли снять проклятье, а могли навлечь на человека болезнь или беду. Они общались с силами зла и служили богу подземного мира Ярри. Это же, вдобавок, был глухонемой. Глаза недобро взирали на окружающий мир. Распознать, что творится в душе колдуна, – невозможно. Все его мысли и чувства скрывались где-то глубоко внутри. Даже выражение лица невозможно разглядеть под густой бородой.

Стуча деревянными каблуками, он прошел мимо нищего, не обращая на калеку никакого внимания. Нищий поднялся и, припадая на одну ногу, поплелся за колдуном. Деревянная миска с подаяниями осталась на земле. Мальчишки, тут же осмелев, выскочили из-за угла и расхватили содержимое.

Брадобрея боялись при дворе, и поэтому не разрешали селиться в халентуве. Его жилье – маленький домик с плоской

крышей находился в Верхнем городе. К себе домой он и возвращался. А нищий продолжал волочиться за ним. Обычное дело — калека хочет избавиться от недуга и просит колдуна о помощи.

Так они долго шли по узким улочкам. Хоть брадобрей ничего не слышал, однако он чувствовал, что за ним кто-то следует. Подойдя к своему дому, он остановился и резко обернулся, взглянув недовольно в упор на нищего. Хотел прогнать калеку, но вдруг Брадобрей вздрогнул, увидев перед собой чумазое лицо Фазаруки. Он кинул быстрый взгляд по сторонам, убедившись, что за ними никто не подсматривает, схватил Фазарука и потащил к калитке. Они быстрым шагом пересекли чистый дворик и юркнули в дом. Брадобрей зажег масляную лампадку. Колеблющее пламя открыло далеко не бедную обстановку дома. Пол устлан звериными шкурами. На стенах дорогие ковры. Добротная мебель. Здесь же присутствовали предметы, необходимые для колдуна. В углу висел скелет человека. Несколько черепов покоились на полке вместе с костями различных животных. Пахло сухими травами, пучки которых в изобилии сушились под потолком.

Усевшись на низенький стульчик, колдун предложил другой Фазаруке. Затем громко ударил три раза ладонью по столу так, что стол подпрыгивал каждый раз. В комнате появилась сгорбленная старуха, видом напоминавшая старую сову. Она исполняла обязанности прислуги. Старуха поставила на стол тарелку с лепешками. Сверху на хлебе лежали кусочки

аппетитной хрустящей сарамы⁴⁵. Затем служанка принесла кувшин слабого кислого вина и серебряную вазу с фруктами.

Хозяин учтиво налил гостю первому. Но Фазарука отставил бокал в сторону и с волнением произнес:

– Послушай, Янанарри, помнишь, как я тебя спас от разъяренных пастухов? Они думали, что это ты наслал болезнь на овец. Пастухи убили бы тебя. Я заплатил им за твою жизнь. После я смог устроить тебя брадобреем к лабарне. – Немой кивнул. – Если помнишь, тогда помоги и ты мне. Огромная беда нависла над Хатти. У нее есть сильный защитник, но сейчас жизнь его в опасности. Ты знаешь, о ком я говорю – о Суппилулиуме. Он приехал по приказу лабарны на Большое Собрание. Но не для того, чтобы раболепствовать перед Арнувандой, а чтобы обвинить его в трусости и предательстве. Панкус не поддержал Суппилулиуму. Эти трусливые ослы прижали уши, будто их собирались бить палкой. Суппилулиуму увели в темницу. Больше я о нем ничего не слышал. Только что видел, как его телохранителя Цулу куда-то повезли. Скажи мне, что там произошло. Ты не представляешь, что будет, если Суппилулиума погибнет. Все знают, что ты не слышишь, но только мне известно, о твоей способности читать по губам. При тебе, не опасаясь, могут выболтать все тайны.

Немой осушил до дна кубок с вином, затем стал что-то жестами объяснять. Фазарука внимательно следил за его ма-

⁴⁵ Сарама – мясо поджаренное до хрустящей корки.

нипуляциями.

– Сегодня вечером ты брил лабарну... У него был одноглазый, два мешедя и большой воин... А, это Цула. Мешедям приказал следовать с большим воином, чтобы тот сдал город... Неужели Хаттусу? – Фазарука схватился за голову, но нашел в себе силы и настаивал: – Продолжай. Скажи, какую участь готовят Суппилулиуме? Так... Держат, как заложника... Обещал отпустить, если город сдастся... Потом мешеди ушли... Лабарна приказал одноглазому спуститься по тайному ходу ... в темницу ...и... – Фазарука застонал. – Его убьют. В темницу не пройти. Если я появлюсь в халентуве, меня тут же схватят.

Фазарука долго сидел, зажав голову руками. Вдруг он вскочил с места и схватил медный тазик брадобрея.

– Вот что нас спасет! – радостно воскликнул он. – Дай мне свою одежду. Я проникну в темницу под предлогом побрить Суппилулиуму и попытаюсь его освободить.

Брадобрей выхватил у него тазик и отрицательно покачал головой.

– Ты что, не хочешь мне помочь? Ты тоже на стороне этого жалкого труса Арнуванды?

Немой исподлобья взглянул на Фазаруку и провел ребром ладони у себя по горлу.

– Так, ты и сам – трус! – взбесился Фазарука. – Боишься за свою шкуру! А на других тебе наплевать? Надо было тебя тогда оставить на растерзание пастухам.

Немой стал что-то объяснять, усердно жестикулируя руками. Фазарука его понял и ответил:

– Мне все равно. Пусть меня схватят. Погибнем вместе с повелителем. Какая разница – сегодня умереть или через несколько дней. Если убьют Суппилулиуму, то и меня прикончат следом, и Цулу тоже. А знаешь, что будет потом? Через год – другой нагрянут митаннийцы. Города разрушат. Хеттов поведут на невольничий рынок в Вашшуканни. Ты хочешь этого?

Брадобрей выпил еще вина, подумал и кивнул.

К халентуве подошел колдун-брадобрей в сопровождении двух мешедей. Они беспрепятственно прошли через ворота. Стражники, увидев колдуна, все так же учтиво поклонились. Один из сопровождающих объяснил столь позднее появление брадобрея (а дело шло за полночь) тем, что великий лабарна Арнуванда хочет с помощью заклинаний излечить от безумия своего брата Суппилулиуму. Тот сегодня проявил приступ болезни на Большом Собрании. Он оскорбил лабарну и кинулся на него с мечом. В него вселился Ярри. Только чары немого брадобрея смогут выгнать злой дух. А вторая половина ночи – самое подходящее время для колдовства.

Халентува в Цапланде строилась просторной, как и все подобные дворцы правителей. Здание состояло из трех этажей. Окон мало, все с ажурными решетками. Когда дули холодные ветра, окна затягивали кожей или закрывали дере-

вянными ставнями. Само здание представляло собой квадрат с обширным двором внутри. Покои делились на мужскую половину и женскую. В мужской половине находились покои лабарны, оружейные залы и сокровищница. На первом этаже зал для Большого Собрания панкуса, трапезная, где проходили пиры и приемы. В другой части дворца, меньшей, находились покои таваннанны и других жен правителя. У таваннанны были свои мешеди и своя прислуга.

Скромностью хеттские правители не отличались, поэтому внутреннее убранство халентувы сияло золотом и серебром: светильники, посуда, украшения массивных колонн. Кругом стояла изящная мебель. Стены пестрели расписной лепкой из алебаstra. В жилых комнатах всюду висели толстые ковры с чудесным орнаментом.

Внутри халентувы располагался ухоженный двор с храмом и священным источником. Пестрые клумбы источали тонкий аромат. Небольшая священная роща самшита и дерева еуа окружала храм. По чистым дорожкам расхаживали грациозные павлины и бегали пугливые лани. Здесь отдыхала от дел таваннанна, и резвились дети дворца под надзором строгих наставников. Снаружи халентуву обступал фруктовый сад. Росли абрикосы, персики, хурма, фиги. В одном из углов сада находился зверинец. В просторных клетках из прочных жердей, ради забавы, держали львов, тигров, леопардов, шакалов. И, наконец, сад окружала высокая стена. Когда враги захватывали город, стена халентувы становилась

последним местом обороны.

В глубоких подвалах халентувы, возле винных погребов находилась темница. Чтобы попасть в подземелье, надо было пройти через половину лабарны и выйти во двор. Вход в темницу вел со двора. Объяснив мешедям, куда идет колдун, заговорщики попали в халентуву. Перед Фазарукой тенью промелькнул одноглазый старик. Ужасная догадка заставила его поторопиться. Первое, что он захотел: догнать старика и прирезать. Но одноглазый затерялся где-то в темных коридорах.

Стражники, охранявшие входа в подземелье ни в какую, не хотел пропускать: лабарна строго настроено запретил. Помощники брадобрея долго объясняли, что это сам лабарна послал колдуна вылечить брата от безумия. Неужели колдун по собственной воле будет среди ночи тащиться в халентуву? В конце концов, старший надсмотрщик решил отправиться сам, спросить разрешение у Арнуванды. Фазарука занервничал. Если лабарна не спит, то их обман сразу же будет раскрыт. Но он вздохнул с облегчением, когда старший вернулся и сообщил, что солнцеликий уже отошел ко сну, и в его покои никого не пускают. Еще немного поразмыслив, он решил пропустить брадобрея, но в сопровождении двух своих стражников. Пусть колдун идет куда угодно, лишь бы не рассердить его, – найдет еще хворь.

Дверь противно заскрипела. В темницу прокрался сторб-

ленный старик. В его единственном глазу зловеще отражался огонек масляного светильника.

– Зачем притащился, старая крыса? – спросил Суппилиума, очнувшись из забытья.

– Я принес тебе облегчение, – равнодушно прокаркал старик. – Твой брат сжалился и решил переправить твою душу в страну Забвения.

– Лабарна не боится прослыть братоубийцем?

– Никто не узнает. Я – мастер, – самодовольно признался старик. – Я проник сюда по тайному ходу через винные погреба. Стражники меня не видели. Сделаю свое дело и тем же путем выйду обратно. А убью просто. У тебя на поясе висит маленький кинжал с золотой рукоятью – символ принадлежности к роду властителей. Его намеренно не отобрали. – Одноглазый скривился в подобии улыбки. – Великое Солнце наше, лабарна Арнуванда очень хитер. Сейчас этим кинжалом вскрою тебе вены на руках. Ты просто уснешь, а проснешься уже среди Богов. Видишь: лабарна, да живет он вечно, очень великодушен и милосерден.

– Воистину. Но он меня собирался казнить публично. Неужели ему невтерпех?

– Правитель так и хотел сделать: казнить тебя на глазах у всего народа, но панкус его не поддержал. Да и звездopodobная расчувствовалась. Еще, чего доброго, заставит тебя помиловать.

– Значит, остались еще благородные люди в его окруже-

нии.

Старик неопределенно пожал плечами, как бы говоря, что этих благородных может ожидать такая же участь.

– Послушай, гнусный убийца: кто поверит, что я мог вскрыть себе вены? Ведь мне даже не пошевелить руками.

– А я принес с собой молот и зубило. – Он бережно положил на пол бронзовые инструменты. – Как только ты истечешь кровью, я освобожу тебя от оков, а цепи собою со стены. Даже следов не останется.

Суппилулиума на мгновение представил себя лежащим в луже собственной крови со вскрытыми венами, бледный и холодный. Крысы, которые грызли его сапоги, будут с наслаждением пить из густой кровавой лужи. Сердце сжалось и похолодело. Он не боялся, просто испытывал отвращение к такой гадкой смерти. Лучше десять раз пасть на поле боя с мечом в руке и с боевым кличем на устах, нежели здесь бесславно, во тьме и сырости. Но Суппилулиума постарался подавить в себе неприятные ощущения и спокойно попросил палача позволить ему помолиться Богам перед смертью.

– Зачем? – удивился одноглазый. – Ты скоро увидишь их. На твои молитвы уйдет много времени, а я хочу спать. Скоро Бог Солнца выкатит из моря огненную колесницу, а я еще не ложился. Впрочем, можешь молиться, пока кровь будет вытекать из твоих вен.

– Скажи хоть напоследок: кто ты, шакал, и какая блудница посмела родить такого уроды.

Старик хрипло беззлобно усмехнулся.

– Я из знатного хурритского рода и занимаю при дворе Митанни высокую должность. Меня прислал сюда мой всемогущий повелитель Тушратта, учить твоего братца уму – разуму. Мне нравится Цапланда. Этот город Тушратта отдаст мне, после того, как от Хатти останется только стадо рабов.

С этими словами старик снял с пояса Суппилулиумы кинжал. Любовно осмотрел драгоценный камень на рукояти, затем вынул лезвие из ножен, проверил отведенную кромку на ноге. Удовлетворившись остротой клинка, потянулся к руке Суппилулиумы.

Как вдруг дверь за его спиной распахнулась. Старик вздрогнул и отскочил от своей жертвы. В комнату вошел человек в черной длинной одежде, в черном колпаке с желтой повязкой. С ним двое мешедей.

– Что вам здесь надо! Кто вас сюда пустил! – закаркал старик. – Что нужно этому немому. Кого он собрался брить?

– Тебя, одноглазая крыса, – заговорил немой, достав из-под одежды боевой топор.

Одноглазый вскрикнул, вместо того, чтобы защищаться, бросился к Суппилулиуме, метя кинжалом в сердце повелителя. Но удар нанести не успел. Один короткий взмах – и Фазарука глубоко вогнал топор между лопаток. Хребет громко хрустнул. Палач свалился у ног Суппилулиумы. Его пальцы в последних судорогах скребли сырой песок.

Фазарука, не теряя времени, схватил бронзовый молоток с зубилом и моментально сбил оковы с рук повелителя. Обессиленный Суппилулиума чуть не упал, но через несколько мгновений пришел в себя.

– Надо освободить Цулу, – были первые его слова.

– Цулы здесь нет, – сообщил Фазарука. – Его повезли в Хаттусу. Если мы не поспешим, он сдаст город Арнуванде.

Заговорщики выскочили в узкий коридор. Люди Фазаруки освещали факелами путь.

– Повелитель! – воскликнул воин. – Один из стражников, которого мы оглушили, очухался и сбежал.

– Попробуем в другую сторону, – решил Суппилулиума.

Они все вчетвером, бросились в противоположное направление от входа в подземелье. Но через сотню шагов беглецы очутились в тупике.

– Вот и все, – прошептал Суппилулиума, отчаявшись.

– Здесь узкий проход. Мы сможем долго продержаться, – заверил его Фазарука.

Воины обнажили мечи. Фазарука стал осматривать стены.

– Одноглазый проник сюда по потайному проходу, – вспомнил он.

Его пальцы ощупывали каждый камень. И вдруг... Щель! Немного усилий, и дверь, замаскированная под каменную кладку, поддалась.

Они устремились через проем. За дверью открылся темный погреб, заставленный большими и маленькими глиня-

ными сосудами. Отсюда вели два хода: один в дом повара, другой в трапезный зал. По какому пути выбираться? Беглецы на мгновение остановились. Сзади отчетливо слышался топот стражников и гул голосов. Совсем близко!

Фазарука взглянул на ближайший пузатый кувшин, чуть ли не с него ростом. Пнул кувшин ногой. Пустой! Все сразу сообразили, что надо делать. В этой части погреба находились опустошенные сосуды из-под зерни и напитков. Горловины у них были достаточно широкие, чтобы человек смог протиснуться во чрево. Одно мгновение, и беглецы скрылись в кувшинах. Стражники протопали мимо. Один из них предложил обыскать погреб. Другой заорал, что в погребе прятаться негде. Наверняка заговорщики побежали в дом повара. Оттуда самый короткий путь до ворот.

Погоня направилась к дому повара, оставив, на всякий случай, одного стражника охранять потайную дверь. Стражник решил воспользоваться всеобщей суматохой и полакомиться вином. Он начал обстукивать кувшины, отыскивая не опорожненные до конца. У беглецов замирало сердце, когда он пинал сосуды, в которых они скрывались.

Но вот, наконец, труд страждущего был вознагражден. На дне старого кувшина, покрытого седым налетом плесени, осталось немного терпкого вина. Стражник скинул деревянную крышку и перегнулся по пояс во чрево кувшина, пытаясь флягой зачерпнуть сладкие остатки. Воспользовавшись этим, беглецы бесшумно вылезли из своих укрытий. Фаза-

рука подкрался к, кряхтевшему от натуги, стражнику, схватил его за ноги и запихнул в кувшин. Тот в ужасе завопил, но вылезти никак не мог.

Беглецы бросились к трапезному залу. За спиной громы-хали шаги преследователей. Стражники ворвались в дом повара, устроили переполох, все перевернули, обшарили все углы, до смерти перепугали хозяев, но ничего не обнаружили. Поняв ошибку, бросились назад в погреб.

Суппилиума и его спутники, очутившись в трапезном зале, подперли дверь тяжелым дубовым столом. Куда теперь? Снаружи и по коридорам халентувы суетились мешеди. За окнами с узорчатыми решетками слышалась непрерывная перекличка охранников, мелькали факела. Подняли тревогу. Беглецы растерялись. Им уже не вырваться. Все входы и выходы перекрыты.

Вдруг из темноты их позвал женский голос. Все разом обернулись. Суппилиума еле различил во мраке тонкий силуэт. Он подошел ближе. Перед ним стояла высокая стройная девушка. Лицо ее скрывала полупрозрачная накидка. От нее исходил аромат роз и жасмина.

– Кто ты? – спросил Суппилиума.
– Говори тише, – попросила она. – Я помогу тебе бежать.
– Но это невозможно. В халентуве всех подняли на ноги.
– Мешеди лабарны не знают тайных ходов, иначе давно бы вас схватили. Я, как видишь, догадалась: где вы очутитесь. А теперь, слушай внимательно: я выведу вас в сад. Бегите

прямо, пока не окажетесь в зверинце. В сад спустили собак. Но собаки бояться подходить к клеткам с хищниками. С помощью этого, — она сунула Суппилулиуме моток волосяной веревки, — вы легко перемахнете через стену.

На дверь, ведущую из погреба, обрушились тяжелые удары. Доски затрещали.

— Скорей же! — Девушка юркнула в темноту. Беглецы последовали за ней по путаным закоулкам халентувы.

Выход в сад охраняли двое стражников с короткими копьями и овальными щитами. Девушка сделала знак, Суппилулиума и его спутники замерли. Спасительница подбежала к охранникам и закричала:

— Скорее! Бегите в трапезную. Там кто-то прячется!

Оба копьеносца, не раздумывая ни секунды, кинулись в указанном направлении.

— Путь свободен! — она поманила беглецов рукой.

— Как тебя отблагодарить? — спросил Суппилулиума.

— Не стоит. Я спасаю настоящих воинов.

— Скажи, хоть, имя своё, — Суппилулиума никак не мог разглядеть лицо под накидкой. — Клянусь, я даже под пытками никому не открою тайну.

— Торопитесь, уже светает, — не слушала его девушка.

— Не сдвинусь с места, пока не назовешь себя. Пусть меня изрубят на месте.

Девушка грациозно откинула покрывало с лица. Свет поздней луны озарил тонкие черты смуглой красавицы.

– Фыракдыне!?! – Вырвалось невольно у повелителя.

– Быстрее! – девушка подтолкнула обомлевшего Суппилиуму.

Узкую дорожку можно было легко разглядеть в лунном свете. Да и небо уже начинало сереть. Впереди рычали зверей, разбуженных суматохой. Сзади заливались лаем сторожевые псы. Лай становился все громче, слышались голоса стражников. Среди деревьев сада замелькали факела.

– Повелитель, собаки нас учуяли, – с отчаяньем в голосе, крикнул Фазарука.

– Успеем, – старался успокоить его Суппилиума. – Вот и зверинец.

Деревья расступились, и перед ними выросла стена. За ней находился город с множеством узких виляющих улочек, – там их спасение. Вдоль стены стояли клетки. Остро пахло мочой. Звери подняли рев, учуяв людей.

– Вон они! – слышался окрик сзади.

Неужели поймали? Все старания напрасны! У Суппилиумы мелькнула спасительная мысль.

– Слушай меня, – крикнул он своим спутникам. – Сбивайте запоры с клеток и выгоняйте зверей.

Все четверо принялись за дело. Несколько мгновений – и клетки открыты. А беглецы вскарабкались на крышу небольшого домика смотрителя.

Звери выскакивали из клеток и метались по саду. Слышался трусливый визг собак. Поджав хвосты, сторожевые

псы рванули назад. То же самое сделали их хозяева.

На крыше домика Фазарука обнаружил старую садовую лестницу. Домик смотрителя стоял у самой стены. Лестницы вполне хватило, чтобы оказаться на гребне. Взобравшись наверх, беглецы надежно закрепили веревку, которую дала им Фыракдыне, и спустились в город. Успели вовремя. По стенам к ним уже спешили часовые.

Не чувствуя усталости, беглецы устремились в лабиринты Нижнего города. Когда приближались к крепостным воротам, то слышали стук тревожных колотушек на сторожевых башнях.

– Сейчас закроют все ворота, – с горечью произнес повелитель.

– Все, но не эти, – возразил Фазарука. – Видишь, синий платок на копье стражника? Это мои воины разоружили охрану. За стеной нас ждут свежие кони.

Отряд всадников без устали мчался мимо унылых лысых холмов. Лишь изредка останавливались на короткий отдых, и вновь гнали лошадей. Пена клочьями летела от ноздрей скакунов. Ветер слепил глаза. Позади клубилась желтая пыль.

Наконец вдали показались неприступные стены Хаттусы. Суппилиума увидел, как к воротам Лабарны неторопливо подкатывали колесницы. Следом брели уставшие копыеносцы.

– Посланники Арнуванды, – крикнул он своим спутникам. – Мы должны их опередить. Проскочим через Львиные ворота.

Всадники влетели в город. Прохожие шарахались в стороны из-под копыт разгоряченных скакунов. Спрыгнув с коня у Южной цитадели, Суппилиума взлетел по ступеням халентувы. Радостный Иссихасса выбежал навстречу. От него исходил запах жареного мяса и крепкого вина. По всему видно: он неплохо проводил время в отсутствии Суппилиумы. Распорядитель работ готов был рассыпаться в приветствиях, выразить свою любовь и уважение к повелителю. Но тот не дал ему рта раскрыть. Кинул на ходу:

– Встречай гостей!

Иссихасса пожал плечами. Тут же ему доложили о прибы-

тии посланников великого властителя, солнцеподобного лабарны Арнуванды. Иссихасса отдал распоряжение провести гостей в дом телепурия. В халентуве еще велись строительные работы.

Тяжелой уверенной поступью вошли два тысячника лабарны в золоченых латах. Синие шерстяные плащи покрывали их плечи и спины. Высокие гребни из конских волос колыхались в такт шагов на блестящих медных шлемах. В правой руке каждый держал кинжал рукояткой вверх с изображением льва, в левой глиняную табличку, испещренную хеттскими иероглифами. Сзади, низко опустив голову, плелся Цула.

– Мир тебе! – поздоровались они с Иссихассой.

– Хранят вас Боги! – Ответил тот. – С чем пожаловали?

– Мы тысячники войска Таккеха, непобедимой армии солнцеподобного лабарны Арнуванды. Прибыли от его имени к телепурию города Хаттуса.

– Иссихасса, телепурий города Хаттуса перед вами.

– Прочти и выполни. – С этими словами тысячники протянули ему глиняные таблички.

Иссихасса принял таблички с учтивым поклоном, но прочитать не смог. Из-за приличного количества выпитого вина, иероглифы плясали перед глазами и двоились. Он только смог как следует разглядеть печать под текстом. В глине вытеснено изображение лабарны с калмусом в руке, вокруг надпись: «Великое Солнце Арнуванда». Иссихасса подозревал

писца. Тот, так же учтиво, с легким поклоном взял таблички и прочитал:

«Гнусному предателю и бывшему моему чашнику, Иссихассе.

Не смотря на родство со мной и принадлежность к «Великому Роду», ты жирная свинья, заслуживаешь за свое предательство самой страшной земной кары и проклятие Богов. Но у тебя есть шанс избежать страшной участи. Я приказываю: снять с себя полномочия телепурия и сдать город моим посланникам. Все войско, находящееся в городе разоружить и распустить. Взять под стражу изменника Фазаруку и казнить на месте. Выполнив эти условия, ты будешь прощен. Я на время забуду твою подлую измену».

Иссихасса смиренно улыбался, но ничего не понимал. Его мозг отказывался вникнуть в суть услышанного. Он решил потянуть время: Суппилулиума сам во всем разберется.

– Может быть дорогим гостям угодно выпить хорошего вина и помыться с дороги? Вы, наверное, очень устали.

– У нас будет достаточно времени, чтобы вымыться и выпить все вино, которое ты заготовил. Мы с сегодняшнего дня хозяева Хаттусы, – засмеялись тысячники Арнуванды. – Скорее пошил стражу за Фазарукой. Пусть его свяжут и приволокут сюда.

– Зачем спешить? Он никуда не денется, – попытался вилать Иссихасса. Он не мог понять, как можно арестовать Фазаруку по приказу Арнуванды. Суппилулиума не даст этого

сделать. Иссихасса пожал плечами. – Как я могу разоружить войско? Тем более казнить Фазаруку? Меня побьют палками.

– Передай всем бунтарям, что в Цапланде находится под стражей Суппилулиума. Если город не подчинится – он будет казнен. Его мешедь Цула подтвердит наши слова.

– А я могу их опровергнуть, – Суппилулиума вошел в зал в сопровождении Фазаруки. Лицо его выглядело свежим после ледяной воды. Чистая белоснежная хубика мягко шелестела. Вид был такой, как будто он никуда не ездил, не проскакал огромный путь, загоня лошадей, а все это время отдыхал в саду халентувы.

Цула не мог понять: сон это или явь? Он протер глаза. Явь! Обезумив от радости, великан схватил обоих посланников за шиворот и так потрянул их, что великолепные шлемы слетели с голов. Кинул тысячников на пол и закричал:

– На колени перед повелителем! Теперь вы убедились, грязные шакалы, что перед вами сын Бога Грозы?

Изумленные и до смерти перепуганные посланники беспрекословно подчинились.

– Ну что, жалкие прихвостни Арнуванды, какую смерть вы предпочитаете? – с издевкой спросил Суппилулиума.

– Повелитель! – зарычал в негодовании Цула. – Они издевались надо мной всю дорогу... Мне не давали пить. Говорили, что все равно я скоро умру. Если б ты слышал, какими словами они поносили тебя.... Я вынужден был молчать и

выслушивать их шутки. Разреши мне погладить их палкой, а затем искупать в сточной канаве.

Посланники на четвереньках подползли к Суппилиуму и лбызали носки остроносых башмаков. Жалобными головами молили о пощаде.

– Прочь! – рассвирепел Суппилиума. – Что я вижу! Или глаза меня обманывают? Тысячники великой Хатти из грозного войска Таккеха скулят, словно побитые собаки. Воистину: Арнуванда подбирает мешедей себе подобных.

Тысячники испуганно отпрянули, но остались стоять на коленях. Повелитель продолжал:

– Нет, вы не собаки. Собаки хотя бы огрызаются, когда их бьют. Не ослы, – у ослов гордости больше, чем у вас. Быть вам козлами. Цула, отбери у них кинжалы войска Таккеха. Они не достойны жезлов военачальников. Пусть снимут с них латы, а наденут козлиные шкуры и палками гонят по городу до сточной канавы.

– Будет исполнено, – довольно ухмыльнулся Цула.

Посланники взмолились, но их уже волокли из зала.

Суппилиума устало опустил на стул и закрыл глаза. Напряжение последних дней разом навалилось на него. Он еле сдержался, чтоб тут же не уснуть.

– Повелитель! – Фазарука вывел его из забытья. – Будут какие-нибудь приказания?

– К вечеру собрать всех надежных людей. Будем держать совет.

– Готовимся к сражению?

– Чего я не хочу, так это братоубийственной войны. Когда два ястреба дерутся, ворона таскает яйца из их гнезд.

– Великий, у меня есть дерзкая мысль.

– Говори.

– Я могу проникнуть в Цапланду с несколькими верными смелыми воинами. Мы постараемся убить Арнуванду.

– А потом?

– Пусть меня казнят. Я возьму всю вину на себя. После смерти Арнуванды вся власть перейдет к тебе.

– Что ты предлагаешь – смело, но неразумно. К лабарне сейчас не подступиться. После нашего побега жестоко накажут стражников, в пример остальным. Теперь дажемышь в халентуву не проскочит. Предположим, тебе удастся вонзить кинжал в сердце Арнуванды. Что потом скажет панкус? Один из моих приближенных убил лабарну. «Великий Род» разом завопит, что я поправ священный закон Телепину, и потребуют моего изгнания или даже смерти. На трон лабарны будет посажен какой-нибудь незаконный сын моего отца лабарны Тудхалии. Таких дураков он, в свое время, наплодил по всей Хатти с десятков – это точно. У власти станет новый лабарна не способный не то, что страной управлять, а даже грамотно читать. «Великий Род», пользуясь своим божественным происхождением, растаскает без того тощую государственную казну. Представь только осла на троне. Он будет делать все, что ему скажут сильнейшие из «Великого ро-

да». Закрутятся интриги. Неминуемо прольется кровь.

– Речь твоя правильная, Великий, – согласился Фазарука. – Но что ж нам делать?

– Мне надо поговорить с Богами. После проводов солнца я сообщу свое решение.

Тем же вечером Суппилулиума созвал сановников в дом телепурия. Повелитель долго молчал, приводя в порядок мысли. Сановники терпеливо ждали. Наконец он сказал:

– Я благодарен вам за то, что вы стояли в бою рядом со мной. Не роптали на трудности и лишения. Поверили мне. Я всех люблю и ценю, но должен покинуть вас.

– Неужели так сказали Боги? – осторожно спросил Цула.

– Боги хотят, чтобы я сам выбрал правильное решение. Все зашло слишком далеко. Хатти уже поделилась на две враждующие половины. Прекрасно знает каждый из вас, к чему это приведет. Выход один: мне надо покинуть Хатти. Пусть страной правит законный правитель. Я не буду ему мешать. Если только тучи сгустятся над страной, я прилечу на крыльях мести и умру в бою. Таково мое решение.

Все опустили головы и молчали.

– Я пойду с тобой, повелитель, хоть на край света, к самому Ярри в пасть, – Цула решительно шагнул вперед.

– И я с тобой, – отозвался Фазарука. – Все равно, после проделок в Цапланде, Арнуванда уже приготовил топор для моей головы.

– Мы тоже готовы! – откликнулись тысячники.

– Спасибо еще раз, за преданность. Спасибо за то, что решились идти со мной в изгнание, – расчувствовался повелитель, – но нам вновь придется кочевать по диким местам, без крыши над головой, голодать. Зачем вам такая жизнь?

– Куда мы направимся? – стоял на своем Цула. – Нас наберется с десятков закаленных воинов – большая сила!

– Об этом я и хотел с вами посоветоваться.

– Дозволь мне, – попросил слова Иссихасса, хотя по лицу было видно, что он не в восторге от предстоящего путешествия. – Я предлагаю идти в Митанни на поклон к Тушратте. Если он в скором времени намерен завоевать Хатти, тогда ты за верную службу сможет получить должность наместника.

– О чем ты говоришь! – возмутился Суппилиума. – Сам Ярри шепчет тебе на ухо! Кем же я буду в глазах моего народа? Изменником, разрушителем своих городов, осквернителем храмов.

Иссихасса, пристыжено втянул голову в плечи.

– Может быть лучше отправиться в Кищуватну. Оттуда морем в Та-Кемет? – предложил Фазарука. – Правитель Эхнэйот посмел вступить в противоборство с кастой жрецов Амона. В Та-Кемет теперь поклоняются только Богу Солнца. Он заложил новую столицу, прогнал всех старых сановников и набирает новых. Ему нужны смелые преданные воины.

– Эхнэйот отнял у Боговых храмов. Не настолько он могуществен, чтобы спорить с Всевышними. Боги ему жестоко

отомстят. Не хотелось бы мне сражаться против Богов. Не благородное это дело, – покачал головой Суппилулиума. – И не забывай, что южный правитель состоит в родстве с нашим заклятым врагом – Тушраттой.

– Может, в Ассирию? – подал голос Цула. – Уж кто ненавидит Тушратту, так это – властитель Ассирии. Митанни отняла северные земли. Ниневия⁴⁶ и Ашшур⁴⁷ платит огромную дань.

– И все же Ассирия подвластна Вашшуканни, – отверг и этот план повелитель. – Я предлагаю последовать на север. Сначала в Верхнюю страну к Хемише, затем к подножью великой горы Ур-Арат. Там обитают многочисленные народы урарты. Один из правителей приглашает послужить у него. Он хочет объединить земли. Меня просит создать сильную армию. Если даже Митанни, в мое отсутствие, посмеет напасть на Хатти, я всегда смогу придти на помощь.

– Воистину мудро! – согласились все.

– Если вы готовы последовать за мной – тогда готовитесь. Через три дня, с первыми лучами нам надо проститься с родной землей и отправляться в путь.

⁴⁶ *Ниневия* - Находилась на территории современного Ирака (город Мосул), на левом берегу реки Тигр на холмах Кунонджик.

⁴⁷ *Ашшур* (Ассур) – город в Ассирии (ныне руины Калъат-Шергат на территории Ирака). В конце 3-го тыс. начале 2-го тыс. до н.э. Ашшур был городом-государством, управлявшимся правителем совместно с советом старейшин. С середины 2-го тыс. столица Ассирии (с 9 в. он перестал быть резиденцией царя). В 614 г. разрушен мидянами. До начала н.э. парфянский город. Илл

Эти три долгих дня повелитель провел в молитвах. Он не просил себе удачи. Три дня без устали молил Богов защитить Хатти. Тревожные вести долетали с той стороны Бычьих гор. Лазутчики донесли, что Митанни готовит войска к большому походу. В перерывах между молитвами Суппилиума поднимался на самую высокую башню и устремлял свой взор в сторону Цапланды: не подступают ли войска Арнуванды.

Вечером третьего дня на башнях забили тревогу. Суппилиума взбежал на стену и увидел стройные колонны, идущие к Хаттусе. Медные доспехи пылали огнем в лучах заходящего солнца. Оранжевая пыль облаком зависла над лесом острых пик. «Так рассудили Боги», – вырвалось у Суппилиумы, и он велел принести боевой шлем.

Колотушки не переставали стучать. Раздался, возбуждающий кровь, звон оружия. Защитники спешили занять места на стенах. Запылали костры под котлами с водой. Воины проверяли мечи и копья. Лучники выпустили по стреле, измеряя расстояния выстрела и силу ветра. Вскоре все замерли, готовые к отражению штурма. Колотушки смолкли.

Вражеское войско остановились возле земляного вала, но не стало перестраиваться из походного порядка в боевой. Суппилиума оценил возможности вражеского войска. Копьеносцев оказалось не больше трех тысяч. С такими силами штурмовать Хаттусу – затея бесполезная. Над укреплением города поработали хорошо. Да и защитников в Хаттусе

намного больше. Арнуванда решил схитрить? Возможно основное войско подходит где-то скрытно. Но пока разведчики ничего не обнаружил.

Над стройными рядами копьеносцев взвился шест с золотым крылатым солнцем. Суппилулиума узнал знамя Вурусему, Богини Солнца города Арины. Перед ним стояли самые могучие и отважные воины. Во всей Хатти нет им равных. Но повелитель с удивлением заметил: у вражеского войска не было лестниц и штурмовых орудий. Как же они думают идти на приступ? Неужели хотят прорубить ворота? Бесполезно! Новые дубовые створки не так просто сломать.

Несколько человек отделилось от войска и направилось к городу. Среди них выделялись ярко-синие плащи тысячников и желтый плащ командующего войском Вурусему. Командующий размахивал зеленой веточкой священного дерева еуа. Следом за военачальниками шли несколько знатных вельмож в пурпурных накидках.

– Они просят мира? – удивился Цула.

– Вижу, – кивнул Суппилулиума. – Надо их впустить.

Перед парламентарями открыли ворота. Суппилулиума вышел навстречу. Возглавлял делегацию жезлоносец Хуху-лилла. Послы встали на одно колено перед повелителем и сложили к его ногам мечи.

– Что привело вас ко мне, великие мужи Хатти? Вы слуги лабарны. Зачем отдаете свое оружие? – немного растерявшись, спросил повелитель. – Зачем вы стоите на коленях

перед бунтовщиком, человеком, который оскорбил Большое Собрание и самого правителя?

– О, мудрый и неуязвимый, – ответил за всех Хухулилла. – Ты никого не оскорблял, ты трусов назвал трусами. Вдобавок, правитель не ценит ни своих слуг, ни родной земли. Вместо того чтобы прислушаться к нашим советам и не вступать с тобой в открытую вражду, Арнуванда делает то, что нашептывают ему послы Митанни. Нам стыдно за правителя и за себя. Когда враги разоряли Хатти, мы, недостойные, прятались в горах. Теперь пришло время раскаяться за малодушие. Мы готовы кровью смыть позор. Наше оружие у твоих ног. Решай: если веришь, нам и прощаешь – возврати оружие, если нет – руби головы, – и ты будешь прав.

– Повелитель, будь осторожен! Не кроится ли здесь обман, – шепнул на ухо Суппилулиуме Иссихасса.

– Я верю вам! – нарочно громко ответил Суппилулиума. – Благородные воины скорее убьют себя, чем пойдут на подлость.

Затем повелитель поднял с земли клинки и раздал их обратно в руки военачальникам со словами:

– Меч нельзя осквернять кровью беззащитного. Пусть его держит крепкая рука, и направлен он будет против врагов наших, а не против братьев.

Галгатури и аркамми били отбой. Копьеносцы Богини Ву-русему с песнями и боевым кличем «Аха Арина!» входили в город. Радостные жители угощали их свежим хлебом, соле-

ным сыром, терпким вином. Членов панкуса Суппилулиума пригласил совершить жертвоприношения в храме Бога Грозы, а после разделить с ним трапезу.

Слабо мерцали светильники. Длинный стол ломился от кувшинов, блюд и ваз с фруктами. Суппилулиума сидел во главе стола. Он был задумчив и мрачен, почти ничего не ел. Все присутствующие невольно поддались его настроению. Вместо того чтобы веселиться, говорили вполголоса. Повелитель, казалось, никого не замечал. Он все больше хмурил густые брови. В глазах угадывалась тревога. Он отыскиал взглядом жезлоносца Хухулиллу.

– Расскажи все по-порядку: как вы оказались под стенами Хаттусы?

Жезлоносец отставил в сторону чашу с вином.

– После твоего побега Арнуванда взбесился. Он приказал высечь стражу, что следила за темницей и за воротами. Но когда узнал, что в темнице нашли одноглазого старика с топором в спине, забился в истерике. Начал раздавать бессмысленные приказы. Все войска направил к Хаттусе, разрушить город до основания, а жителей вырезать всех до единого, не щадить никого. Тут же призвал писцов и принялся диктовать послание Тушратте с просьбой прислать в помощь несколько тысяч копьеносцев.

Меня и еще нескольких членов панкуса, посмеавших выразить недовольство, должны были схватить и немедленно казнить. Хорошо, что среди мешедей еще остались честные

люди. Нас предупредили. Мы спешно покинули Цапланду. Заодно перехватили посланника в Митанни. Глиняную табличку с письмом лабарны уничтожили. Когда войска выдвинулись из города, мы переговорили с военачальниками Вурусему. Они так же были крайне недовольны лабарной. Войны без того озлоблены, что покинули Хаттусу в трудный час, оставив ее на сожжение каскийцам, и все по приказу правителя. Теперь же гнев переполнял их. Теперь им самим надо было штурмовать священный город и зачем-то убить всех его жителей – своих братьев. А когда Арнуванда объявил: если войско Богини Вурусему не захватят Хаттусу, он всем тысячникам отрубит головы, командиры пришли в отчаяние. Посовещавшись, мы решили выдвинуться вперед всех к Хаттусе и перейти на твою сторону. Остальная армия подойдет только к следующему утру. Вряд ли они посмеют штурмовать Хаттусу, узнав, что город защищают копьеносцы из города Арины.

– А что Арнуванда? – перебил его Суппилиума. – Он не с войсками?

– Правитель так громко кричал и долго бился в истерике, что занемог. У него открылся жар. А немой лекарь сбежал. Так что, Арнуванда вынужден отлеживаться в Цапланде.

– Чем ты озабочен, великий? – спросил Цула. Теперь у тебя могучее войско. Еще при лабарне Тудхалии ты мечтал возглавить ряды Вурусему.

– Я не знаю, как мне поступить, – признался повелитель. –

Что делать дальше? Вести переговоры с братом? Схватить его и заключить в темницу? Я стану преступником. Не могу я нарушать закон Телепину.

– Какой же выход? – спросил Фазарука. Все ожидали ответа от Суппилулиумы. Но ответа у него не было. Наконец он приказал:

– Пусть позовут предсказателя.

Привели немого брадобрея, того, который помогал Фазаруке в Цапланде. Поняв, что обман откроется, и его ждет неминуемое наказание, колдун ничего лучше не придумал, как только поскорее удирать из Цапланды.

Маг принялся объяснять жестами, а Фазарука переводил:

– Я всю ночь вопрошал звезды, а днем гадал по внутренностям быка и свиньи. Узнал только то, что к тебе летят две вести. Они принесут свободу и горе. Остальное Боги скрывают.

– И все?

Немой кивнул.

Когда маг удалился, все зашумели, истолковывая предсказания. В это время вошел мешедь и сообщил, что прибыл гонец из Цапланды. В зале воцарилась напряженная тишина.

Весь в пыли, обессиленный, гонец свалился на колени.

– Говори! – приказал Суппилулиума.

– О, Великий, горе пришло в страну Хатти! Лабарна Арнуванда, да будет он Богом, зарезал себя. – Все ахнули и повскакивали с мест. А гонец продолжал: – Звездopodobная та-

ваннанна Никламатти не вынесла вашей размолвки с братом и смерти лабарны. Она ушла к Богам.

Суппилулиума закрыл лицо руками и застонал. Но тут поднялся жезлоносец Хухулилла. Вид у него был мрачный и, в то же время торжественный.

– Великие мужи Хатти, – произнес он громко. – Боги вынесли решение. Богини Истустая и Пания завершили прясть земную нить жизни лабарны Арнуванды и таваннанны Никламатти. Сегодня ночью лунная ладья Бога Кушуха подберет их души. – Он перевел дух и продолжал уверенней: – Но Великая Хатти не может долго существовать без нового лабарны. Как крону дерева, что уходит в небо и корни, питающиеся от земли, связывает крепкий ствол, так и люди связаны с Богами через лабарну. По праву рода и по заслугам, лабарной должен стать сын Бога Тудхалии и сын Бога Грозы – Суппилулиума!

Все присутствующие единогласно воскликнули громкое «Аха!»

– Я предлагаю созвать Большое Собрание в священном городе Хаттуса, – продолжал греметь жезлоносец. – Пусть Старший кантикини⁴⁸ и Сестра Богов помажут на царствие нового правителя.

– Правильно! Пусть будет так! – поддержали все.

Суппилулиума поднялся, собираясь сказать речь. Но в это время мешедь сообщил, что прибыл гонец из Лувии, с само-

⁴⁸ Кантикини – жрец.

го юга. Вестового привели в зал. Он, как и первый, рухнул на колени. Его потрескавшиеся губы произнесли только два слова, от которых у всех заledenели сердца: «Идет чума!» Даже у мешедей, которые должны стоять как каменные изваяния, перекосило лица от ужаса.

– Нелегкое тебе досталось правление, – хрипло произнес Хухулилла.

Суппилулиума обвел присутствующих суровым взглядом и глухо сказал:

– Справлюсь или погибну. Пусть принесут чистую хубику и калмус. Мне нужно поговорить с Богами.

Часть вторая

С Еникеем на щите

*...Сразимся, и пусть Бог Грозы,
мой господин, решит наш спор
«Из анналов лабарны Мурсили».*

Белесый туман лениво вытекал вниз, в долину из горного ущелья. Сероватые клубы поглощали все на своем пути. Очертания острых скал бледнели и пропадали во влажной дымке. От земли тоскливо запахло сыростью ушедшей зимы.

Пастухи гнали скот в селения. Овцы громко пугливо блеяли. Коровы недовольно протяжно мычали. Пастушьи мохнаты собаки заливались злобным, хриплым лаем. Скорее, скорее, пока узкие тропинки не затерялись в густой молочной пелене.

Все живое спешило укрыться от непогоды. Лишь только один человек никуда не торопился. Он стоял на черном валуне, возвышавшимся над ущельем. Под ним двигались стада. Рядом парили орлы, распластав по воздуху широкие крылья. Взгляд человека был обращен к последним угасающим лучам красного уставшего солнца. Обветренные губы страстно шептали молитву. Черная борода чуть вздрагивала в такт слов. Серая бесформенная баранья шапка наехала на густые брови. Андули из грубой шерстяной ткани облегал мощный торс, оставляя открытыми сильные жилистые руки, покорно сложенные на широкой груди. Серый плащ за спиной подбрасывали порывы ледяного горного ветра. Прочные кожаные сапоги доходили до голых колен, обтягивая твердые икры. На поясе, украшенном медными бляхами, висел корот-

кий меч в деревянных ножнах. Человек опустился на колени и пролил из глиняного кувшина темно-красную струйку вина на черный камень.

Снизу донесся стук копыт. Из тумана вынырнула низенькая разгоряченная лошадка рыжей масти. Верхов сидел стройный чернобровый юноша, лет четырнадцати. Он ловко спрыгнул на землю и быстрым шагом подошел к молящемуся. Тот даже не шелохнулся и продолжал возносить свои мысли к Богам. Человек поклонился последнему отблеску светила, затем медленно встал, глубоко вздохнул полной грудью, возвращаясь душой на землю и, только после этого, повернулся к юноше.

– Отец, прибыл посланник..., – начал юноша, но человек его перебил.

– Ты чего скачешь, как сумасшедший. Совсем лошадь загнал. Смотри, какой густой туман; мог бы в пропасть сорваться.

– Прости, отец, – робко оправдывался юноша, склонив голову.

– Кто тебе позволил верхом подниматься к черному камню? Хочешь разгневать Еникея?

Он вытащил из-за голенища сапога тонкую плетъ и слегка хлестнул юношу по ногам. Тот упал на колени.

– Прости отец... Но сановник прибыл от самого лабарны Суппилулиумы. Я подумал, что тебе надо сообщить об этом как можно скорее.

– Посланник? – Он погладил черную бороду. – Не ждал я посланника так рано. Неужели, скоро придется собираться в поход.

– В поход? – Глаза у юноши загорелись. – Ты возьмешь меня с собой?

– Знаешь куда лабарна намерен идти? Это тебе не с дикими хайсами и не с аццийцами воевать. Тут настоящий поход готовится с большими сражениями.

– Если пойдем на урартов, я туда все тропы проведаль.

– Урарты не стоят того, чтобы Хатти с ними воевала. Бери кувшин, пошли. В следующий раз не смей подниматься к черному камню верхом.

Когда всадники выехали из ущелья на равнину, туман уже пожирал голые поля и жидкие рощицы. Сумерки незаметно спускались на землю, затушевывая все дневные краски монотонным серым. В молочной туманной пустоте слабо мерцали смоляные факела, освещая ворота невысокой крепости, сложенной из неотесанных булыжников.

– Кто едет? – окликнул стражник.

– Хемиша, – ответил один из всадников.

– Спешి домой. Тебя ждет посланник лабарны, – крикнул стражник, распахивая тяжелые створки.

Пробравшись по узким виляющим улочкам, среди невысоких каменных домиков с плоскими крышами, всадники выехали на храмовую площадь. Миновав святилище, они поскакали в гору по широкой мощеной дороге. Показались до-

ма побогаче: в два этажа, с садиками и высокими заборами из булыжника.

Дорога привела к большому добротному дому. Однорукый слуга отворил калитку и впустил всадников в обширный двор. Они спешили, отдав поводья подоспевшим мешедям.

– Посланник ждет тебя с нетерпением, – сообщил старший мешедь.

– Я надеюсь, ты все сделал, чтобы гость не скучал? – строго взглянул на слугу Хемиша.

– Гость очень доволен, – успокоил его слуга.

Хемиша заметил во дворе знакомую колесницу. Опять приехал этот жадный и наглый сборщик податей Мусахи. Не очень-то хотелось видеть его сейчас. Положение в Верхней стране без того тяжелое. Вместе с весной приходил голод. А сборщики податей требовали все больше и больше. Хемиша прекрасно знал, как бессовестный Мусахи приворовывает, но пожаловаться лабарне ему не позволяла гордость. Но – все! Терпение кончилось! Если Мусахи опять потребует лишку, Хемиша выгонит его пинками из города.

Горец решительно взбежал по крутой каменной лестнице, прошел в небольшой зал, устланный овечьими шкурами. Посредине мерцали угли в очаге, сложенном из булыжников. Оранжевые блики играли на прямоугольных, грубо отесанных колоннах. Возле очага на пестром ковре расставлены блюда с мясом и рыбой, белел свежий сыр. Юная строй-

ная танцовщица в тонкой хасгале грациозно извивалась под звуки стонущего иницинара⁴⁹. Мелодично бренчали золотые колокольчики на тонких запястьях и маленьких щиколотках.

Хемиша хлопнул в ладоши, мелодия сразу же оборвалась. Музыканты бесшумно удалились. Чудесная танцовщица упорхнула, легонько ступая босыми ножками. Возле очага зашевелилась груда подушек. Из нее поднялся посланник лабарны, в расшитых золотом, пестрых одеждах.

– Хемиша! Мир тебе! – радостно воскликнул он, раскрывая объятия.

– О всемогущий Еникей! Святая мать Сауска! Неужели ты, Фазарука!

Они крепко обнялись, так, что кости затрещали. Когда радость немного поутихла, Хемиша налил гостю и себе свежесваренного мутного пива, остро пахнущего закваской.

– Садись дорогой Фазарука. Садись гость мой милый. Ты не представляешь, как приятно видеть тебя в своем доме. Я уж подумал, что опять приехал Мусахи. Глаза б мои больше не видели эту наглую свинью. Я однажды чуть живот ему не вспорол: вывел он меня из себя своей наглостью и жадностью. Боги удержали мою руку.

– Ты его больше не увидишь, – успокоил его посланник. – Теперь я буду собирать подати в Верхней стране.

– Вот и хорошо. Я буду тебя чаще видеть. А что случилось с этой жирной скотиной Мусахи?

⁴⁹ Иницинар – струнный щипковый инструмент

– Он так усердно воровал, что, в конце концов, расстался с головой, – объяснил Фазарука без ноток сожаления. – Да, да! – Посланник мелкими глотками допил пиво. – Что ты так тарщишься на меня? У повелителя, да будет славен он во все времена, головы летят, как спелые яблоки с веток. От старого панкуса Арнуванды, считай, почти никого не осталось. За прошедшие десять лет кого чума успокоила, кто проворовался и был казнен. Были и такие, которые, после смерти Арнуванды, противились воцарению Суппилулиумы. Пытались свалить вину за самоубийство Арнуванды на голову повелителя, да не померкнет его имя. Хотели посадить на трон какого-то незаконного отпрыска лабарны Тудхалии. В общем, вели себя очень дерзко. Их пришлось усмирять мечом. Да ты, наверное, без меня все знаешь.

– Какие-то слухи долетали до наших горных закоулков; но интересней услышать все из первых уст. Мне не до политики было в последнее время. Управлять Верхней страной, что усмирять дикого жеребца. Лабарна Суппилулиума доверил мне трудную должность. Постоянно происходят стычки с хайасами. Эти шакалы грабят торговцев. Отбирают все подчистую. С ними сладить не так-то легко. Хайасы хитрые, как лисицы и смелые, как волки. Тут еще ацийцы задумали поживиться. Пришлось гонять этих трусливых баранов по горам. Воевать толком не умеют, а все туда же, на Хатти лезут. После того, как я прогнал ацийцев, их правитель принялся переманивать к себе наших земледельцев. Обещал

плугарям дать много земли и собирать меньше дани. Я в наказание отвоевал у Ацци город Самуху и перекрыл все дороги.

– Повелитель был очень доволен, – кивнул Фазарука. – Самуха еще при великом Лабарне принадлежала Хатти. Суппилиума велел тебя отблагодарить.

– Готов всю кровь за него отдать! Как сам поживает солнцеподобный?

– Живет, как и раньше жил: не досыпает, не доедает. Ты вспомни, какое время настало после смерти Арнуванды. Вся страна лежала в руинах. Всюду голод, города разорены, поля заброшены. Вдобавок чума нагрянула. Еще Митанни грозила отобрать южные земли. Если б Тушратте вздумалось напасть – нелегко бы пришлось. Спасло то, что и в Митанни болезнь разгулялась не на шутку. В Вашшуканни каждый день трупы десятками сжигали. Если б не чума, Тушратта точно бы полез через горы.

– Но расскажи, как Суппилиума взошел на престол.

– Боги помогли, – покачал головой Фазарука. – После похорон Арнуванды панкус перессорился. Одни хотели добиться высоких должностей при дворе, другие боялись эти должности потерять. Пока члены «Великого Рода» грызлись и хватались за кинжалы, Старший Кантикини и Сестра Богов объявили, что Хатти долго не может существовать без правителя. Только через правителя связаны люди с Богами. Совет жрецов решил передать власть жене усопшего лабар-

ны Арнуванды, прекрасной Фыракдыне. Ее объявили таваннанной и сменили хурритское имя на тронное Татухепа. Она тут же переехала из Цапланды в Хаттусу и потребовала себе в мужа Суппилиуму. Его противники даже не успели сообразить: что произошло. Самые отчаянные еще попытались организовать вооруженный мятеж. Но бунтовщиков никто не поддержал. Вся армия Хатти перешла на сторону Суппилиумы. А правители соседних государств побоялись помогать мятежникам. Не желали вступать в конфликт с повелителем ни за какие награды и обещания. Помнили, какой разгром он учинил каскийцам, и как смело прогнал армию Арцавы в три раза превосходящую по силе. Суппилиума, чтобы до конца прекратить смуту, двинулся с копьеносцами в Цапланду. Кто из мятежников не успел сбежать, тех он схватил и казнил. Жестоко! Но другого выхода не было. Как повелитель этого не хотел, однако, власть далась с кровью. Но Боги не наказывают смелого волка, когда он загрызает трусливых шакалов. В конце концов, споры за власть прекратились. Кантикини объявили в храме Сауски Татухепу и Суппилиуму супругами. Затем повелитель был объявлен лабарной великой Хатти. Ну, а после чума нагрянула вместе с холодами. Много народу вымерло. Ладья Кушуха каждую ночь плыла по небу переполненной. Ворота в Хаттусу закрыли наглухо. В Верхнем городе день и ночь палили факела. День и ночь жрецы проводили в молитвах. Алтари были завалены жертвами, лишь бы задобрить богов и отвести

их гнев. Прошло уже восемь лет, как болезнь отступила, а некоторые селения до сих пор стоят пустыми. Вымерли все.

– Познали и мы это горе. Уж лучше умереть от руки врага, нежели от этой заразы, – вздохнул Хемиша. – Говори теперь: зачем пожаловал. Чего хочет правитель?

– Хорошо, давай о деле. – Фазарука выпил еще пива и продолжил: – Наш неугомонный сосед Тушратта никак не может смириться с тем, что Хатти до сих пор не в его власти. Он так и мечтает въехать в Хаттусу на раззолоченной колеснице победителя. Спать спокойно не может. Правитель Митанни желает видеть у ног своих коленопреклоненных свободных хеттов с позорными табличками рабов на шее. От наших лазутчиков поступают тревожные вести: Тушратта вновь готовит армию к походу. Он засыпал правителя Та-Кемет просьбами о военной поддержке. С подвластной Ассирии требует воинов. Его отряды проникают в Кищуватну и захватывают перевалы через Бычьи горы. Но Суппилулиума решил напасть первым.

– А сможем ли мы сокрушить Митанни? – усомнился Хемиша. – Я наслышан об армии Тушратты: много колесниц, вооружение отличное, и обучают копьеносцев командиры из Та-Кемет.

– Все правильно, армия сильная. Однако Суппилулиума говорит, что нельзя пускать врага в Хатти. Надо обязательно дать бой по ту сторону Бычьих гор. Пусть мы потерпим поражение и отступим обратно, но Тушратта уже не в состоя-

нии будет продолжать поход. Ему придется вновь собираться с силами.

– Сколько же мне нужно привести людей?

– Со всей Верхней страны надо снарядить две тысячи копьеносцев, три сотни суты и двадцать колесниц. От племен Хауси требуется пятьсот всадников.

– Да, – протянул Хемиша, недовольно покачав головой. – Непростую задачу ты мне задал.

– Я понимаю, да и Суппилулиума прекрасно знает, что частые войны и чума опустошила твои селения. Но что делать? Всем телепуриям приказано собрать большие отряды. Мало того – надо еще оставить в городах достаточно воинов для защиты.

– Когда Суппилулиума ждет нас?

– Сезон жим⁵⁰ кончится. Скоро наступит сезон хамесха⁵¹, а с ним и великий праздник Вуруллия⁵². Солнцеподобный лабарна Суппилулиума приглашает тебя на праздник.

– Передай лабарне мою благодарность. Заверь его: я прибуду в срок.

Хемиша хлопнул в ладоши. Появился старший мешедь.

– Проводи гостя на покой в лучшую комнату. Смотри, чтобы он ни в чем не нуждался. Пусть всю ночь очаг горит в его спальне.

⁵⁰ *Сезон жим – зима.*

⁵¹ *Сезон хамесха – весна.*

⁵² *Вуруллия – праздник весны.*

– Благодарю тебя, Хемиша. Пусть будет твой дом всегда таким же уютным и теплым.

Фазарука ушел вслед за старшим мешедем.

– Спокойных снов тебе, друг мой, – попрощался Хемиша, затем призвал вестовых. Приказал сообщить вождям племен, что через три дня, с первыми лучами солнца, предводитель ждет их на Совет в городе Катхеп.

Ранним утром храм Еникея в городе Катхепе заполнили бородатые горцы. Все, как на подбор, коренастые, с большими руками и мощными ногами. Одеты в андули из звериных шкур. Обуты в высокие узконосые сапоги. На головах мохнатые бесформенные шапки. Приветствовали друг друга, желая здоровья, силы и покровительства Еникея. Обнимались. Разговаривали громко. В тесной cellule нестерпимо запахло овчиной, конским потом и свежим сыром. Жрец целыми горстями сыпал в священный огонь туххесару, пытаясь заглушить крепкий дух горцев.

Все это шумное сборище состояло из вождей племен Хауси. Вожди приехали со всех горных селений вместе с сыновьями и старейшинами. Перед изваянием Еникея, стоящим на серебряном олене, истанану завалили свежим сыром и внутренностями ягнят. После короткой молитвы и кормления ручного священного оленя, Совет расселся в cellule прямо на полу. Хемиша первым попросил слова.

– Славные вожди, смелые воины и мудрые старейшины, –

начал речь верховный вождь, – пусть ваши годы будут долгими, а дома полны детей! Пусть Еникей вам помогает, а Инар поддерживает ваши силы. Пусть сыновья ваши растут здоровыми и не знают нужды.

Собрал я вас здесь для того, чтобы объявить волю солнцеликого лабарны Суппилиумы, пусть будет он здоров и счастлив. Долго терпела земля Хатти обиды. Каждый камень ее полит кровью. Каждый гепессар земли заполнен костями. Все, кому не лень, приходили грабить и убивать. Довольно! Натерпелись! Наш несокрушимый властитель решил отомстить врагам за все обиды.

– Слава повелителю! Слава Солнцу нашему! – единодушно зашумели вожди, тряся лохматыми смоляными бородами.

– Скоро мы будем жить спокойно: пахать землю, пасти скот и не бояться за завтрашний день, – продолжал Хемиса. – Но и от нас нужна помощь повелителю. Он хочет собрать крепкое войско, чтобы сразиться с армией Митанни. И нас он призывает идти с ним в поход.

Неодобрительный ропот поднялся среди присутствующих.

– Прошу Совет и вождя всех племен, благородного Хемису разрешить мне сказать, – поднялся один из горцев. – Воинов в селениях осталось не так уж много. Если мы соберем отряды и уйдем воевать на юг; не ровен час, нагрянут хайасы или аццийцы – кто тогда защитит наши дома?

Старейшины кивали, соглашаясь с оратором. Вожди сдержанно молчали. Поднялся другой вождь и коротко сказал:

– Хемиша говорит дело: Суппилиуме надо помочь.

– Я знаю, что частые битвы и болезни унесли многих лучших воинов, – вновь заговорил предводитель Хауси, – но свой долг мы должны выполнить. От нас требуется поставить: четыре сотни всадников от горцев и сотню от городов. Городская знать и торговцы снарядят воинов конями, а ремесленники – оружием. Не так уж много. В свое время племена Хауси выставляли по две и по три тысячи ратников. Пусть на коней сядут юноши, которым исполнилось четырнадцать. Тем, кому двенадцать и тринадцать, вполне смогут защитить селения. Решайте!

Совет племен недолго пошумел. Старейшины спорили с молодыми горячими воинами. Вожди неторопливо совещались. Наконец пришли к согласию: собрать войско к назначенному дню.

К обеду все разъехались. Хемиша помолился Богам, затем велел подать коня. Путь его лежал в самые дальние уголки Верхней страны. Надо объехать все селения, призвать воинов в поход

Резвый конь понес телепурия по каменистой узкой дороге. Вслед мчались два охранника – два старших сына. Одному исполнилось четырнадцать, второму едва стукнуло двенадцать. Но жизнь полная опасностей, торопила их взростать, заставляла с малых лет привыкать к оружию.

Фитильки потрескивали, разбрызгивая масло в золотых лампадах. Ярко-желтая ткань затягивала стены, скрывая неровную каменную кладку небольшого низкого помещения целлы. На черном каменном кубе хуваси пара белых мраморных быков влекла серебряную колесницу. В ней стоял небесный Бог Солнца. Грозный лик с глазами из кровавых рубинов застыл в презрительной усмешке. Золотое тело Бога было облачено в дорогую одежду, расшитую серебряными нитями.

Перед изваянием, покорный и терпеливый, стоял великий властитель Хатти. Для встречи с Богом Суппилиума нарядился в желтую накидку верховного жреца и высокий колпак с изображением крылатого солнца. Из-под колпака, на широкие плечи свободно падали черные кудри. Смуглое лицо еще сохранило свежесть молодости: так же неистово сверкали темно-карие глаза, так же черны густые брови, сросшиеся над переносицей; но высокий смуглый лоб уже бороздили чуть заметные морщины. Несколько серебряных волосков пробивалось в густой черной бороде. В правой руке властитель держал длинный золотой калмус, в левой кувшин с жертвенным вином. Повелитель зывал к Богу:

– Небесный Бог солнца, мой господин, пастырь человечества!

Ты встаешь, Бог Солнца, из моря и восходишь на небо.
О, Небесный Бог Солнца, мой господин,
Каждый день ты вершишь суд над всем живым:
Над всеми, кто летает, ходит и плавает.

Ты все видишь, ничего от тебя нельзя скрыть.
Обрати же свой взор свысока на земли Хатти.
Кругом голод и нищета.

Мы виноваты перед тобой. В твои храмы прихожане приносят мало даров.

Но им самим нечего есть.

Мы искупим свою вину, только помоги народу обрести потерянное могущество и возвыситься над миром.

И тогда твои храмы заполним богатыми дарами и щедрыми жертвоприношениями.

Прошу тебя!

Закончив молитву, повелитель совершил обряд жертвоприношения: Поставил кувшин с вином перед изваянием Бога, сверху положил разломленную надвое лепешку с сыром.

Повелитель покинул целлу. Минувя несколько маленьких комнат и узкий проход, он оказался во дворе храма, где зелела священная самшитовая роща, и журчал божественный источник. Его ожидали роскошные носилки с полотняным навесом от солнца. Двое сановников помогли лабарне устроиться на мягких подушках. Восемь могучих мешедей подняли носилки на плечи и плавно двинулись по городу. Са-

новники пристроились следом за носилками. Справа пыхтел, переваливаясь с ноги на ногу, толстый Иссихасса. Слева величественно шествовал Фазарука. За ними следовала свита лабарны, шелестя дорогой одеждой. Аромат благовоний исходил от вельмож. Сверкали золотые украшения, поскрипывала мягкая кожаная обувь. Впереди шествовали безмолвные телохранители с каменными лицами, все высокие, плечистые. В медных начищенных шлемах, с высокими гребнями конских волос, отражалось небо. Цула возглавлял охрану, неся высокий золотой жезл правителя.

Прохожие, оказавшиеся на пути процессии, тут же склоняли головы и не смели поднять взгляд, пока свита не проследует мимо.

Мешеди внесли носилки в халентуву и плавно опустили на мозаичный каменный пол. Суппилулиума поднялся, жестом отпустил свиту и слуг. Остались только Иссихасса, Цула и Фазарука. Они стояли, склонив головы, покорно сложив руки на груди, готовые ловить каждое слово или молниеносно выполнить любой приказ.

Лабарна снял с головы колпак. Тут же подскочил Иссихасса и бережно принял головной убор из рук властителя.

– Все-таки тяжело быть сразу верховным жрецом, правителем страны и командующим армией, – пожаловался Суппилулиума.

– У каждого своего жребия, предначертанный Богами, – посочувствовал Фазарука. – Кто-то сеет ячмень, кто-то пасет

скот, кто-то охотится за зверем, а властитель должен управлять государством, вершить суды, водить войска в поход, говорить с Богами.

– Я десять лет уже у власти, а все не могу привыкнуть. Как только мой отец Тудхалия и брат Арнуванда, да придут они с Богами, справлялись со всеми делами сразу?

– Государственные заботы они поручали вороватым сановникам, – нашел объяснение Фазарука, – поэтому и страну довели до нищеты, да придут они с Богами.

– О, Солнце наше! – сладкозвучно пропел Иссихасса. – Твое бремя тяжелое, но ты правишь мудро и справедливо. Мы, твои верные мешеди, недостойны даже лучезарного взгляда. Ты, поистине, великий потомок благородного Лабарны. Его священная кровь не зря течет в твоих жилах. Твое славное имя еще загремит по всей вселенной...

– Хватит лести! – устало прервал его Суппилиума. – Прикажи собрать тысячников войск Вурусему, Таккеха и Зерна. Пусть ожидают меня в зале для Большого Соборания.

Вскоре, военачальники прибыли в халентуву. Воины приветствовали лабарну громким «Аха!»

Суппилиума опустился на каменный трон, окинул всех внимательным взглядом и произнес:

– Я созвал вас, великие воины Хатти, поведать о новой угрозе, что нависла над страной. Снег сходит с гор. Скоро наступит время сева. Как только заколосятся всходы, и зерно нальется силой, Тушратта задумал обрушить на нас свою

непобедимую армию. Мы окружены врагами, словно стаей шакалов. Если войско Митанни перевалит через Бычьи горы, тут же к нему на подмогу кинутся Каски, Арцава, Ацци, Иссува, Ахейва... Подлые твари ждут, что лев вот-вот ослабнет, набросятся на него и будут рвать его плоть. Но у льва должно хватить сил, подняться – тогда он выживет. – Суппилиума тяжело вздохнул. – Кругом нищета и голод. Наша земля истерзана войнами. Но нам надо отстоять свою свободу. Для этого, первыми напасть должны мы.

Военачальники молчали, но лица их помрачнели.

– Высказывайтесь, – потребовал Суппилиума. – Я знаю, что вы думаете: решение мое смелое и дерзкое, но – безумное. Хочу слышать ваше мнение.

– Разреши мне сказать, Солнце наше, – попросил Цула.

– Говори, – разрешил повелитель.

– У Тушратты воинов – не счесть, много колесниц. Наемникам он платит щедро. Удастся ли нам собрать достаточно войск? Хватит ли в казне серебра для содержания большой армии? У нас всего шесть тысяч копей. Чтобы сразиться с армией Митанни, надо набрать еще не меньше десяти.

– Твои слова справедливы, – согласился лабарна. – Я дал распоряжение телепуриям прислать в Хаттусут ополчение. Надо будет из землепашцев, пастухов и ремесленников сделать воинов.

– Разреши мне сказать, Солнце наше, – попросил Фаза-рука. – Новое войско мы не успеем хорошо обучить за ко-

роткий срок. А нам предстоит с боями переваливать через Бычьи горы. С необученным войском мы понесем большие потери.

– Придётся попотеть, – не отступал Суппилиума, – но армию надо подготовить в короткий срок.

– Тогда, может быть не через горы? – предложил Фазарука. – Митаннийцы закроют перевалы и будут стоять на смерть. Не лучше ли идти в обход, с востока, со стороны Евфрата. Через земли хурритов мы выйдем прямо к Вашшуканни.

– Я хочу сказать, Солнце мое, – послышался слащавый голос Иссихассы. – Это безумие – идти в обход Бычьих гор. Чего можно ожидать от полудиких хурритских племен? Сначала нам предстоит с боями прорываться по горным тропам, где хозяйничают Хайасы. Там не всегда два человека могут разойтись. А как мы протащим колесницы и повозки? Сколько на это потребуется драгоценного времени? Сколько отважных воинов падет в стычках с дикарями? А после, нас встретят крепости Исувы. Войско измотается на долгих переходах. Допустим, и Иссуву мы минуем, но дальше – переправа через Евфрат. Вот тут нас и уничтожат. Тушратте останется брать нас голыми руками. Единственный верный путь – только через Бычьи горы.

– Но неужели в Бычьих горах меньше митаннийских крепостей, чем в Исуве? – возразил Фазарука.

– Я решу, как лучше поступить, – сказал повелитель.

Спросил у Иссихасы: – Ты разведал, каковы силы у Тушрат-ты?

– Я вел тайные переговоры с одним из военачальников правителя Митанни, – сообщил самодовольно Иссихасса. – Он обещали снабдить меня планами всех укреплений и проходов в Бычьих горах.

– Кого же этот предатель? – удивился Суппилиума.

–Артатама.

– Неужели сам Артатама продан? – изумленно воскликнул повелитель.

– По секрету сказать, Артатама ненавидит Тушратту, как и Тушратта его недолюбливает, – заговорщицки объяснил Иссихасса.

– Почему же до сих пор Тушратта доверяет ему армию?

– Артатама происходит из древнего рода, который ведет свое начало от первых правителей Митанни. Среди знати он имеет большое влияние. Его поддерживают многие военачальники и хурритские вожди.

– Каковы его планы? – заинтересовался Суппилиума. – Неужели готовит заговор?

– Артатама не верит, что армия Хатти сможет дойти до Вашшуканни. Но если ты дашь хороший бой и покажешь силу, Артатама выступит в роли спасителя страны. А это может привести к перевороту...

– Хочешь сказать, Артатама решил использовать меня, чтобы захватить власть в Митанни? А он позволит потом мне

отойти обратно без потерь?

– Можешь быть спокоен, Солнце наше, я обо всем договорюсь.

– Не верю я ему, – подумав, ответил Суппилиума. – Надо надеяться на собственные силы, а не на предателей. Армию надо готовить, крепкую, надежную.

– Что касается воинов Хатти, – не унимался Иссихасса, – так зачем им подготовка? Каждый хетт, лувиец, хуррит с раннего детства познает военное искусство. Пастухи с младенческих лет носят вместе с посохом лук и стрелы. Землепашцы в одной руке держат плуг, другой сжимают рукоять меча. Один хаттусский ремесленник стоит десятерых воинов Митанни.

– Возможно, ты и прав, – нехотя кивнул лабарна. – Но войско – не твоя забота. С кем ты еще вел переговоры?

– С ассирийским посланником.

– И какова позиция Ашшурбалита?

– Ассирия готова тайно поставить колесницы с упряжью.

– От помощи я не откажусь. Что Ашшурбалит требует взамен?

– Ничего. Он ждет ослабление Митанни, чтобы окончательно выйти из-под власти Тушратты.

– И все же его воины будут сражаться под началом Артамы

– Ассирия вынуждена, как подвластное государство, помогать войсками.

– Еще есть новости?

– Я тайно встречался в Ахейе с посланником Та-Кемет. Он обещал позаботиться, конечно, за золото, о том, чтобы фараон Эхнэйт не поддержал Тушратту в войне. Посланные на помощь войска могут и не успеть к сражению.

Суппилулиума недоверчиво покачал головой:

– Обещала кошка мышку не трогать, а мышка зерно из амбара не таскать, так обе с голоду и подохли!

– А самое главное, – ни как не успокаивался Иссихасса, – Аласия⁵³ может дать корабли для переправки части войск по морю. Таким образом, можно разорить незащищенные южные земли Митанни со стороны Угарита.

– Ты неплохо поработал, – похвалил его Суппилулиума, отчего Иссихасса довольно порозовел. – Однако хватит ли у нас серебра и золота, заплатить за все. Что скажет казначей?

Старший казначей сокрушенно покачал головой.

– Казна ничтожна, мой повелитель. Нам очень часто приходилось посылать подарки вождям диких племен, чтобы прекратить разбойничьи набеги. Мы не в состоянии держать большие отряды на границах. Платили правителям соседних государств за то, чтобы не переманивали землепашцев. Знати везде много, а вот землю возделывать и скот пасти – всегда народу не хватает. Очень много из казны взял уважаемый Иссихасса. Ему потребовалось серебро для укрепления городов. С телепуриев мы вытягиваем все, что можно. Торгов-

⁵³ Аласия – остров Крит

цы возмущаются величиной пошлин. Ремесленники начинают роптать из-за непомерных поборов. Землепашцам скоро нечем будет кормить свои семьи.

– Что скажет жезлоносец Цула? – спросил повелитель.

– Хочу поддержать Фазаруку, – откликнулся великан. – Нельзя идти через Бычьи горы. Надо через Малатю проникнуть в Митанни. Всем известно: если хочешь заколоть быка, нужно подходить к нему сбоку, а не спереди – иначе окажешься на рогах. С Хайасами как-нибудь справимся. И Иссуву пройдем быстро.

– В твоих словах есть здравый смысл, – согласился Суппилиума. – Но обход может занять много времени. Тушратта, между тем, вот-вот готов вступить в Кищуватну. Если он дойдет до Туванувы, его армия пополнится войском Арцавы. – Суппилиума нахмурился. – Ничего не остается, как только идти быку на рога.

– Но где взять золота на содержание армии? – несмело напомнил ему Цула.

Все опустили глаза. Наступила тишина, как перед грозой. Вдруг, словно спасительный лучик солнца, гордо и самодовольно прозвучал голос Иссихассы:

– Я знаю, где взять золото! – Он вынул из ушей золотые кольца, с пальцев снял перстни с камнями и сложил к ногам повелителя. – На это можно купить триста мин ячменя или заказать у оружейника двадцать наконечников для копей. Каждый вельможа должен последовать моему примеру.

– Ты, воистину, великий муж Хатти! – воскликнул Суппилиума.

– Самый великий муж Хатти – это ты, Солнце наше. Я лишь червь у твоих ног, – скромно ответил просиявший вельможа.

– Но нашим сановникам не так-то просто будет расстаться с безделушками. Отобрать у них золото силой я не посмею, – задумался Суппилиума.

– О чем ты говоришь, великий! – совсем разошелся Иссихасса, размахивая пухлыми кулаками. – О каких украшениях может идти речь, когда страна на краю гибели. Если они сейчас не отдадут свои перстни и браслеты, то завтра будут ходить голыми. Сикель золота не стоит и песчинки святой земли Хатти. А кто будет противиться – тех изгнать из Хаттусы навсегда!

– Согласен. Тебе я и поручу собрать золото с сановников. Сам я, как не тяжело мне этим заниматься, раздобуду серебра в храмах. Брать у Богов – кощунство. Но иного выхода нет. Пожалуй, и таваннанна кое-что отдаст из своих бесчисленных украшений.

Иссихасса склонил голову в знак признательности, за оказанное ему доверие. На самом деле он постарался спрятать лицо, чтобы никто не заметил, как жадно сверкнули его маленькие глазки.

Дальше обсуждали: как лучше составить армию, сколько понадобится колесниц и повозок, сколько нужно будет вре-

мени для подготовки войска к походу; чем вооружать пополнение. Покончив с делами, Суппилулиума всех отпустил.

Вошел мешедь и сообщил, что великая, звездоподобная таваннанна ожидает лабарну к обеду на своей половине халентувы. Фыракдыне сама встретила супруга и повела к столу. Прекрасной таваннанне уже исполнилось двадцать шесть. Она принесла властителю трех сыновней. Но красота ее нисколько не померкла.

Длинная хасгала небесного цвета облежала высокую грудь. Тонкую талию стягивал широкий пурпурный кушак. Замысловатую прическу из сплетенных черных локонов покрывала полупрозрачная накидка, спадавшая по плечам до пояса. Изящный золотой обруч охватывал высокий гладкий лоб. Брови гордо изогнулись тонкими дугами. Нежные руки казались еще тоньше в массивных золотых браслетах. Из-под подола хасгалы выглядывали маленькие узенькие туфельки, расшитые серебром. Пьянящий аромат исходил от Фыракдыне.

– Мир тебе, – приветствовал повелитель сиятельную супругу. – Ты все такая же прекрасная и неотразимая, словно утренний цветок, умытый небесной росой. Лишь только маленькая морщинка появилась возле глаз.

– Хранят тебя Боги, – ответила таваннанна, мелодичным твердым голосом, привыкшим повелевать. Она сделала вид, что расстроилась. – Мог бы и не говорить о морщинке. Теперь весь день будет плохое настроение.

Мешеди придвинули стульчики, и лабарна с таваннанной сели за накрытый стол.

– Твои повара чудно готовят. А виночерпии настоящие знатоки своего дела, – оценил правитель сервировку. – Но только ради обеда ты пригласила меня?

– Не часто голубь стал навещать голубку, – упрекнула супруга таваннанна. – Как-нибудь захочешь меня увидеть, придешь, а вместо прекрасной Фыракдыне найдешь сторбленную старуху с высохшим лицом и редкими седыми космами.

– Я и такую буду тебя любить. Ты мне милее всех моих молодых жен, – искренне заверил ее лабарна. – Прости, но государственные дела отнимают почти все время.

– Отдохни сегодня от забот. Пообедай со мной. Останься до вечера. Я прикажу позвать сыновей. Ты совсем их не видишь. Арнуванда стал совсем взрослым и рассудительным. Мурсили – настоящий воин, как и предок, в честь которого его нарекли; ему лишь бы подраться да поохотиться. Недавно Цула его учил править колесницей. Телепину прилежный ученик, почитает Богов, постоянно твердит молитвы; он готовится стать кантикини. Жрецы-наставники хвалят его. Пиясили еще маленький, но очень любит музыку и танцы. А старший, Алувамна уже состоит писцом при храме. У него появился настоящий друг – горский юноша, младший брат Хемиши. Они вместе постигают науку письменности и языков. Недавно он мне показывал глиняные таблички, которые сам расписал на хеттском, на лувийском и на аккадском. Он

научился хорошо говорить по-хурритски, знает шумерский.

– Я очень горд за сыновей. Сожалею, что заботы о Хатти не дают мне чаще с ними встречаться. Время нынче неспокойное. Но не за тем ты звала меня. Я вижу по глазам.

– Хотела побыть с тобой наедине. Мы видимся лишь в храмах да на Большом Собрании панкуса. Мне нужно с тобой поговорить о предстоящем празднике Вуруллия. Во что мне нарядиться на главную церемонию в честь Бога Грозы?

Суппилулиума начал выказывать нетерпение:

– Еда у тебя чудесная. Но я больше привык к грубой пище. Предложи мне лучше пива и ячменных лепешек. Про наряды рассуждать, я не мастер. Обсуди это лучше с женами сановников. Но не за этим ты меня звала.

– От тебя, Солнце мое, не скрыть даже мыслей.

Правительница жестом приказала мешедям удалиться. Затем поднялась из-за стола.

– Я отведу тебя в сад. Там тихо. Нам никто не помешает.

Суппилулиума нехотя последовал за таваннанной. Сад благоухал весенними цветами. Она провела супруга в легкую деревянную беседку, окруженную цветущими деревьями. На небольшом резном столике ждала ваза с фруктами и сосуды с нектаром.

– К чему все это, – не понял Суппилулиума. – Зачем выходить в сад? Неужели ты боишься говорить в стенах халентувы. Ты – первая шпионка Хатти, которая знает больше всех моих сановников.

– Осторожность никогда не помешает. – Таваннанна сменила мягкий тон на твердый. – Ты прав: я знаю больше всех твоих писцов. Позвала тебя, чтобы сообщить неприятные новости. Мною получено послание из Та-Кемет от Анхесенамут, третьей дочери правителя Эхнэyota. С ней мы давно ведем тайную переписку.

– Думаешь, мне интересно слушать, о чем пишет маленькая девочка?

– Дочери Солнца рано взрослеют. Из ее письма я поняла, что окружение правителя Та-Кемет очень обеспокоена твоими приготовлениями к войне. Они требуют, чтобы Эхнэyот предоставил военную помощь Митанни. Особенно настаивают первый жрец Йота Эйя⁵⁴ и главнокомандующий Хармхаб⁵⁵. Ассирия, которая тайно обещала поставить тебе колесницы, откажется от сделки. План стал известен во всех подробностях Тушратте. Та-Кемет надавит на Аласию, и та не посмеет послушаться. Флот ты тоже не получишь.

– Стоит ли верить Анхесенамут. Она еще ребенок. Может быть, услышала что-то, от кого-то, но неправильно поняла. Рассуди сама: вот уже много лет Ассирия платит позорную

⁵⁴ Эйе – сановник амарнского периода, ставший впоследствии фараоном Древнего Египта, правивший приблизительно в 1323 – 1319 годах до н. э., из XVIII династии.

⁵⁵ Хармхаб – древнеегипетский сановник и военачальник, впоследствии ставший фараоном Древнего Египта, правивший приблизительно в 1319 — 1292 годах до н. э., последний из XVIII династии (по мнению отдельных исследователей, его можно считать первым фараоном XIX династии).

дань Митанни. Саусаддатар вырезал, чуть ли не весь Ашшур, да еще вывез из священного города Золотые ворота.

– Но еще, Ассирия помнит лабарну Мурсили, – возразила таваннанна, – тогда он дошел до Вавилона⁵⁶. Ашшурбалит⁵⁷ не очень-то желает второго такого нашествия. А может быть, просто не верит в твои силы. Но самое главное, Анхесенамут сообщает, что среди твоих орлов притаилась змея. Гадина готова ужалит, как только ты ослабнешь.

– Какой бред! Этого не может быть! – воскликнул Суппи-лулиума. И стукнул по столу кулаком так, что ваза с фруктами подпрыгнула.

– Держи себя в руках, властитель, – невозмутимо сказала Фыракдыне. – Укроти гнев и с холодной головой подумай, кто из твоего окружения способен на предательство.

– Ерунда! Почему я должен верить этой девчонке? Кто посмеет нанести мне удар в спину? Цула? Мы выросли вместе. Он был моей тенью, моим щитом. Сколько раз спасал мне жизнь! Фазарука? Вспомни, как он вытащил меня из подзе-

⁵⁶ Поход царя хеттов Мурсили I в Месопотамию и Сирию Около 1595-1590 г. до н. э.

⁵⁷ Аишшурбаллит I правитель Ассирии (Месопотамия), правивший в 1365-1329 гг. до Р. Х. 1329 г. до Р. Х. Аишшурбаллит был первым из династии ишшиаккумов (правителей) Аишшура, принявший титул "Владыки Ассирии". В своих письмах египетскому фараону он именовал его "братом". Вел успешные войны с Митанни и отобрал у хурритского государства Аррахи важный район Кабра (у переправы через Нижний Заб). Аишшурбаллит активно вмешивался в дела Вавилонии и сумел посадить на вавилонский престол сына своей дочери Караиндаша II, а затем, в 1333 г. до Р. Х., Куригалъзу II.

мелий Цапланды. Иссихасса? Этот – рук не покладая, трудится на благо Хатти. Посмотри, как он укрепил города. К тому же, его дочь – моя третья жена.

– Цула не может предать, – согласилась Фыракдыне. – А вот Фазарука и Иссихасса... я в них сомневаюсь. Чутье меня не обманывает. Если не можешь предположить, который из них – убей обоих, – рассудила Татухепа. – Нет, не открыто. Это вызовет недовольство среди знати. А вот, если яд или еще что-нибудь...

– О Боги, вы послушайте, о чем говорит эта женщина! – возмущению Суппилиуму не было предела. – С чего ради меня должен убивать верных слуг. Из-за наветов маленькой девочки, откуда-то из далекой Та-Кемет? Может, заодно весь панкус передушить?

– Глупая женщина тебя предупредила, – во взгляде Фыракдыне промелькнула молния. – Дальше поступай, как желаешь нужным, неблагодарный.

– Боги мне дадут совет, – мрачно ответил Суппилиума, немного поостыв. – Но у меня есть к тебе просьба.

– Я рада буду ее исполнить.

– Мне не хватает золота на содержание армии.

– Скажи лучше, что у тебя совсем его нет, – поправила таваннанна. – Я уже приготовила двадцать мин золота и пятьдесят мин серебра. Тарсиньялы⁵⁸ переделали мои прогулочные колесницы в боевые.

⁵⁸ Тарсиньял – мастер по изготовлению колесниц

– Вот теперь я вижу перед собой мудрую таваннанну и щедрую властительницу, – радостно воскликнул Суппилулиума.

– Но мешедей своих я тебе не дам. Пусть остаются в Хаттусе. – Продолжила Фыракдыне. – Еще неизвестно, как ты вернешься: на колеснице победителя или босиком в рваном плаще.

– Надеюсь, что боги не оставят меня, – вновь помрачнел Суппилулиума.

– Когда путник идет через пустыню, он тоже надеется на богов, однако, берет с собой воду. Не забывай о нашем разговоре.

– Я буду помнить, – недовольно пообещал лабарна, резко повернулся и удалился быстрым шагом.

Хемиша потрепал по гриве коренастого низенького конька, поправил чепрак из овечьей шкуры. Проверил, все ли на месте. Маленький овальный щит и копье передал мешедям. Поправил на голове островерхий медный шлем. Щелкнул в ножнах остро отточенным мечом. Чехол со стрелами и короткий тугой лук повесил за спину. Готов к походу. Легко запрыгнул на круп коня. Поднял руку, подавая знак музыкантам.

Громко забили большие походные хухупалы, разнося по горам гулкое эхо. Городские ворота с визгом и скрежетом распахнулись. Через проем въехали вооруженные до зубов всадники на сильных коренастых лошадях. Копыта звонко застучали по камням мостовой. Колыхались длинные нечесанные гривы. Сами всадники были подстать скакунам: широкоплечие, чернобородые, с горящими глазами. Все в коротких андули из шкур животных, в шлемах из толстой кожи, на ногах высокие остроносые сапоги.

Всадники по узким улочкам стекались к храму Еникея. Толпа горожан приветствовала воинов громкими криками. На обширной храмовой площади всадники выстроились ровными рядами. На против горцев встал городской отряд конных воинов в нагрудниках из толстой кожи и островерхих медных шлемах. Тут же красовались десять новеньких

боевых колесниц.

Площадь перед храмом наполнилась невообразимым шумом: ржание лошадей, протяжное мычание волов, громкие боевые кличи. Вновь загрохотали хухупалы, перекрывая гомон. Воины вынули мечи из ножен и принялись дружно бить ими по щитам, производя нестройный грохот.

В коридор, образованный двумя рядами всадников, лихо влетел Хемиша. Он приветствовал воинов, воздев вверх правый кулак. За ним следовали десять телохранителей, среди которых находился старший сын. За охраной ехали вожди племен на конях и старейшины на ослах.

По знаку Хемиши, зная, а за ней все воины, спешились и направились к храму, отдав поводья босоногим мальчишкам, которых набежало великое множество поглазеть на войско.

Во внутреннем дворе храма воины и зная тесными рядами выстроились напротив широкого проема, ведущего в целлу. Во мраке священной комнаты сиял золотом лик Еникея. Кантикини в длинных желтых одеждах с почтением вывели стройного горного оленя с позолоченными рогами. Прирученное животное не боялось большого скопления народа, но все же блестящие умные глаза настороженно глядели на толпу бородатых горцев. Нос чуть вздрагивал, втягивая воздух. Олень олицетворял самого грозного Бога и защитника племен Хауси.

Помощники кантикини привели годовалого бычка, десять

овец и десять коз. Старший жрец, под громкие возгласы воинов, восхвалявших щедрого и милостивого Еникея, длинным ножом перерезал бычку горло. Затем остальные животные были умерщвлены таким же способом. Остро запахло свежей кровью. Воины по очереди подходили к священному оленю и ставили у ног божественного животного кувшины с вином и пивом, после разламывали пополам круги сыра или ячменные лепешки и клали сверху на кувшины.

Совершив молитву, войско оседлало коней и двинулось из города. Горцы дружно грянули боевую песню. Их сильные глотки издавали такой мощный звук, что от многократного эха задрожали вершины. Над частоколом копий взвился шест с оленьими рогами. Следом лениво потянулись повозки, влекаемые волами.

Хемиша проследил, пока последняя телега не выехала за ворота. Только после этого он тронул коня вслед войску.

– Отец, возьми меня с собой! – Юноша схватил Хемишу за ногу. Его еще детские глаза выражали мольбу и решимость.

Хемиша строго взглянул ему прямо в лицо.

– Мал еще. Только двенадцать исполнилось. Мы едем на войну, а не на лис охотиться. Тебе там, в первой же схватке башку свернут.

– Но отец, я хорошо владею копьем и на коне крепко держусь, – не унимался мальчик. Казалось еще чуть-чуть, и он заплачет. Глаза заблестели, щеки налились краской.

– Сиди дома. Не хватало, чтобы ты еще расхныкался.

– Я не буду хныкать. Никогда. Я уже взрослый! – Обиженно воскликнул подросток, удерживая слезы.

– Возьми его, – робко попросила высокая стройная женщина в черной хасгале. Она держала под уздцы молодого скакуна. Синий войлочный чепрак с горским узором покрывал спину коня. Заботливой рукой уложены дорожные мешки и оружие.

При виде женщины лицо Хемиши смягчилось. Но он, стараясь придать голосу строгость, недовольно пробурчал:

– Долго он тебя уговаривал?

– Долго, – тяжело вздохнула женщина и опустила глаза, но тут же вновь смело взглянула на Хемишу. – Но твой сын не трус. В нашем роду всегда воины рано садились на боевых коней. Вспомни себя.

Хемиша почесал бороду, призадумался. Оглядел оценивающим взглядом подростка, затем кивнул.

– Добро! Садись. Если мать отпускает – значит пришла пора изведать запах битвы. Но поедешь с обозом.

– Почему с обозом? – покраснел от досады мальчик. – Пусти меня в первую сотню, в городской отряд.

– Вытри нос и слушай, что я тебе говорю, – вновь рассердился Хемиша. – Пока не научишься остро точить копье – не пушу даже в последнюю сотню.

– Слушаю, отец, – со вздохом ответил юный воин. Затем он упал перед матерью на колени. Она нежно погладила чер-

ные непослушные кудри. Мальчик выхватил из ее рук узду, взлетел на коня и вихрем умчался вслед за войском.

Печальные глаза женщины наполнились слезами.

– Не плачь, – постарался ласково утешить ее Хемиша. – В поход ушли только двое твоих сыновей. Еще трое подрастают.

– У тебя было четверо братьев, а остались только ты да Танри, – всхлипнула женщина.

– Ничего не поделаешь. Наша жизнь в руках Богов, – вздохнул Хемиша. – Главное, что погибли все они достойно, с оружием в руках. Среди них не было трусов и предателей.

– И все же, присмотри за ним, – несмело попросила женщина.

– Еще чего! – возмутился Хемиша. – Сам о себе позаботится. Мне за целым войском надо присматривать. А теперь – прощай. Молись за нас.

Хемиша вылетел из городских ворот. Чернобородые горцы громко пели, перекрывая шум быстрой бурлящей реки. Народ высыпал на городские стены. Мальчишки весело кричали. Женщины плакали и утирали слезы концами головных накидок. Старые воины качали седыми бородами, довольно цокали языками, вспоминая свою беспокойную молодость, когда они вот так же, с песнями уходили в походы – молодые, сильные, бесстрашные.

Отряд Хемиши двигался быстро, без передышек, лишь изредка останавливаясь напоить коней. Ночлег проводили

недолгий. Только за полночь спешивались и разжигали костры, а первые лучи уже встречали верхом. От границы с Хай-асой и Ацци до Хаттусы путь лежал долгий: через всю Верхнюю страну, через долину реки Марассантии, затем по берегам Скилакса, по унылым нескончаемым пыльным дорогам, среди высоких гор, густых лесов и обширных степей.

Сердце сжималось у воинов при виде родной земли, выжженной и вытоптанной врагами. Хоть лихие годы и миновали, но память о тяжелых временах встречалась повсюду. Когда-то цветущая земля, где колосились просторные пашни и цвели необъятные сады, теперь превратилась в одичалую степь. Кое-где на пути попадались руины крепостных стен. Раньше здесь шумели города. Теперь бесформенные груды кирпичей, поросшие сорной травой, сиротливо возвышались среди холмов. По широким дорогам в былое время проходили большие торговые караваны. Верблюды, ослы, волы тащили огромные тюки с разнообразным товаром. Теперь степь еле угадывалась в траве, а местами вообще заросла или размыта дождями.

Только изредка попадались признаки жизни: вдруг вдалеке появится небольшой табун лошадей, заблеют на склоне горы кучерявые овцы или длинношерстные козы, на маленьком черном клочке земли пахарь погоняет волов, тянущих плуг. Но при виде вооруженных людей, табунщик спешит угнать лошадей, пастухи прячут стада в ложбины, пахарь бросает плуг и хватается за оружие, напряженно всмат-

риваясь: куда направляется войско.

Вскоре отряд всадников вышел на широкую дорогу. Здесь все жило и двигалось. До Хаттусы оставалось меньше дневного перехода, но большое количество людей и повозок не давало возможности быстро проехать. Вооруженные отряды и обозы медленно тянулись к столице. Пешие воины неспешно плелись, неся на плечах копья и щиты. Колесницы пробирались, лавируя среди копьеносцев. Возничие дергали лошадей и громко ругались с погонщиками волов. Высокие повозки с припасами и оружием для армии еле катились на сплошных деревянных колесах.

Хемиша решил, подождать, пока поток немного схлынет. Да и солнце начинало клониться к горизонту. Он приказал остановиться на ночлег возле небольшого селения. Горцы напоили коней из родника и отпустили их пастись под присмотром младших воинов. Запылали костры. Зазвучали песни. Мясом жарилось, издавая аппетитное шипение. Тут же появились вездесущие торговцы. Они ходили от костра к костру и наперебой предлагали вино, сладости, оружие, хорошую шерстяную ткань для плащей и много другой мелочи, необходимой в дальнем походе.

Сделав некоторые указания вождям племен, Хемиша сел возле костра в круг воинов. Снял шлем, ослабил ремешки на доспехах. От долгой езды верхом ныла спина, и затекли ноги. Хемиша прилег, положив под голову щит, расслабил мышцы. Вскоре воин погрузился в сладкую дремоту. А гор-

цы продолжали громко болтать, жевали полусырое мясо, запеченное на углях, запивали слабым кислым вином.

– О, знатнейший и богатый господин, не желаешь купить раба? – Услышал Хемиша над ухом.

Он приподнялся, постепенно выходя из дремоты. Перед ним со смиренным видом стоял торговец невольниками – неприятный старик в засаленной серой одежде. Сзади него стояли десятка два связанных рабов. Среди них были даже женщины. Несчастных охраняли трое здоровенных погонщика с палками в руках.

– Чего ты хочешь? – Спросил Хемиша, еще не совсем проснувшись.

– Купи рабов, господин, – вежливо повторил торговец. – Отличные невольники. Плохой товар я не держу. Вижу, ты богат и знатен, а слуг у тебя нет. Где это видано, чтобы знатный воин сам наливал себе вино и жарил мясо. Хочешь, я продам тебе красивую невольницу. У меня есть чудесная рабыня: сильная, стройная. Она умеет шить, стирать, готовить. Правда, у нее есть один недостаток, – торговец развел руками, – она дорого стоит. Но для такого знатного воина я немного уступлю. Выбирай! Больных нет, кривых – тоже.

Хемиша нехотя поднялся и прошелся вдоль строя невольников, внимательно осматривая каждого. Он хоть и родился в знатной семье, и с детства видел в своем доме много слуг, но никогда не держал рабов. Горцы ценят свободу больше всего на свете. Вид этих жалких связанных людей вызывал в

нем чувство сострадания и возмущения.

– Хемиша, бери этого здорового парня, – советовали воины. – Нет, его ты не прокормишь. Бери, лучше, кучерявого юношу. Он может стать слугой и оруженосцем. Купи девку, с ней будет веселей, – смеялись они.

Хемиша остановился возле последнего невольника. Необычный вид раба почему-то привлек его внимание. Раб был высокий и худой, но крепкий. Странная черная одежда непонятного покроя с широкими рукавами доходила до земли. Он стоял, не как все невольники униженно ссутулившись, а гордо расправив плечи. Весь его вид говорил, что хоть он и связан, но дух его не сломлен. Глаза невольник зачем-то закрывала черная повязка. Руки скручены за спиной тугим узлом.

– Господин, тебе не нравится мой товар? – забеспокоился торговец.

– Товар паршивый, – с нескрываемым презрением ответил Хемиша и указал на странного невольника. – Ты смеешь торговать слепцами? Он музыкант или певец?

– Этот не слепой! – с гневом воскликнул торговец. – Он пересмотрит любого зрячего. У него глаза злого духа. Это – сам Ярри в облиции человека. Не подходи к нему близко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.